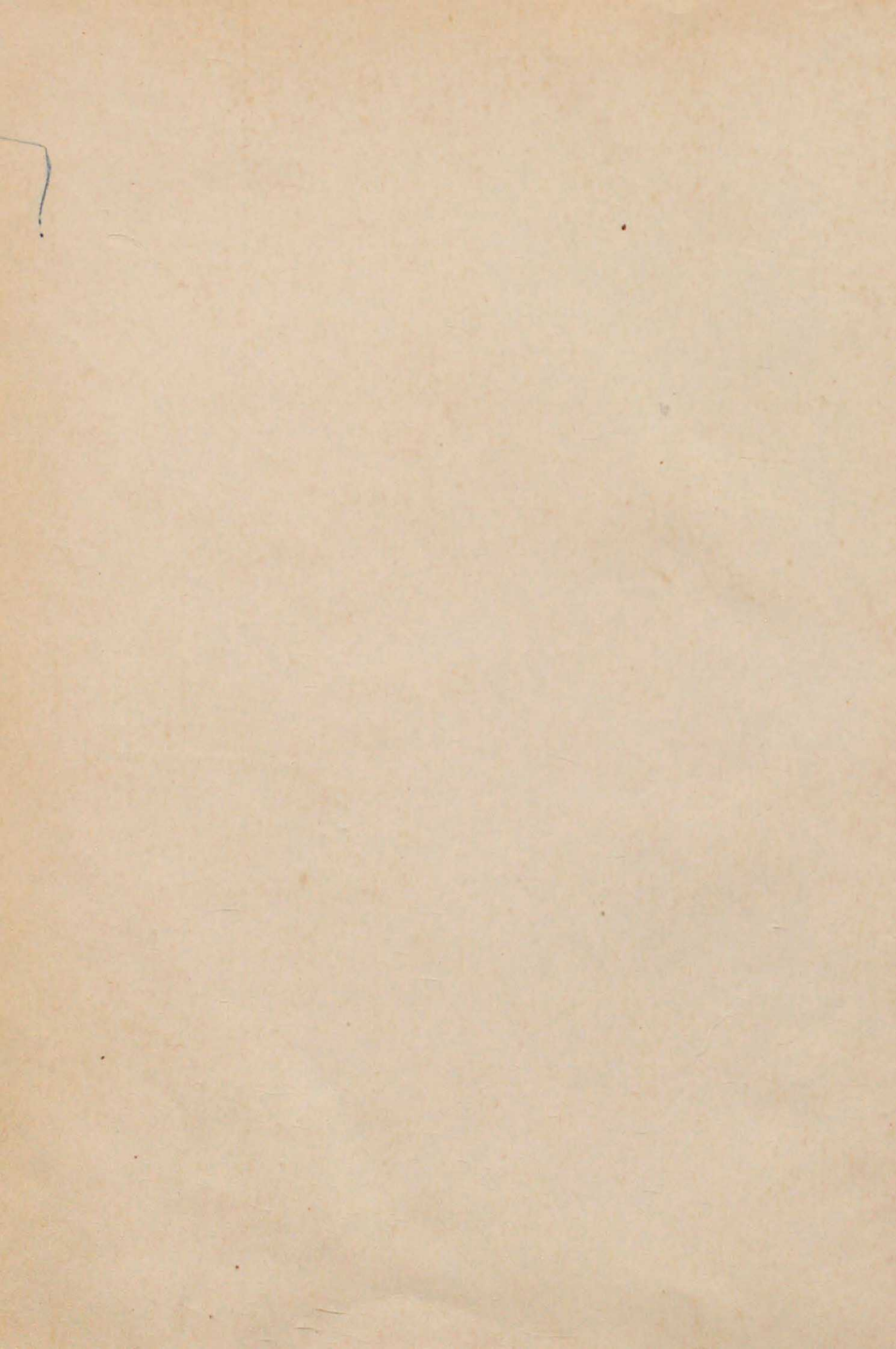

U $\frac{275}{40}$

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
Дмитрія Петровича
СЫРЕЙЩИКОВА.

27275
40

Лич 54

С. А. Толузуновъ.

**На поляхъ Манчжуріи
и въ Россіи послѣ войны.**

Изданъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1906.

Складъ В. А. Березовскаго. Спб. Колокольная, 14.

ПИСЬМА О ВОЙНѢ СЪ ЯПОНИЕЙ

Людовика Нодо.

Переводъ съ французскаго Н. М. Лагова.

Событія, очевидцемъ которыхъ я былъ,
будутъ интересны еще сотни лѣтъ.

Людовикъ Нодо.

(Телеграмма изъ плѣна).

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ переводчика. Главы I—XIII. Они не знали. Главы XIV—XV. Чья вина? Глава XVI. Дурные признаки. Главы XVII—XXIII. Изъ записной книжки. Глава XXIV. Первая фаза сраженія. Главы XXV—XXVI. Вторая фаза сраженія. Главы XXVII—XXXVII. Военныя приключенія.—Заключеніе. Всего 328 стр. . . . Цѣна 1 руб.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Тяжело читать письма Нодо, тяжело больше всего потому, что онъ пишетъ правду, что все имъ сказанное нельзя приписать ни стремленію очернить, унизить русскую армію, ни враждебному къ ней отношенію. Напротивъ онъ высоко ставитъ ея нравственныя достоинства, преклоняется предъ ея храбростью и самоотверженіемъ, вмѣстѣ съ ней болѣетъ душой за ея неудачи, но по долгу безпристрастнаго писателя-журналиста, не можетъ молчать о причинѣ этихъ неудачъ. Переведены эти интересныя и поучительныя письма Нодо прекрасно.

„Развѣдчикъ“ № 751. А.—овг.

ИЗЪ ВРАЖЕСКАГО СТАНА.

Изъ „Дневника военнаго корреспондента“ при японской арміи, Р. КАНА.

Цѣна 40 коп.

Изъ отзывовъ печати: „Книга Р. Кана заслуживаетъ совершенно исключительнаго вниманія и представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ работъ, которыя до сихъ поръ появились о русско-японской войнѣ, столь же по цѣнности точныхъ указаній, которыя онъ дѣлаетъ относительно многихъ, до сихъ поръ оставшихся для насъ смутными пунктовъ, сколько и по поучительности, которую можно извлечь изъ текущихъ событій для тактики будущаго.

(„Figaro“ № 109, 1905 г.).

[illegible]

Издана В. Березовский

1906.

2011096475

Оглавленіе.

	Стр.
Отъ издателя	1
Предисловіе	3

ЧАСТЬ I.

Письма съ дороги на Войну.	7
Уралъ.	14
Байкаль	19
Движеніе отряда Ренненкампа на Югъ.	25
Развѣдка Куаньдяняся	35
Усиленная рекогносцировка вдоль р. Бадаохе отъ м. Самайдзы по направленію къ Фынхуанчену	45
Тяжело раненъ на родинѣ	67
Развѣдка Бейдагоу.	81
Бой отряда ген. Ренненкампа съ 14 по 22 ф. 1905 г.	89
14-го февраля	97
15-го „	101
16-го „	109
17-го „	111
18-го „	117
19-го „	121
20-е „	126
22-е „	131
Что вы хотите отъ насъ.	134
Нѣсколько словъ о распорядительности въ бояхъ, какъ частной причинѣ нашихъ неудачъ	140
Офицеры на войнѣ.	143
Лучъ свѣта	151
Цензура на войнѣ.	157

ЧАСТЬ II.

О массовой неудовлетворительности корпуса офицеровъ арміи	165
Что нужно офицерамъ арміи	192
Общественная роль офицера.	202
Былое (Разсказъ изъ войны)	219

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Печатая трудъ С. А. Толузакова, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ авторомъ, на долю котораго выпала тяжелая обязанность совмѣстить во время войны роли простого, строевого офицера на передовыхъ позиціяхъ и спеціальнаго корреспондента сперва «Петербургской газеты», а затѣмъ «Новаго времени». Какъ съ этимъ справился С. А. Толузаковъ,—свидѣтельствуемъ о томъ редакція «Петербургской газеты», напечатавшая, послѣ полученнаго извѣстія о тяжелой ранѣ ея корреспондента, короткую, но характерную замѣтку подъ заглавіемъ «Поручикъ Толузаковъ», въ которой между прочимъ говорить слѣдующее:

«Недавно еще наши читатели имѣли возможность прочитать его въ высшей степени интересныя письма съ театра войны... Шлемъ ему наилучшія сердечныя пожеланія скораго поправленія отъ раны...» и т. д.

Затѣмъ въ «письмахъ къ ближнимъ—раненые» Г-нъ Меньшиковъ (Новое время) говоритъ:
...«девять мѣсяцевъ войны—и уже десятки тысячъ раненыхъ печально тянутся на родину. У насъ ихъ

ждутъ впечатлѣнія неожиданныя и очень грустныя. Помните письмо вернушагося съ войны г. С. Толузакова? Онъ прямо пишетъ, что этими впечатлѣніями былъ «тяжело раненъ на родинѣ». Его нервный протестъ взволновалъ публику... Читая прекрасное письмо г. Толузакова, чувствуешь, что онъ выстрадалъ свой протестъ...

Какъ большой психологъ, Г-нъ Меньшиковъ еще тогда же отмѣтилъ извѣстную нервность и выстраданность мыслей въ статьяхъ С. А. Толузакова. Именно эта нервность, страстность, искренность и страданіе души молодого корреспондента такъ сильно дѣйствовали и подкупали читателей, которые, по свидѣтельству очевидцевъ, засыпали г-на Толузакова на Дальнемъ Востокѣ своими письмами и телеграммами. Нѣкоторыя изъ нихъ попадали въ печать; такъ напримѣръ въ «Новомъ времени» было перепечатано изъ газеты «Кіевлянинъ», о томъ что кружкомъ частныхъ лицъ послана 15 апрѣля въ дѣйствующую армію телеграмма отъ кіевлянъ на имя корреспондента С. А. Толузакова, въ которой, мы отмѣтимъ слѣдующее выраженіе — «Всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами мы всегда съ Вами»... Подъ телеграммой 1.230 подписей. Подписные листы доставлены въ редакцію «Кіевлянинъ».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

16 мѣсяцевъ тревогъ, волненій, страшныхъ лишеній, безконечно-ужасныхъ потрясающихъ картинъ войны, способныхъ свести человѣка съ ума, рядъ военныхъ неудачъ, щемящее чувство боли отъ незаслуженныхъ обидъ, оскорбленій, потоковъ грязи, вылитыхъ частью прессы на нашу армію, безропотно погибавшую на поляхъ Манчжуріи, оскорбленіе раненыхъ офицеровъ на улицахъ Петербурга толпою, холодное, безучастное отношеніе окружающихъ къ этимъ возмутительнымъ событіямъ презрительное снисхожденіе нашей интеллегенціи къ «жалкимъ, потерпѣвшимъ по своей же «глупости» вернувшимся съ войны — все это промелькнуло передо мною, оставивъ глубокій слѣдъ какой-то горечи. Бываетъ иногда, что во снѣ васъ давитъ тяжелый

кошмаръ, вы мучаетесь, страдаете и наконецъ просыпаетесь съ холоднымъ потомъ на лбу и съ горькимъ осадкомъ въ душѣ. Такъ и очнулся отъ кошмара войны, съ болью въ сердцѣ взглянулъ на то, что происходитъ на яву и хочется крикнуть: да за что, за что все это? Да, мы не дали вамъ побѣды, но развѣ виноваты въ этомъ какой-нибудь раненый поручикъ Сидоровъ изъ Портъ - Артура? За что изъ за нѣсколькихъ пьяницъ, героев тыла, вы кладете клеймо на цѣлую армію, когда мы иногда чуть ли не съ голоду умирали питаясь подстрѣленными воронами, вслѣдствіе крайне затруднительнаго подвоза продовольствія въ горахъ на лѣвомъ флангѣ. Почѣму почти любая газета теперь съ радостью принимаетъ всякую замѣтку о какомъ-нибудь скандалѣ съ офицеромъ и тутъ же съ какимъ-то злорадствомъ прибавляетъ: «таковы всѣ господа офицеры».

Вы радовались нашимъ пораженіямъ, рассчитывая, что онѣ ведутъ васъ къ освободительнымъ реформамъ. Вы систематично развращали прокламаціями нашихъ солдатъ, подрывая въ нихъ дисциплину и уваженіе къ офицерамъ и кое-гдѣ это вамъ удавалось; были случаи сдачи почти безъ боя въ плѣнъ.

Скажите, положи руку на сердце, не были-ли и вы отчасти виноваты въ сдачѣ эскадры Небогатова

японцамъ? Вѣдь, большинство его моряковъ были изъ Черноморскаго флота, гдѣ произошелъ прискорбный фактъ съ... «Потемкинымъ».

Недисциплинированная, развращенная армія — это не войско, а сбродъ вооруженныхъ людей, толпа, способная причинить вредъ государству, а не пользу.

«Намъ не надо армій!» приходилось мнѣ иногда слышать Наивныя, смѣшныя сужденія! Какъ обрадуются имъ наши сосѣди-враги: уничтожьте войско и они разорвутъ Россію по кускамъ. Неужили вы этого хотите?

«Да, но что же эта за армія, въ которой офицеры облѣпляли паровозъ, тендеръ и удирали съ позицій подъ Мукденомъ» возражали мнѣ другіе.

Были и такіе, но въ семьѣ не безъ уroda. Подсчитайте убыль въ офицерскомъ составѣ и вы увидите, что почти 75% погибло подъ Мукденомъ.

«Хоть бы одно хорошее дѣло за эту войну!» кричали нѣкоторые съ негодованіемъ.

Извольте господа. Я раскрою передъ вами стра- ницы многострадательной геройской эпопеи на лѣ- вомъ флангѣ, но я упомяну и о нашихъ ошибкахъ.

С. Т.

На поляхъ
Манчьжуріи.

Часть I.

Письма съ дороги на войну.

До отхода скорого сибирскаго поѣзда осталось 10 минутъ! Тороплюсь пробраться къ своему вагону съ носильщикомъ, который съ трудомъ очищаетъ мнѣ дорогу среди публики, собравшейся провожать родныхъ, близкихъ, знакомыхъ.

Лица отъѣзжающихъ большею частью скорѣй веселыя, чѣмъ грустныя.

Около самыхъ дверей въ вагонѣ, загородивъ собою проходъ, стоитъ молодая женщина. Въ порывѣ безконечнаго отчаянія, едва сдерживая рыданія, охватила она руками шею поручика артиллериста, повидимому ея мужа, и крѣпко, крѣпко прижалась лицомъ къ дорогой для нея головѣ — словно вся замерла.

Надо пройти, а потревожить ихъ въ эту минуту неловко, да и жалко — быть можетъ въ послѣдній разъ видятся.

Раздается второй звонокъ, и я наконецъ попадаю на свое мѣсто, кое-какъ бросаю вещи на диванъ и выхожу на площадку вагона взглянуть на публику.

Торопятся проститься. До меня долетаютъ отдѣльныя фразы:

— Не забывай.

— Хоть изрѣдка, ради Бога, пиши слышишь?...

— Смотри, если ранять, дай знать, а то я еще хуже измучаюсь отъ неизвѣстности!

— Да хранить тебя Богъ, родной мой!

— Ну, прощайте!

— Нѣтъ, не прощай, а до свиданья!

«Разъ, два... три», едва доносятся удары станціоннаго колокола.

— Господа, пожалуйста, сію минуту поѣздъ отходить,—слышится голосъ кондуктора.

Тихо, тихо двинулся поѣздъ, словно и ему тяжело было такъ сразу прервать минуты прощанья, а съ дебаркадера несется оглушительное ура, мелькаютъ заплаканныя лица... чья-то рука издала благословляетъ отъѣзжающихъ.

А толпа ужъ бѣжитъ по платформѣ, всматриваясь въ окна вагоновъ, къ которымъ приникли пассажиры, пытаясь еще разокъ увидѣть какое-нибудь дорогое для каждаго лицо.

Поѣздъ идетъ уже почти полнымъ ходомъ.

Въ окна сразу послѣ свѣтлаго вокзала взглянула темная ночь.

«Ну, какихъ-то попутчиковъ Богъ послалъ мнѣ», думаю, возвращаясь въ купе, «только бы не дамы: эти милыя въ повседневной жизни созданія — въ дорогахъ оказываются невыносимыми существами, которые быстро превращаютъ васъ въ поѣздную прислугу...

Въ отдѣленіи два офицера и одинъ штатскій, повидимому желчный, раздражительный господинъ.

Вхожу въ моментъ оживленнаго спора, знакомлюсь. Разговоръ скоро заинтересовалъ меня настолько, что я считаю не лишнимъ передать его, не называя фамилій моихъ собесѣдниковъ.

— Вы спрашиваете меня,—обратился поручикъ конно-артиллеристъ къ штатскому, которой, какъ мнѣ показалось, былъ чѣмъ-то недоволенъ, что побудило меня идти добровольно на войну.

— Ну конечно, долгъ, честь, любовь къ отечеству и т. д., перебилъ его злобно штатскій.

— Я могу обойтись и безъ этихъ красивыхъ словъ, они не всегда выражаютъ то, что происходитъ въ душѣ человѣка въ такія минуты, какъ настоящія.

Вѣдь вы не будете отрицать, что большинство людей живутъ безъ всякихъ духовныхъ интересовъ,

запросовъ, равнодушные ко всѣмъ окружающимъ. Въ то же время человѣкъ чувствуетъ, если не всегда, то временами, какую-то неудовлетворенность, и у него появляются неясные, еще безсознательные порывы къ чему-то лучшему, свѣтлому; только выхода самъ онъ часто не въ силахъ найти...

— И война по вашему является именно такимъ выходомъ, котораго требуетъ наша душа? Полноте, не клеветайте на себя.

— Нисколько, для меня, какъ военнаго, это наиболѣе простое и прямое рѣшеніе сложнаго вопроса, о которомъ я только что вамъ говорилъ.

Представьте себѣ, у меня, какъ только началась война, всякая работа валилась изъ рукъ, а чувствовалъ, что нельзя уже жить по прежнему, ходить на вечера, играть въ карты, интересоваться какими-нибудь отвлеченными вопросами, когда въ эту самую минуту происходитъ нѣчто болѣе важное на Дальнемъ Востоцкѣ.

Я только теперь понялъ практически, что значить хоть на время забыть свои личные интересы и жить для общей цѣли.

Поѣздъ, сильно качая изъ стороны въ сторону, несетъ впередъ, съ каждой минутой приближая насъ къ театру военныхъ дѣйствій, а временами кажется,

что онъ черезъ медленно двигается — такъ велико желанье поскорѣй увидѣть все самому.

На другой день иду завтракать въ вогонъ ресторана.

Слышу, кто-то поетъ. Открываю дверь.

У противоположной стѣны за піанино сидитъ пѣхотный капитанъ и акомпанируетъ моему поручику конно-артиллеристу.

«Оставь меня! меня пече-а-аль трево-о-жи-ить»...

Тихо, слегка вибрируя, звучитъ голосъ пѣвца.

Какъ много напомнилъ мнѣ этотъ романсъ!

Да и не мнѣ одному, навѣрное, многіе его слышали въ иной обстановкѣ...

Вообще настроеніе въ столовой болѣе чѣмъ веселое.

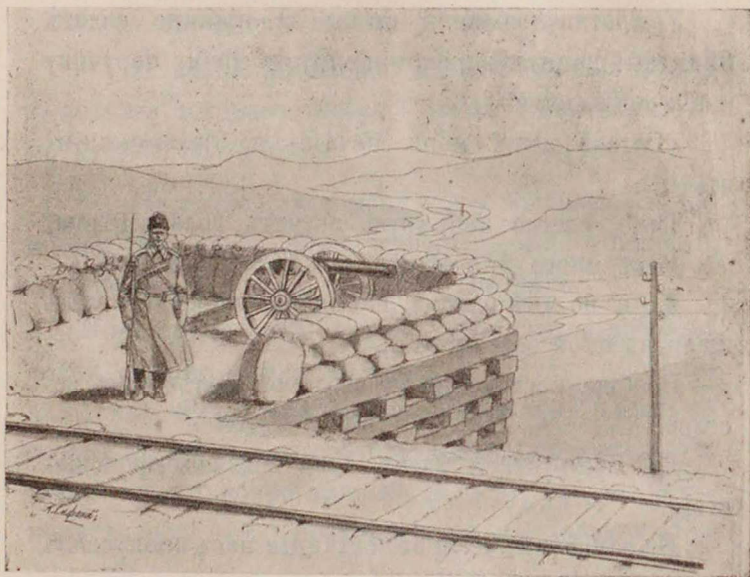
До Бугуруслана ѣдемъ безъ всякихъ происшествій.

На запасномъ пути этой станціи насъ пропускалъ воинскій поѣздъ. Тутъ-же толпятся солдаты въ папахъ, на погонахъ 6 восточ.-Сибир. стр. п. — это 2 роты, взятые отъ Олонецкаго и Бѣлозерскаго пѣх. полковъ.

Пользуясь минутой, чтобы осмотрѣть солдатскіе вагоны. Стѣны обиты войловомъ и въ каждомъ — печка.

— Ну, что, не холодно, братецъ? спрашиваю ближайшаго ефрейтора, громаднаго роста.

— Никакъ нѣтъ, даже оченно тепло. Вотъ, солдатики все интересуются, ваше благородіе, правда-ли,

Охрана желѣзно-дорожнаго моста.

что японецъ хлипкій? нерѣшительно обратился онъ ко мнѣ.

— Да, пожалуй изъ тебя двоихъ японцевъ можно сдѣлать, улыбаюсь ему въ отвѣтъ.

Окружающіе смѣются.

— Ничепуренко, выходитъ, что ты въ двойнѣ поганый человѣкъ, коли изъ тебя можно двухъ японцевъ сдѣлать, — раздается чей-то голосъ въ заднихъ рядахъ. Смѣхъ усиливается.

Однако пора и садиться, поѣздъ уже тронулся.

Начиная отъ ст. Сирай-Гирь и до станціи Талды Буланъ по бокамъ дороги мелькаютъ татарскія деревеньки, съ высокими деревянными минаретами...

На станціи «Глуховской» мы простояли болѣе $\frac{1}{2}$ часа, такъ какъ въ Гайно въ пассажирскомъ поѣздѣ № 6, идущемъ до Иркутска, сошли съ рельсъ средніе два вагона. Несчастій не было, благодаря тому, что поѣздъ шелъ замедленнымъ ходомъ и сейчасъ-же былъ остановленъ.

Пассажиры отдѣлялись только страхомъ. Пришлось оставить испорченные два вагона и размѣстить по остальнымъ перепуганныхъ пассажировъ.

Въ Расыкѣ мы догнали этотъ поѣздъ и мнѣ удалось поговорить лично съ одной дамой, которая все же еще не могла вполне успокоиться отъ пережитыхъ непріятныхъ минутъ.

Въ Аксеновѣ мы застали почтовый поѣздъ № 3, который везъ пассажировъ съ Дальняго Востока.

Вхожу въ вагонъ. Какъ разъ въ дамское отдѣленіе.

— Нѣтъ-ли новостей? спрашиваю.

— Все спокойно, по прежнему; вотъ только китайцы начинаютъ волноваться. По Манджуріи ѣхать было даже страшно!..

Я за дѣтей особенно боялась...

— А вашъ поѣздъ тронулся уже! слышу сзади себя голосъ кондуктора.

Какъ сумасшедшій бросаюсь съ почтоваго поѣзда, рискую сломать себѣ ногу и уже на ходу едва успѣваю вскочить на подножку своего вагона.

Уралъ.

Утро. Только что проснулся, взглянулъ въ окно и не могъ удержаться отъ восклицанія: еще вчера мы ѣхали по ровной, какъ скатерть, степи, а сейчасъ по обѣимъ сторонамъ пути высились громадныя горы; даже неба не были видно.

На скоро одѣвшись, я прошелъ въ послѣдній вагонъ, въ задней стѣнкѣ котораго и бокахъ были громадныя окна.

Всюду виднѣлись горы, которыя тянулись своими вершинами къ небу; казалось, что на горизонтѣ эти вершины почти совсѣмъ сливаются съ нимъ.

По склонамъ спускался густой лѣсъ, и только

мѣстами, гдѣ они были обнажены, лежалъ глубокій снѣгъ, ослѣпительно блестя на солнцѣ.

Чѣмъ-то суровымъ, своеобразно красивымъ вѣяло отъ дикой природы Уральскихъ горъ!

Поѣздъ, пройдя выемку, сталъ замедлять ходъ — мы приближались къ Златоусту.

На станціи передъ лавками желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій невозможная толкотня и суматоха, каждый изъ пассажировъ считаетъ своимъ долгомъ что-нибудь купить на память.

Смотрю, мой знакомый военный юристъ тащить громадную, старого образца казачью шашку.

— Послушайте, куда она вамъ? спрашиваю его съ улыбкой.

— Какъ куда? А для денщика? Пускай его носить, тѣмъ болѣе, что всего за три рубля купилъ.

— Да вѣдь вамъ и воевать не придется! — не унимаюсь я.

— Ну, тамъ еще «будемъ посмотрѣть»! — смѣясь отвѣчаетъ онъ.

Поѣздъ трогается.

Сейчасъ-же за Уржумкой виднѣется пограничный столбъ.

На сторонѣ, обращенной къ намъ, чернѣетъ надпись «Европа», на противоположной — «Азія».

— Наконецъ-то! слышу чей-то голосъ около себя.

Оглядываюсь. Рядомъ стоитъ вновь произведенный мичманъ, устремивъ взоръ на едва уже замѣтный столбъ. На молодомъ, еще безусомъ лицѣ скользить полное довольство своей настоящей судьбой.

Вечеромъ всѣ торжественно справляли «переваль».

На другой день въ Петропавловскѣ мы встрѣтили запасныхъ, съ которыми поздоровался ѣхавшій съ нами генераль.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ послѣ бесѣды его съ запасными, какъ они уже съ веселыми лицами окружили насъ.

Раздалась залихватская пѣсня запѣвалы, дружно подхваченная десятками голосовъ.

Скуки и апатіи какъ не бывало!

2-ой звонокъ.

Пѣсня рѣзко прерывается, и мы вдругъ, при крикахъ «ура», взлетаемъ на воздухъ.

Признаться, я отъ души пожалѣлъ тѣхъ, кто всю ночь праздновалъ «переваль».

За обѣдомъ познакомился съ военнымъ корреспондентомъ газеты «Berliner Tageblatt», отставнымъ полковникомъ Гедке.

Бѣдняга ни слова не зналъ по русски и, видимо,

былъ въ большомъ затрудненіи, а потому безконечно обрадовался, когда я заговорилъ съ нимъ по нѣмецки.

Я воспользовался случаемъ спросилъ у него о 14 германскихъ офицерахъ, которые, какъ сообщали наши газеты, будто поступили добровольцами въ японскую армію.

— Это нелѣпная газетная утка, — отвѣчалъ мой собесѣдникъ, — такъ какъ, если-бы и нашлись подобные господа, чему я не хочу вѣрить, то, конечно, императоръ Вильгельмъ имъ запретилъ-бы всякія авантюры.

Г. Гедке помѣщался въ одномъ купѣ съ полковникомъ, осетиномъ, который ничего не зналъ по нѣмецки, но тѣмъ не менѣе научилъ его пѣть одну русскую пѣсню.

Послѣдній пришелъ ко мнѣ похвастаться своими успѣхами въ русскомъ языкѣ.

— О! я теперь знаю одну казачью пѣсенку!

— Какую? — спрашиваю его съ удивленіемъ.

И вдругъ слышу, какъ онъ съ крайне довольнымъ лицомъ произносить:

— Нѣмецъ, перецъ, колбаса, купилъ лошадь безъ хвоста.

— Вотъ такъ корреспонденцію пошлетъ — думаю

про себя, и тутъ же перевожу на нѣмецкій языкъ «эту пѣсню».

Мой нѣмецъ чуть не умеръ отъ смѣха. Въ Ачинскѣ узнали о крушеніи почтоваго поѣзда, шедшаго изъ Иркутска. Это уже было второе крушеніе на нашемъ пути.

Недалеко отъ станціи Юрта нашъ поѣздъ замедлилъ ходъ, и мы имѣли возможность разглядѣть обломки 4-хъ вагоновъ. Паровозъ саженьяхъ въ пяти отъ полотна ж. д. почти до основанія трубы врѣзался въ глубокій снѣгъ.

Вагоны 3 класса перевернуло кверху колесами; у остальныхъ были сорваны крыши.

Кругомъ торчали изъ снѣга какія-то обломки и щепки.

На станціи Юртѣ, отъ которой посылали вспомогательный поѣздъ, я распросилъ желѣзнодорожнаго служащаго, только что вернувшагося назадъ съ мѣста крушенія.

Оказывается, были кѣмъ-то удалены гайки, болты, скрѣпляющія прокладки, и рельсъ былъ сдвинутъ во внутрь пути.

Поѣздъ, подойдя къ этому мѣсту, внутреннимъ ребромъ колеса ударился въ край сдвинутой рельсы и сразу свернулъ въ сторону.

Больше всѣхъ пострадалъ вагонъ 3 класса, въ которомъ былъ убитъ казакъ-оренбурецъ. Кромѣ того около 12 человѣкъ ранено.

На этомъ участкѣ дороги охрана стоитъ только у мостовъ и водокачекъ, и потому злоумышленники могли довольно легко совершить это гнусное преступленіе.

Не хочется вѣрить, что злодѣи были русскіе—слишкомъ трудныя минуты и безъ того переживаетъ наша отчизна.

И безъ того у насъ много внѣшнихъ враговъ, чтобы было мѣсто теперь для внутреннихъ. Какъ-бы низко ни упалъ русскій человѣкъ, но уже одно созданіе, что онъ «русскій», что на Россію напалъ непріятель, не позволить ему дѣйствовать за одно съ нашими врагами. Въ этомъ я глубоко убѣжденъ.

Байкаль.

Въ Иркутскѣ выезжаемъ изъ скорого поѣзда, такъ какъ дальше онъ не ходитъ.

Почти всѣ пассажиры рѣшили пробыть нѣсколько дней въ городѣ и только 6 человѣкъ (болѣе нетерпѣливыхъ) отправились со мной дальше, не желая терять время.

Сердечно распростились мы съ остающимися; 8 дней, проведенныхъ въ одномъ поѣздѣ страшно сплотили всѣхъ между собою и я смѣло могу сказать, что мы разставались, какъ близкіе люди. Черезъ 10 часовъ мы приближались къ станціи Байкаль.

Поѣздъ шелъ почти по самому берегу Ангары, которая пѣнясь и волнуясь, бѣжала мими насъ; несмотря на большіе морозы эта рѣка никогда не замерзаетъ, благодаря своему сильному теченію.

Вотъ наконецъ и озеро, самое большое и глубокое на материкѣ Старого свѣта; оно имѣетъ въ длину «всего только 600 верстъ».

Отвѣсныя, грамадныя скалы окружаютъ его... Ярko освѣщаетъ солнце своими лучами снѣговыя вершины горъ... Внизу легли тѣни, скалы кажутся темно-синими.

Противуположный берегъ виднѣется совсѣмъ близко, а на самомъ дѣлѣ здѣсь 43 версты (это самое узкое мѣсто)... Лѣвѣе—поверхность озера почти сливается съ небомъ...

Намъ подають сани, запряженные въ тройку маленькихъ мохнатыхъ «забайкалокъ».

Я скептически смотрю на лошадей и рассчитываю въ умѣ сколько часовъ провезутъ эти клячи 4 чело-вѣкъ съ ихъ чемоданами и вещами.

— Совѣтую одѣть тулупъ, — обращается ко мнѣ мой попутчикъ, а то замерзнешь; вѣдь около $3\frac{1}{2}$ ч. придется ѣхать до противоположнаго берега (ст. Танхой).

— Какъ $3\frac{1}{2}$ часа? Это сорокъ-то три версты на однихъ и тѣхъ-же лошадяхъ въ $3\frac{1}{2}$ часа?

— А вотъ увидите сами.

Лошади трогаютъ и сани поскрипывая, быстро скользятъ своими полозьями по льду...

Правѣ саннаго пути проложены рельсы, по нимъ передвигаютъ вагоны, въ которыхъ такъ нуждалась Забайк. и Восточно Китайск. ж. д.

Дорогой мы обогнали роту стрѣлковъ, которые переправлялись пѣшкомъ черезъ Байкаль въ высокихъ папахахъ, валенкахъ и рукавицахъ; безъ этихъ теплыхъ вещей при 30 гр. мороза и сильномъ вѣтрѣ немислемо обойтись. Мнѣ невольно вспомнился «набросокъ съ натуры» въ приложеніи къ одной изъ газетъ кажется спеціального посланнаго иностраннаго художника на театръ военныхъ дѣйствій.

Рисунокъ носить названіе «переправа черезъ Байкаль нашихъ войскъ.»

Громадныя длинныя сани, запряженныя въ тройку высокихъ лошадей... Солдатики въ лихо-заломленныхъ на бокъ безкозырькахъ (это при 30 градусовъ мо-

роза)... башлыки подь погонами по формѣ... какъ на парадахъ...

Воображаю каковы будутъ «батальные наброски съ натуры» (рисованные въ 40 и болѣе верстахъ отъ поля сраженія).

На 23 верстѣ (почти на половинѣ пути) находится станція «Середина».

Приближаясь къ ней ямщики пускаютъ лошадей въ карьеръ и начинается отчаянная скачка — кто раньше подѣдетъ къ станціи.

Наскоро пообѣдавъ продолжаемъ путь, на тѣхъ самыхъ, некормленныхъ и непоенныхъ лошадяхъ, которые прямо поражаютъ васъ своей выносливостью.

Далеко лѣвѣе саннаго пути раздается какой-то трескъ.

— «Это что такое», тревожно обращаются мои попутчики къ возницѣ.

— «Торосы, по нашему, т. е. трещины во льду — значить «Байкаль» бунтуетъ опять» довольно равнодушно отвѣтилъ ямщикъ, «вотъ лѣтомъ иногда даже странно бываетъ: вѣтра никакого, а глядишь по озеру волны ходять, словно кто сердится тамъ», закончилъ онъ и тутъ же вытянулъ кнутомъ пристяжную, у которой болтались постромки.

Существуетъ предположеніе, что Байкаль произошелъ благодаря сильнѣйшимъ землетрясеніямъ, такъ какъ еще и теперь близъ Тунки, бываютъ слабыя колебанія почвы и видны слѣды бывшихъ вулканическихъ изверженій, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что даже въ тихую погоду озеро сильно волнуется.

Все ближе и яснѣе виднѣются горы противоположнаго берега.

Ямщикъ сразу натянулъ возжи-веревки и лошади шагомъ пошли, стуча своими копытами, по замершимъ доскамъ.

«Ну одну трещину проѣхали еще осталось кажись двѣ», промолвилъ онъ, поварачивая къ намъ свое съ обледенѣвшими усами лицо.

Пассажиры, конечно, заволновались въ своихъ саняхъ; посыпались просьбы, вродѣ того, чтобъ онъ ѣхалъ по тише, осторожнѣе, а то они лучше выйдутъ передъ «торосомъ» и перейдутъ его по доскамъ пѣшкомъ.

Благополучно переѣхавъ еще двѣ трещины, закрытыя досками, мы наконецъ добрались до ст. Танхой и черезъ полтора часа двинулись дальше съ почтовымъ поѣздомъ, вспоминая о прежнихъ удобствахъ экспресса.

Въ маленькую комнату '«залы I и II класса»

влѣтала толпа голодныхъ пассажировъ и чуть-ли не вырывая другъ у друга стулья и мѣста, торопливо уничтожала не первой свѣжести припасы. 1 или 2 лакея, конечно, не могли всюду поспѣвать, а потому болѣе предпріимчивые изъ публики отправились за ѣдой сами на кухню.

За станціей Сохоновой поѣздъ пересѣкъ Яблоновый хребетъ и сталъ спускаться внизъ. Я вышла на площадку, чтобы полюбоваться видомъ. А любоваться дѣйствительно есть чѣмъ!

Опять громадныя горы, но уже залитыя луннымъ свѣтомъ. Отчетливо рисуются края ихъ вершинъ на свѣтломъ фонѣ неба. Сверху сверкають звѣзды своимъ неровнымъ, мерцающимъ свѣтомъ... Словно томятся они среди необъятнаго простора... Внизу чернѣютъ лѣса.

Вдругъ сразу исчезла изъ глазъ волшебная декорация и на нѣсколько секундъ стало совершенно темно: мы проѣзжали туннель.

Движеніе отряда Ренненкамппа на югъ.

По прибытіи въ Ляоянь я узналъ, что 21 апрѣля выступаетъ въ гору на выручку нашего батальона отрядъ Ренненкамппа. Беру коня и скачу въ деревню Шахе, въ 20 верстахъ отъ Ляояля, гдѣ находился штабъ дивизіи, чтобы узнать подробности и направленіе марша.

На дорогѣ встрѣчаю казачьяго офицера съ желтымъ околышемъ.

— «Скажите, сотникъ, какъ проѣхать въ штабъ генерала Ренненкамппа?» обращаюсь я къ нему, сдерживая коня.

— «Да я самъ туда ѣду; могу васъ проводить, если угодно».

— «Будьте любезны, а то немного сбился съ пути я... А вы навѣрно другого отряда», спрашиваю его, замѣтивъ на погонахъ 1 ар. п. (1 аргунскій полкъ)».

— «Это у меня еще старые погоны, а я въ

дивизіи «стремительнаго» генерала Ренненкампфа», съ гордостью отвѣчалъ казакъ. — А вы еще его не знаете?»

— «Читаль о его удачныхъ походахъ въ китайскую войну, но лично съ нимъ не знакомъ».

— «Вотъ вы всё такъ разсуждаете тамъ въ Петербургѣ...» «удачные походы», — передразнилъ онъ съ досадою — «а вы спросите насъ, кто съ нимъ былъ въ бою, что это за лихое, отчаянно смѣлое было движеніе все впередъ и впередъ».

— «Но позвольте, я и не отрицаю его храбрости: два Георгія нельзя получить даромъ», возразилъ я.

— «Ну, знаете, храбростію насъ казаковъ особенно не удивишь; а его главная заслуга въ томъ, что онъ однимъ изъ первыхъ понялъ, что такое китайцы и какъ съ ними нужно драться. Азіаты уважають дерзость и смѣлость. Даже въ разговорѣ, если вы съ нимъ говорите, какъ съ равнымъ, любезно, онъ держится съ вами нахаломъ, но попробуйте съ нимъ говорить въ повелительномъ тонѣ и картина сразу измѣнится: онъ будетъ глубоко убѣжденъ, что нужно повиноваться, такъ какъ значить за вами сила, разъ вы приказываете, а не просите.

У васъ тамъ удивляются тому, что китайцы такъ

легко уступали позиціи, города и т. д. Реннен-кампу, да въ томъ-то и дѣло, что они видѣли смѣлость, если хотите, даже дерзость, которая ихъ гипнотизировала и заставляла удесятывать небольшой отрядъ генерала.

— «Но все таки это былъ рискъ, не подождать прибытія болѣе крупныхъ силъ на театръ военныхъ дѣйствій, съ которыми можно было бы идти навѣрняка», перебилъ я сотника...

— «Ждать прибытія, сосредоточенія войскъ и дать время опомниться другимъ державамъ, которыя, пожалуй, сами не прочь были бы оттягать Манджурію, если не всю, то хоть часть ея, такъ вы излагаете было бы лучше?»

Однако ¹⁾ и штабъ, да такъ и есть, промолвилъ онъ, осаживая жеребца около порога фанзы, на которой развѣвался небольшой флагъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ часовой.

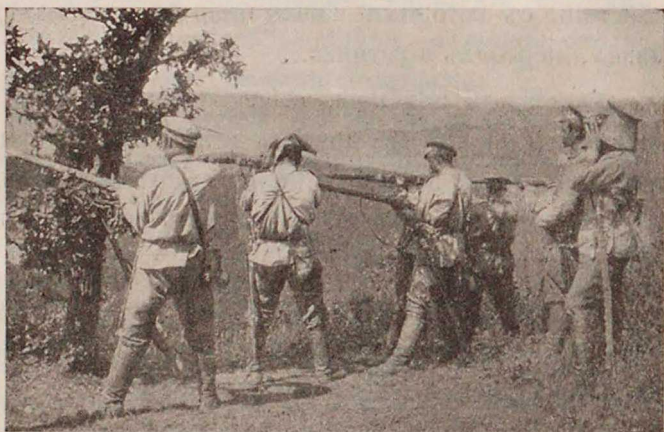
Мы слѣзли съ коней, передавъ ихъ вѣстовымъ и вошли въ штабъ.

Грязная, закопченная фанза была полна офицерами. Кто сидѣлъ на канахъ, кто просто на какомъ-нибудь ящикѣ и весело болтали съ высокимъ

(¹ Т. е. кажется.

полнымъ генераломъ, одѣтымъ въ простую гимнастерку безъ пояса. Я представился и заговорилъ по поводу корреспонденцій.

— «Пишите все, что будете видѣть въ моемъ отрядѣ на походѣ, даже если что-нибудь и непріятное для меня, въ этомъ отношеніи я васъ со-

Въ заставѣ.

всѣмъ стѣснять не буду, за исключеніемъ общихъ правилъ, обязательныхъ для всѣхъ корреспонденцій, а теперь милости просимъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ».

За болѣе, чѣмъ скромной трапезой всѣ ожи-

вленно разговаривали по поводу завтрашняго выступления.

Чувствовалось полное отсутствіе принужденности и натянутости между генераломъ и офицерами. Многіе изъ оберъ-офицеровъ даже обращались къ нему на «ты».

Обѣдъ конченъ.

— Теперь господа пора и поработать, — проговорилъ генераль.

Смѣхъ и шутки прекратились моментально; офицеры съ серьезными, внимательными лицами окружили своего начальника.

Я распрощался и поѣхалъ домой, чтобы приготовить къ походу.

21 апрѣля, дер. Холан-чоу. 9 ч. в.

Немного труднѣе писать послѣ 12 часовъ, проведенныхъ на лошади, однако беру по привычкѣ въ руки карандашъ и сажусь въ сараѣ.

Свѣчку то и дѣло тушить врывающійся въ щели вѣтеръ. Рядомъ слышится богатырскій храпъ со свистомъ, спящихъ на соломѣ офицеровъ.

За стѣнкой раздается конское ржанье.

Вотъ гдѣ-то не вдалекѣ сорвалась съ наповязи лошадь и вноситъ суматоху на бивуакѣ.

— Не моя-ли?—выглянулъ изъ сарая я.

Эка красота какая! Словно очарованный смотришь на дивную понараму горъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ.

Внизу въ лощинѣ сверкають огни костровъ — это «чаюють» казаки.

Легкой дымкой ложится туманъ по рѣкѣ. Пора и работать. Завтра въ 5 часовъ утра выступаемъ.

„Въ передовомъ окопѣ“.

Хочется подробно описать этотъ форсированный маршъ по скалистымъ горамъ, но мало времени. Изъ дивизіи пошли только два казачьи полка, 4 ка-

зачья конная батарея, прочіе остались въ Ляоянѣ. Войска порядочно утомились, благодаря крутому перевалу Ши-Мынь-Линь.

Вообще переходъ былъ довольно таки трудный, но меня утѣшаютъ тѣмъ, что завтра дорога будетъ еще хуже.

22 апрѣля, 10 ч. вечера.

Весь день дождь лилъ какъ изъ ведра, дороги размыло окончательно.

Подойдя къ перевалу Янцзы-линъ я немного усомнился въ возможности прохода артиллеріи.

Передо мной высились крупныя скалистыя горы... вверхъ вилась загагами узкая дорога.

Внизу стояла сплошная каша грязи, въ которой чмокая, вязли ноги лошадей и колеса выше оси.

Орудійныя лошади, спотыкаясь и обрываясь, взбираются на переваль; и наконецъ, выбившись изъ силъ, останавливаются и пушки начинаютъ тянуть ихъ назадъ.

— «NN къ колесамъ! Подложить камни», раздается команда батарейнаго офицера.

Люди впрягаются вмѣстѣ съ лошадьми и общими усиліями тянуть вверхъ.

Немного осталось до вершины...

«Ну, братцы, валяй»!—слышится чей-то голосъ и какой-то офицеръ артиллеристъ хватается за лямку.

Красныя, потныя лица казаковъ, съ раздувшими жилами на лбу выражаютъ полную готовность отдать послѣднія силы.

Отчаянное усиліе людей и лошадей и орудія втянуты на вершину. На минуту остановились передохнуть.

Высоко поднимаются усталыя груди людей, тяжело хрипя дышать они.

Несмотря на холодный, рѣзкій вѣтеръ потъ градомъ льется съ казаковъ.

— «Ну... слава Богу», слышится рядомъ чей-то голосъ.

— «Тормозить колеса!» раздается опять команда и орудія медленно, осторожно сползаютъ внизъ.

А дождь все льетъ и льетъ.

На другой день въ Лянь-шань-чуанѣ мы впервые ѣли горячую пищу въ ресторанѣ на этапѣ № 3.

Какой-то предприимчивый кавказецъ открылъ буфетъ и кормить хотя и горячей, но довольно отвратительной пищей.

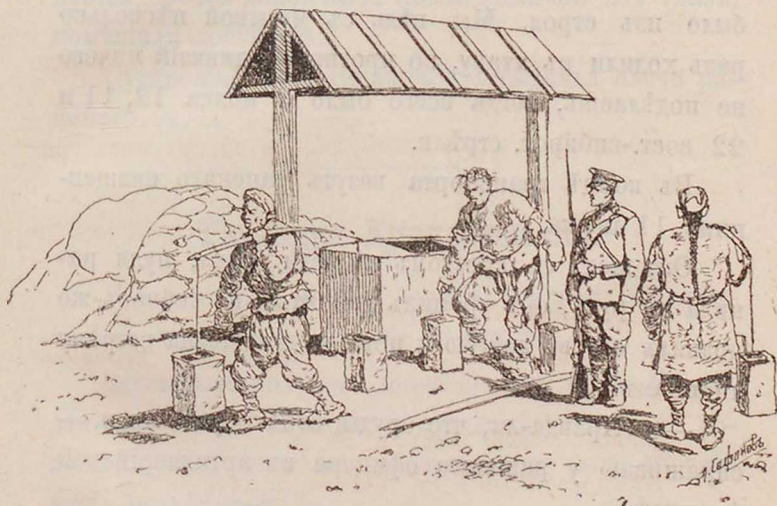
Послѣ привала движемся дальше на востокъ.

По сторонамъ дороги разбиты палатки летучаго

отряда Краснаго Креста, въ которыхъ лихорадочно работаютъ сестры.

Только что прибылъ транспортъ въ 500 человекъ раненыхъ въ бою 18 апрѣля на Тюренченской позиціи.

На встрѣчу тянутся новыя двуколки съ ранеными... одна, другая, третья... теряешь счетъ.

Охрана колодца.

Медленно двигаются двуколки, глухо подпрыгивая на камняхъ своими колесами.

Блѣдныя, измученныя долгой дорогой, лица раненыхъ... лихорадочно блестящіе глаза устремляются вверхъ, какъ бы съ укоромъ.

Вотъ раненый офицеръ, еще совсѣмъ молодой.

— «Вы какого полка» — спрашиваю его.

— «11 *) восточно-сибирск. стрѣлковаго. У насъ большія потери, командиръ полковникъ Леймингъ, 9 человекъ ротныхъ командировъ, 26 офицеровъ, 873 человека убитыхъ. Даже 16 музыкантовъ было изъ строя. Мы вѣдъ съ музыкой нѣсколько разъ ходили въ атаку, но противъ 3 дивизій ничего не подѣлаешь, когда всего было 3 полка 12, 11 и 22 вост.-сибирск. стрѣлк.

Въ концѣ транспорта везутъ раненаго священника 11 полка.

Онъ шелъ съ крестомъ впереди полка; пуля ранила въ руку, онъ уронилъ распятые, но сейчасъ-же поднялъ его въ другую и пошелъ дальше на встрѣчу японцамъ.

— «Правда-ли, что орудія отняты у батареи, — спрашиваю у раненаго офицера въ артиллерійской фуражкѣ.

— «Да, я изъ батареи Моравскаго. Мы попали подъ растрѣль пѣхотѣ въ разстояніи 400 шаговъ, которая появилась внезапно на лѣвомъ флангѣ; противъ нихъ Моравскій отправилъ полубатарею, которая на его глазахъ была разстрѣляна въ нѣсколько

*) Одинъ изъ славныхъ В.-С. полковъ.

мгновеній ружейными залпами, осталось всего 3 человека.

Я видѣлъ, какъ раненый Моравскій схватился за голову и зарыдалъ, въ эту минуту пуля сразила его на повалъ.

Почти всѣ люди и лошади были перебиты и пушки...— Не докончилъ, слезы хлынувъ изъ глазъ, помѣшали досказать...

Судорожно вздрагиваютъ отъ рыданья плечи раненаго.....

Развѣдка Куаньдяняся.

Вечеромъ 25 апрѣля отрядъ генерала Ренненкампа прибылъ въ селеніе Саймадзы.

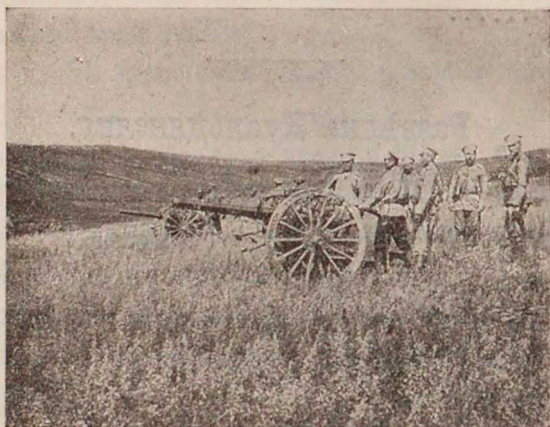
Здѣсь было получено донесеніе, что городъ Куаньдяняся занятъ японскимъ отрядомъ, изъ трехъ родовъ оружія, силы же противника не были опредѣлены развѣздами.

Между тѣмъ появленіе японцевъ у Куаньдяняся имѣло громадное значеніе, такъ какъ указывало на ихъ желаніе обойти нашъ лѣвый флангъ и двинуться на Мукденъ. Несомнѣнно, что все это требовало немедленнаго и полнѣйшаго выясненія силъ непріятеля, направленія движенія и его цѣли.

Поэтому на другой день въ 1 ч. утра генераль Ренненкампфъ съ казачьими полками и 4 казачьей батареей выступилъ для усиленной рекогносцировки Куань-дзя-сяня.

Чтобы имѣть полное представленіе о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ очутился отрядъ, я коснусь *большаго* вопроса о продовольствіи людей и лошадей.

Если солдаты будутъ сидѣть на однихъ сухаряхъ, а лошади—только изрѣдка, ввидѣ большаго лаком-

Батарея на позиціи за переваломъ Чан-линь.

ства, получать солому, то какъ тѣ, такъ и другіе могутъ въ одинъ непрекрасный день оказаться не въ силахъ выполнить своего назначенія. *C'est simple comme bonjour!*

Уже начиная съ Саймадзы войскамъ съ трудомъ и въ небольшомъ количествѣ удавалось раздобыть чумизы (соломы) для лошадей и для себя китайскихъ лепешекъ на отвратительномъ бобовомъ маслѣ.

Ни коровьяго масла, ни сыру, ни молока, ни хлѣба ни даже самыхъ коровъ и быковъ здѣсь не встрѣтишь.

Манзовскія коровы, благодаря работѣ на нихъ, почти совсѣмъ не даютъ молока, да кромѣ того китайцы съ приближеніемъ войскъ угоняютъ весь скоть въ горы.

Только голодныя собаки уныло бродятъ по деревнямъ.

Не только казаки но и офицеры были не въ лучшихъ условіяхъ продовольствія: консервы всѣ уже вышли, да ихъ немного и было съ собой, такъ какъ нельзя черезчуръ навьючить багажемъ одну лошадь.

Трава тоже почти не растетъ на каменистой почвѣ горъ, а если гдѣ и попадаетъ земля, то она вся распахана, но... не засѣяна, благодаря войнѣ.

Такимъ образомъ послѣдніе зимніе запасы выйдутъ скоро, наступитъ жаркое лѣто, наступитъ и голодь.

Я не говорю про всю Манджурию, а только про юго-восточную часть ея, которая въ данное время занята русскими и японскими отрядами. О трудности движенія большихъ отрядовъ съ артиллеріей въ этомъ районѣ нечего и говорить—стоитъ только

Въ цѣпи.

взглянуть на карту Южной Манджурии (масштабъ 20 верстъ въ 1 дюймѣ).

Но возвращаюсь къ дѣйствию отряда генерала Ренненкампа.

Съ трудомъ перебравшись черезъ переваль Синь-кай-линъ, войска спустились въ долину рѣки Ай-хэ.

Сумерки быстро наступили. Становилось уже прохладно...

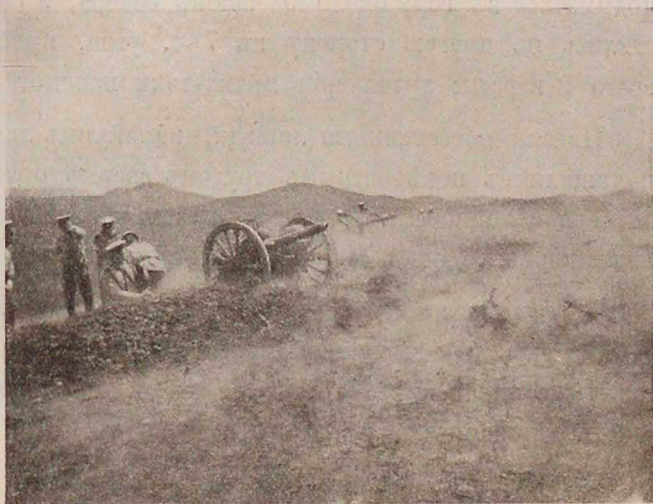
Отъ неуспѣвшей еще остыть почвы подымался туманъ, легкой дымкой обвившій далекія горы.

Нѣжно, словно лаская, заволакивалъ онъ ихъ
отъ нашихъ глазъ, вотъ наконецъ онѣ и совсѣмъ
скрылись.

А вверху загорались звѣзды, мерцая колеблю-
щимся свѣтомъ.

Пора было и отдохнуть.

Усталые кони, спотыкаясь о громадныя камни,

Бѣглый огонь!!

медленно брели впередъ, съ каждымъ шагомъ кивая
головами.

Впереди изъ мрака выступало что-то высокое,

громадное. Чиркнулъ спичку, чтобы взглянуть карту — переваль Чанъ-линь.

— Неужели ночью будемъ переправляться черезъ него, — мелькаетъ въ головѣ, — вѣдь это невозможно!

Однако «невозможное стало возможнымъ».

Передохнувъ немного у подошвы, войска стали подыматься въ гору около 9 часовъ вечера, а спустились по другую сторону въ 7 ч. утра, пройдя всего 2 версты; артиллерія прямо-таки изнемогла.

Падали обезсиленные лошади, впрягались люди и тащили съ невѣроятнымъ трудомъ вверхъ орудія до первой попавшей площадки, гдѣ въ изнеможеніи ложились на землю. На смѣну имъ являлись другіе.

Дороги не видать совершенно, двигаешься инстинктивно, или высылаешь впередъ нѣсколько спѣшенныхъ казаковъ, которые голосомъ предупреждаютъ о поворотахъ, изгибахъ и обрывахъ.

— Ну, еще немного, братцы! — слышится голосъ командира батареи, — сейчасъ и конецъ.

— Какъ конецъ? Вѣдь еще, кажется, порядочно осталось? — спрашиваю его.

— Молчите объ этомъ, — хватается онъ меня за руку, — вѣдь тогда не подымешь ихъ.

— Дышло влѣво, съ правой стороны дороги обрывъ! гдѣ-то впереди кричить казакъ-развѣдчикъ.

Какой-то подозрительный шорохъ, и нѣсколько камней покатались внизъ.

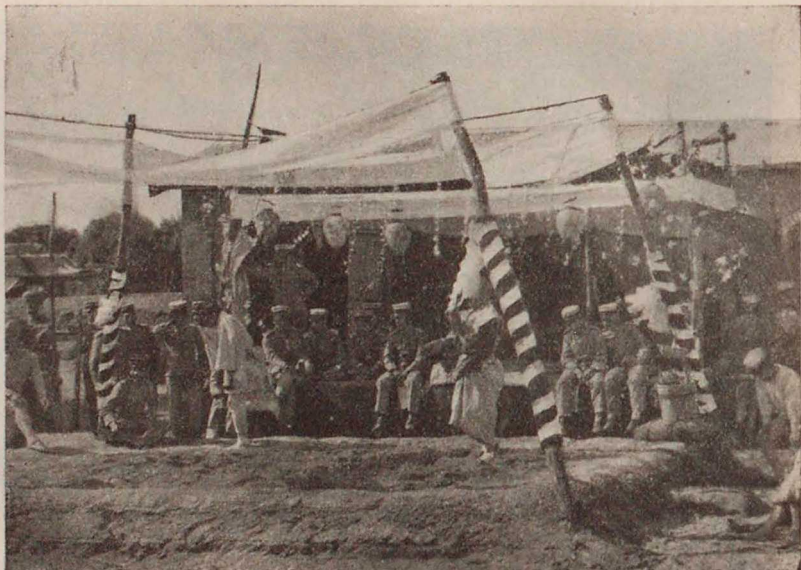
Японскій развѣздъ въ Куандянсянѣ.

— Ахъ, чортъ возьми! чуть было не свернуть себѣ шею! Слышите, какъ долго катятся камни?— обратился ко мнѣ офицеръ-артиллеристъ.— Вы, навѣрно, знаете, что каждое лѣто въ Красномъ Селѣ въ лагеряхъ устраивается состязательная ѣзда орудій.

Въ землю втыкають рядъ кольевъ такимъ образомъ, чтобы получилась цифра 8.

Орудіе, сдѣлавшее восьмерку и не задѣвшее ни одного кола, получаетъ призъ.

Штабъ японскаго отряда передъ Куандиеньсянемъ.

Вотъ если-бы они здѣсь попробовали проѣхать, гдѣ малѣйшая неосторожность и все орудіе тремя уносами полетитъ внизъ. Это, я думаю, было-бы потруднѣе, за то и призъ большой—цѣлость и невредимость своей головы», — добавилъ онъ, вытирая платкомъ вспотѣвшій лобъ.

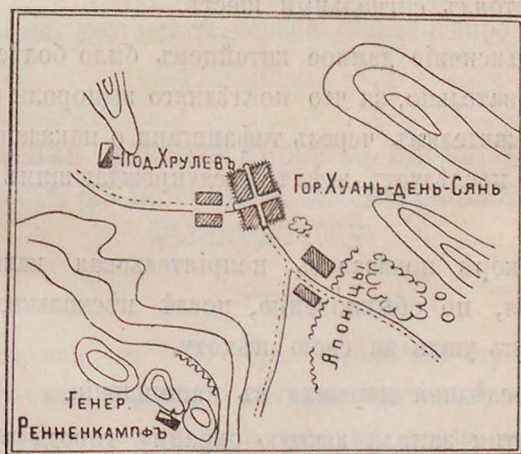
На самой вершинѣ стоитъ маленькая часовня-кумирня.

Измученный тяжелой дорогой я присѣлъ около нея на камнѣ и въ ту же минуту почувствовалъ, что начинаю засыпать—такъ велика была усталость.

Уже начинало свѣтать, когда мы спустились къ деревнѣ Шао-го.

Сотни значительно раньше перевалили черезъ Чанъ-линъ и отдыхали въ деревнѣ.

Схема перестрѣлки у г. Хуань-день-сяня.

Оставивъ артиллерію и нѣсколько сотенъ, генераль Ренненкампфъ двинулся съ отдохнувшими тремя сотнями на Куань-дянь-сянь.

Еще раньше были высланы 3 сотни въ разѣздѣ, которыя, пройдя городъ съ разныхъ сторонъ, донесли, что пока японцевъ не видно.

Приближаясь къ городу, сотни замѣтили длинный шестъ съ бѣлымъ флагомъ, которымъ сигнализировали китайцы, давая знать о приближеніи русскихъ войскъ японцамъ.

Моментально ко всѣмъ воротамъ были выставлены караулы, съ приказомъ никого не выпускать.

Генераль потребовалъ владѣльца дома, у котораго стоялъ сигнальный шестъ.

Объясненіе данное китайцемъ было болѣе чѣмъ неосновательно, за что послѣдняго выпороли и объявили жителямъ черезъ тифангуана о наказаніи, которое послѣдуетъ всѣмъ предупреждающимъ японцевъ.

Вскорѣ показалась непріятельская кавалерія, которая, по обыкновенію, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ушла за свою пѣхоту.

Послѣдняя перешла въ наступленіе.

Сотни заняли южную окраину города въ смѣшенномъ строю и прекрасную стрѣлковую позицію лѣвѣе города, а въ конномъ—за вершинкой къ сѣверо-западу отъ города, чтобы ударить во флангъ непріятельской пѣхотѣ.

Японцы дали 4 залпа, результатами которых было нѣсколько раненыхъ лошадей и 1 казакъ.

Въ это время получается донесеніе, которое потомъ оказалось невѣрнымъ, что насъ обходить справа дивизія пѣхоты.

Это испортило все дѣло.

Казаки, отстрѣливаясь, начали отступать въ полномъ порядкѣ.

Японцы заняли городъ и не преслѣдовали нашихъ, которые на другой день вернулись въ Саймадзы.

Таковы результаты первой рекогносцировки.

Усиленная рекогносцировка вдоль р. Бадаохэ отъ м. Самайдзы по направленію къ Фынхуанчену.

2-го мая въ 7 ч. утра небольшой отрядъ выступилъ изъ деревни Саймадзы подѣ начальствомъ генерала Ренненкампа и тронулся вдоль рѣки *Бадаохэ* по дорогѣ на г. Фынхуанченъ. Причиной этого движенія было желаніе выяснить силы и мѣсто расположенія противника въ долинѣ вышеупомянутой рѣки.

По дорогѣ получили нѣсколько донесеній нашихъ разъѣздовъ, что непріятель находится въ 10—15 верстахъ, генераль рѣшилъ во что бы ни стало двинуться на встрѣчу противнику.

Но японцы все время ускользали, пользуясь гористой, пересѣченной мѣстностью.

И вотъ начался 14-часовой маршъ, безъ передышки, корма лошадей и людей.

Какъ страстный охотникъ, напавшій послѣ долгаго исканія на слѣдъ выслѣживаемаго звѣря, забывается иногда даже про ѣду, такъ и генераль Ренненкампфъ на всѣ напоминанія объ «генеральскомъ часѣ» и т. п., упорно молчалъ.

Волей-неволей пришлось и намъ поголодать. Послѣдніе лучи заходящаго солнца скрылись за горами, обливая кроваво-красноватымъ свѣтомъ ихъ вершины.

Становилось холодно и сыро.

Скоро и ночь, темная, непроницаемая, спустилась на землю.

Рѣшено было расположиться на ночлегъ у деревни *Уандзятунзы*.

Запылали костры и казачки усѣлись чаевать.

Небольшая роща, на берегу рѣки, гостепріимно пріютила насъ, усталыхъ и голодныхъ.

Верхушки деревьевъ, переплетаясь между собой

вѣтвями, образовали надъ нашими головами темно-зеленый сводъ, слабо освѣщенный пламенемъ костровъ.

Теплый вѣтерокъ лѣнливо, словно нехотя, шелестилъ листья деревьевъ, которыя тихо вели между собой интересный разговоръ.

Порой шумъ и голоса казаковъ заглушали ихъ шопотъ, лишая меня возможности слушать.

А деревья удивлялись людямъ: вчера тоже ночевали на этомъ мѣстѣ пришельцы Востока, маленькіе, узкоплечіе, съ желтыми лицами, очень похожими на тѣхъ постоянныхъ обитателей дѣвственныхъ лѣсовъ, про которыхъ имъ рассказывали осенью перелетныя птицы.

И когда вчера показались вдаль эти странные существа, листья жалобно зашептались между собой, боясь за свою жизнь, а старья, крѣпкія деревья тщетно старались увидѣть у каждаго изъ пришельцевъ сзади большой гибкій отростокъ, которымъ они такъ цѣпко захватываются за вѣтви.

Изъ деревни имъ на встрѣчу робко вышла депутація мѣстныхъ жителей съ подношеніемъ, которое маленькія существа, выдающія себя за людей по преимуществу, гордо принимали...

Они не полѣзли на деревья, а привязали къ

нимъ своихъ большихъ, красивыхъ лошадей и улеглись на землѣ...

На другой день они вдругъ всполошились, съ трудомъ повлѣзали на коней и ускакали на востокъ.

А съ запада подвигались большіе, бородатые люди, въ мохнатыхъ шапкахъ, на маленькихъ, уродливыхъ лошадакахъ.

Та же вчерашняя депутація встрѣтила ихъ съ западной стороны деревни, съ выраженіемъ преданности и покорности.

— Какъ мало они имѣютъ общаго со вчерашними пришельцами, шумѣли старыя деревья.

— Представьте себѣ, солидно возразилъ старый дубъ, — когда вчера первые тащили изъ деревни скоть и фуражъ, люди съ длинными косами падали на колѣна, подымая руки кверху, между тѣмъ какъ сегодня жители весело показывали другъ другу какіе-то маленькіе, блестящіе кружочки, и даже сами приводятъ быковъ...

.
— Батенька мой, да вы, кажется, успѣли задремать — слышу около себя голосъ моего пріятеля поручика-артиллериаста.

— Да, немного. А тутъ еще какая-то ерунда приснилась...

— Подсаживайтесь къ огоньку, у насъ сегодня праздникъ, купили барашка и приготовимъ такой шашлыкъ, что пальцы оближете.

У костра уже сидѣло и лежало трое офицеровъ-артиллеристовъ и двое полковыхъ; одинъ изъ нихъ вертѣлъ надъ угольями длинную, тонкую палку, на которой были нанизаны маленькіе кусочки баранины.

— А ты, Петя, кажется походную кровать захватилъ съ собой?

— Да, но совершенно напрасно, такъ какъ разставлять ее не буду.

— Почему-же?

— Неудобно какъ-то. Посмотри, даже нашъ генераль спать прямо на землѣ, покрывшись только буркой...

— Кстати, господа, вы знаете, что завтра мы навѣрно сразимся съ японцами, это сейчасъ генераль говорилъ начальнику штаба полковнику Р.; вѣдь онъ только что вернулся и привелъ съ собой 4 сотни аргунскаго полка.

— Ну, слава Богу, значить ему удалось установить связь съ бригадой Карцова, всетаки нашего полку прибыло.

Скоро поспѣлъ и шашлыкъ, который дѣйствительно оказался превосходнымъ, особенно послѣ

14-ти-часоваго ничегонеѣденія. На время разговоръ прекратился, такъ какъ всѣ были заняты ѣдой.

За чаемъ бесѣда снова возобновилась.

— А не боитесь, что завтра васъ подстрѣлятъ японцы?—обратился молодой артиллерійскій офицеръ къ худощавому брюнету, подъесаулу въ какой-то фантастической формѣ.

— Чему быть, того не миновать,—немного рисуясь, отвѣтилъ тотъ.

— Кто боится, что его убьютъ, тому и ѣхать на войну, по моему, не слѣдуетъ,—добавилъ сотникъ мрачнаго вида.

— Будемъ откровенны, господа, вѣдь у каждого подъ выстрѣлами заговорить подлый инстинктъ самохраненія. Разница между храбрымъ и трусомъ только въ томъ, что у перваго самолюбіе больше, чѣмъ у втораго, которое не позволить человѣку бѣжать назадъ,—вставилъ все время молчавшій есауль-артиллеристъ.

Со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія.

— Ну, а я не японцевъ боюсь, а именно инстинкта самохраненія: вдругъ не выдержу, когда будутъ кругомъ меня падать пули, и покажу тыль... нѣтъ, ужъ лучше смерть, только не позоръ! —проговорилъ конфузливо молодой артиллеристъ.

Гдѣ-то на другомъ берегу раздалась пѣсня, грустная, тоскливая...

Только жалко, словъ не разобрать.

Да пожалуй и не надо — и такъ понятно.

Тихо, слегка вибрируя, звучить голосъ пѣвца...
словно жалуется на что-то...

Вотъ промелькнули нѣжныя, ласкающія нотки,
которыя затѣмъ смѣнились звуками мольбы о пощадѣ...

Нѣтъ, это уже не мольба о пощадѣ, а безысходное отчаяніе, всецѣло охватившее человѣка, у котораго сердце разрывается на части отъ невыносимой боли...

Все громче и громче льется пѣсня, и слышится въ ней то какое-то негодованіе, то рядъ мучительныхъ вопросовъ, накипающихъ все съ большей и большей силой и разрѣшающихся въ новые вопросы безъ отвѣта и успокоенія...

Вотъ опять пѣсня начала стихать...

Медленно, чуть слышно замерли послѣдніе звуки въ воздухѣ, словно угасшая лампада.

Молча сидѣла наша компанія, невольно подавившись обаянію пѣсни.

Слабое, колеблющееся пламя потухающаго костра чуть замѣтно освѣщало лица офицеровъ.

И можетъ быть не одинъ изъ нихъ въ эту минуту вспомнилъ милыхъ его сердцу, оставленныхъ за нѣсколько тысячъ верстъ... Думаютъ-ли они теперь о насъ, чувствуютъ-ли, какъ близки къ смерти дорогіе имъ люди?

Или, отдавшись удовольствіямъ веселой жизни, успѣли уже позабыть о нашемъ существованіи?

И если у кого-нибудь при этихъ мысляхъ болѣзненно заныло сердце, то не бросимъ имъ упрека въ отсутствіи храбрости и лихости, потому что завтра въ бою они первыми пойдутъ въ огонь, служа примѣромъ нижнимъ чинамъ.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, при Куанъ-дянь-сянѣ.

.

Не далеко послышался шорохъ шаговъ, который заставилъ меня обернуться назадъ.

Къ костру приближался со стороны рѣки шт.-капитанъ Н.

— А! Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ!

— Николай Сергѣевичъ, садись сюда.

— Спасибо, голубчикъ, за пѣніе!

Раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Пришедшій, молча, усѣлся у костра, закуривъ папиросу.

Меня давно уже интересовалъ этотъ странный человѣкъ, спокойный, улыбающійся во время боя, готовый идти, какъ будто даже съ удовольствіемъ, въ самое опасное мѣсто и часто грустный, задумчивый въ обыкновенной обстановкѣ.

— Пора, пожалуй и на боковую, а то завтра рано вставать,—сказалъ мрачный есаулъ, подымаясь съ земли.

Всѣ стали разстилать свои бурки.

Растревоженный воспоминаніями, я не могъ заснуть, не смотря на усталость, и отправился бродить по рошѣ.

Бивакъ спалъ, за исключеніемъ часовыхъ, зорко всматривающихся вдаль, откуда могла грозить опасность..

Спалъ и генераль Ренненкампфъ на землѣ, вернувшись въ бурку.

Только на лѣвомъ флангѣ еще сидѣли 3 казака и продолжали чаевать.

Я подошелъ къ нимъ сзади.

— Не-е, паря, японецъ тоже шибко храбрый,— говорилъ пожилой урядникъ съ георгіевскимъ крестомъ молодому казачку съ простоватымъ, добродушнымъ лицомъ.

— Ну, фуражки, ты сказываешь, адали ¹⁾ нашихъ, съ желтымъ околышемъ,—допытывался казачекъ.

— Да, но камолые ²⁾, какъ вотъ у нашихъ приѣзжихъ росейскихъ офицеровъ,—отвѣтилъ тотъ.

Замѣтивъ меня, казаки было стали подыматься.

Мнѣ хотѣлось узнать, что думаютъ и чувствуютъ накануне боя эти простые, безхитростные люди.

¹⁾ Вродѣ.

²⁾ Прусскаго образца.

Понемногу мы разговорились, пока не касаясь того, что меня интересовало.

— А не страшенъ вамъ... братцы, японецъ? — обратился я къ уряднику, какъ къ болѣе разитому и толковому изъ нихъ.

— Не знаемъ мы его, ваше благородіе только при Киндинсянѣ и сразились съ нимъ. Перво-очередные разказываютъ, что, молъ, мѣтко стрѣляетъ онъ.

— А правда, ваше благородіе, что нашихъ разбили у Тюринчена? — вмѣшался другой казакъ, который все время внимательно меня разсматривалъ.

— Ну, а ты какъ полагаешь?

— Думаю... врутъ, ваше благородіе, — бойко отвѣтилъ тотъ, — мало ли, что между собою попусту собираютъ ¹⁾ казаки.

— А вы поменьше вѣрьте разнымъ слухамъ, станичники, и помните, что «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ».

— Такъ точно! — весело отвѣтили хоромъ казаки.

Я распрощался и отправился спать.

Брезжилъ разсвѣтъ, когда, наконецъ, мнѣ удалось заснуть.

¹⁾ Сплетничаютъ.

Но и во снѣ мозгъ продолжалъ лихорадочно работать.

Мнѣ снилось именно то, отъ чего въ дѣйствительности я былъ такъ страшно далекъ, а можетъ быть и не только мнѣ одному снилось?

Передъ мной, словно изъ тумана, все яснѣй и яснѣй выступалъ дорогой для меня образъ.

Кругомъ была та-же обстановка, что и наканунѣ моего отъѣзда на войну.

— Ёдешь?—скорѣй угадалъ я по движенію поблѣднѣвшихъ губъ, чѣмъ услыхалъ: такъ тихо было произнесено это слово; и глаза съ мольбой и тревогой, вопросительно устремились на меня.

— Да...—говорю съ трудомъ и едва самъ узнаю свой голосъ.

Ни слезъ, ни рыданій, ни упрековъ! Только судорога промелькнула на миломъ для меня лицѣ, да словно тѣни легли подъ глазами...

— Такъ нужно, родная,—добавляю, и чувствую, какъ внутри что то порвалось...

— Ваше бл—діе! Вставайте: тревога, впереди слышно, что уже стрѣляютъ! — тормошилъ меня вѣстовой.

Сна, какъ не бывало.

Вскакиваю съ бурки, не замѣчая, что весь мой правый бокъ мокрый.

«Говорилъ вамъ, чтобъ не ложились подъ горой, вотъ и вымокли», замѣтилъ укоризненно есаулъ А., затыгиваясь изъ длинной китайской трубки.

Вдали гдѣ-то грохотали выстрѣлы.

«Что, наступаютъ?» — спрашиваю есаула.

«Да, кажется, разъѣзды японскіе наткнулись на наши», отвѣтилъ тотъ.

Казачи торопливо подтягивали лошадямъ подпруги и приторачивали къ сѣдламъ шинели.

Артиллеристы вели бѣгомъ замуниченныхъ лошадей къ передкамъ.

Другіе снимали чехлы съ дула орудія и прицѣла.

Третьи бережно собирали оставшуюся солому и несли къ заряднымъ ящикамъ.

Было 7 ч. 30 м. утра, когда отрядъ двинулся на встрѣчу противника, выславъ за версту впередъ въ авангардъ сотню.

Все время сверху моросилъ мелкій и частый дождикъ.

За деревней Хайгуманзы дорога шла ущельемъ.

По бокамъ возвышались крутыя, высокія горы. 4-й сотнѣ было приказано начальникомъ отряда разсыпаться лавой и продолжать наступленіе. Вскорѣ она была усилена $\frac{1}{2}$ сотней, а сотня подъесаула князя Магалова двигалась укрыто подъ самой го-

рой въ колоннѣ по три. Пройдя версты 2—3, авангардъ былъ встрѣченъ огнемъ японской пѣхоты, занявшей впереди прекрасныя, стрѣлковыя позиціи.

По приказанію начальника авангарда сотня ротмистра кн. М. спѣшилась подъ горой заняла стрѣлковою цѣпью лѣвую горку, а 4-я сотня того же полка для предупрежденія обхода расположилась на позиціи слѣва, 2-й сотнѣ же было приказано поддерживать огнемъ нашу стрѣлковую цѣпь.

Въ это время начальникъ отряда послалъ сотню есаула Власова на рысяхъ, съ приказомъ поддерживать въ случаѣ надобности авангардныя сотни, а самъ со штабомъ поскакалъ впереди, посмотреть, что дѣлается впереди.

Не обращая вниманія на сыпавшіяся кругомъ пули, генераль Ренненкампфъ спокойно отдавалъ приказанія сотнѣ есаула Власова влиться въ правую цѣпь.

Огонь участился.

Уже былъ раненъ въ цѣпи одинъ казакъ и нѣсколько лошадей коноводовъ.

Къ 10 час. перестрѣлка стала стихать.

Японцы, замѣтивъ, что 4-я сотня обходитъ ихъ слѣва, стали отступать, провожаемые залповымъ огнемъ казаковъ.

А вслѣдъ затѣмъ сотни перешли въ наступленіе, имѣя во главѣ 3-ю сотню есаула графа К.

Поднявшись на гребень со штабомъ генерала Ренненкампа, я *впервые* увидѣлъ японскую пѣхоту, около 2 ротъ, которыя поспѣшно отступали, переходя рѣку въ бродъ подъ огнемъ сотни графа Комаровскаго.

Дѣло въ томъ, что въ этой мѣстности горы покрыты хотя низкимъ, но очень частымъ кустарникомъ, скрывавшимъ пѣшихъ людей. Кромѣ того, дождевыя облака низко опустились и даже закрыли нѣкоторыя вершины горъ, что также мѣшало до сихъ поръ разсмотрѣть даже въ бинокль стрѣлявшихъ по насъ японцевъ.

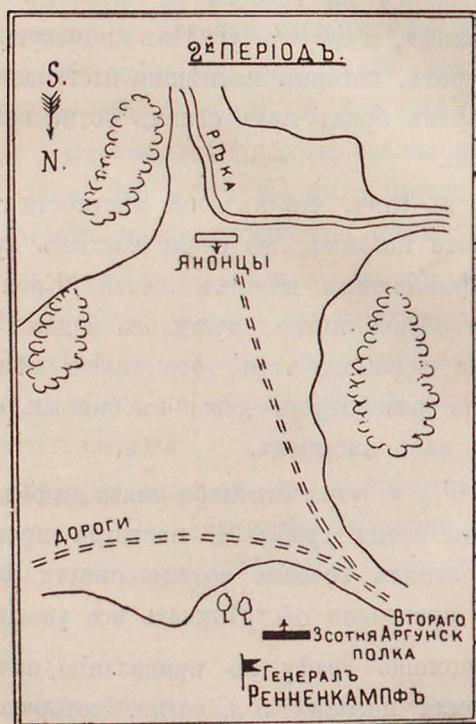
Въ 10¹/₂ ч. утра стрѣльба опять возобновилась, такъ какъ сотня графа К. настигла противника, который занялъ гребень возвышенности позволявшей ему прекрасно обстрѣливать все ущелье.

На помощь графу по приказанію начальника отряда была послана 5-я сотня, которую повелъ подесаулъ М. и 4-я того же полка есаулъ В.

Миновавъ деревню Вэнь-Цзятунъ, дорога шла по довольно широкому ущелью, которое постепенно суживалось около японскихъ стрѣлковыхъ позицій.

Какъ только показался генералъ Ренненкампа

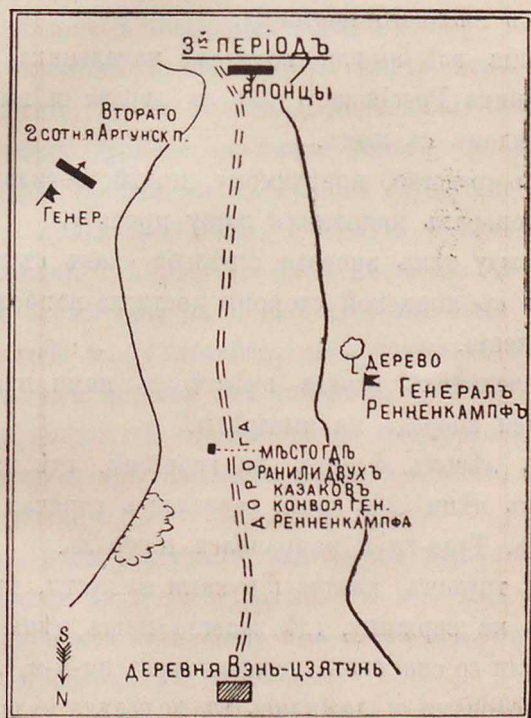
со штабомъ, его сейчасъ встрѣтили огнемъ и успѣли
дать по немъ 3 залпа.

Бѣжавшаго съ нами конвойнаго казака пуля уда-
рила въ подбородокъ.

Все спѣшились и двинулись впередъ подѣ де-
рево, которое хоть немного могло скрыть насъ отъ

глазъ противника, но не отъ выстрѣловъ, такъ какъ черезъ нѣсколько секундъ японцы ранили 2-го казака и одну лошадь, которая находилась въ 5-ти шагахъ отъ начальника отряда.

Тогда люди и кони были отправлены влѣво за кусты во избѣжаніе потерь.

Приказавъ штабу остаться и укрыться за деревомъ, генераль вышелъ на открытое мѣсто и сталъ наблюдать въ бинокль японскія позиціи.

Напрасно мы убѣждали его даромъ не рисковать собою, генераль Ренненкампфъ не обращалъ на насъ никакого вниманія.

Тогда всѣ вышли во главѣ начальника штаба полковника Россійскаго изъ за дерева и выстроились рядомъ съ нимъ.

Это средство, повидимому, подѣйствовало, такъ какъ генераль исполнилъ нашу просьбу.

Между тѣмъ впереди стрѣльба, какъ съ нашей, такъ и съ японской стороны достигла наибольшаго напряженія.

Начальникъ отряда вмѣстѣ съ нами пѣшкомъ двинулся впередъ на выстрѣлы.

На лѣвомъ флангѣ, на вершинѣ, гдѣ находилась въ цѣпи 2-я сотня завязалась горячая перестрѣлка. Туда-то и направился генераль.

Съ трудомъ, хватаясь руками за кусты, мы поднялись на вершину, гдѣ залегла наша цѣпь.

Пули со свистомъ, издавая звукъ пи-и-и, летѣли надъ головами и ложились въ долину.

— «Ваше превосходительство, вы бы лучше не торчали стоя въ цѣпи, а то не ровень часъ...» слышу сзади чей-то голосъ.

И не успѣвъ я оглянуться назадъ, чтобы узнать, кто это говоритъ, какъ лежавшій въ цѣпи, впереди генерала Ренненкампфа, казакъ глухо застоналъ — пуля ранила его въ ногу.

Японцы безъ перерыва стрѣляли почти до 1¹/₂ ч. дня и наконецъ поддались назадъ.

Прекративъ огонь, казаки опять перешли въ наступленіе, но не доходя д. Дадяньцзы, остановились ввиду дурного состоянія дороги, по которой артиллерія пройти ни въ какомъ случаѣ не могла. Отряду приказано было повернуть назадъ къ д. Синьцзянзы, гдѣ рѣшено было ночевать.

Въ этомъ бою съ нашей стороны было ранено 8 лошадей и 7 казаковъ, изъ которыхъ трое въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генерала.

На покинутой противникомъ позиціи мы нашли нѣсколько непріятельскихъ ранцевъ и много обоймъ съ патронами.

Хорунжій Батуринъ видѣлъ съ вершины горы отступленіе до 3-хъ ротъ пѣхоты и 2-хъ эскадроновъ японской кавалеріи; при одной изъ ротъ несли до 20 носилокъ съ ранеными.

Но дѣло, по моему, не въ числѣ раненыхъ и убитыхъ, а скорѣй въ томъ моральномъ значеніи для насъ, которое явилось результатомъ боя 3-го мая.

Казаки впервые убѣдились что противника, пре-

восходящаго насъ чуть-ли не въ два раза можно гнать назадъ, да еще какъ.

Я никогда еще не видѣлъ ихъ послѣ боя такими веселыми и бодрыми, какъ теперь, а это тоже что нибудь да значить.

Не даромъ Наполеонъ говорилъ, что $\frac{3}{4}$ успѣха въ бою зависитъ отъ духа войскъ.

Дальше корреспонденціи мои были прерваны, благодаря ранѣ въ животъ, полученной мною въ дѣлѣ подъ Яй-янь-ямынемъ 15 мая 1904 г. Я никогда, ни однимъ словомъ не промолвился о своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ въ корреспонденціяхъ, такъ и теперь слѣдуя тому же принципу не стану описывать свои ратные дѣла и поступки, а позволю себѣ привести выдержку обо мнѣ изъ книги «Годъ войны» П. Краснова, видѣвшаго Яй-янь-ямынскую стычку.

«...Въ дѣлѣ 15-го мая, на правомъ флангѣ сотни Шундѣева, по доброй волѣ, командывалъ разсыпанными стрѣлками молодой сотникъ Толузаковъ. Офицеръ 1 конной батареи, извѣстный писатель, сотрудникъ «Тверской газеты», «Русскаго Слова», «Петербургской газеты» и «Новаго Времени», пылкій, впечатлительный, храбрый и добросовѣстный, онъ выпросился на это дѣло у генерала Ренненкампа на ординарца. Спокойно прислушивался онъ

къ свисту пуль, какъ писатель, наблюдая поле битвы. Съ болѣзненнымъ самолюбіемъ онъ боялся, что его заподозрятъ въ хвастовствѣ, скажутъ, что онъ не былъ въ бою. Всюду онъ былъ впереди — при генералѣ. И у д. Вендзятунь, и у Дану, и ночью подѣ Шаого. Пули щадили его молодую жизнь, полную силъ и здоровья, и онъ кокетничалъ подѣ ними. Будучи посланъ къ есаулу Шундееву съ приказаніемъ, онъ, узнавъ, что въ сотнѣ, кромѣ уже раненаго командира, нѣтъ офицеровъ, попросилъ разрѣшенія командовать казаками, Шундеевъ, зная, какъ благотворно дѣйствуетъ на забайкальскаго казака присутствіе офицера, разрѣшилъ, и Толузаковъ сталъ на взводъ. Опустившись на одно колѣно, онъ отдавалъ приказанія стрѣлкамъ и какъ артиллеристъ умѣло руководилъ стрѣльбой, опредѣляя дистанціи и указывая цѣли. Отъ его шутокъ ожили, повеселѣли спокойные «пари» и его взводъ отлично стрѣлялъ. — «Вдругъ меня, какъ нагайкой стегнуло, — рассказывалъ мнѣ послѣ Толузаковъ. — Мы уже отступали, шли къ лошадямъ. Мой вѣстовой подалъ мнѣ лошадь. Я хотѣлъ сѣсть, но не могъ — лишился чувствъ, дальше ничего не помню... А дальше раненаго офицера увидѣли тѣ казаки, которые такъ восхищались его спокойнымъ командываніемъ. Они подбѣжали къ нему и взяли его на руки, а потомъ тихо понесли по долинѣ»...

Потянулись тяжелые, томительные для меня дни въ Ляоянскомъ Георгіевскомъ госпиталѣ. Вслѣдствіе отсутствія Рентгеновскаго аппарата пулю нельзя было извлечь изъ полости живота, а боли все усиливались и усиливались и только безконечное вниманіе старшей сестры Г-жи Ивановой, да сердечное отношеніе всего госпитальнаго персонала немного облегчали мои невыносимыя страданья.

Черезъ 1½ мѣсяца меня перевезли въ Харбинъ для операціи въ лазаретъ графини Вѣры Густавовны Шуваловой, гдѣ встрѣтилъ столько ласки, такой заботливый уходъ, что до сихъ поръ въ моей душѣ горитъ чувство безграничной благодарности.

Здѣсь мнѣ извлекли пулю, зашили рану и отправили въ Россію для окончательнаго излѣченія.

Тамъ меня поразило уныніе, озлобленіе, желаніе собственнаго погрома, сердце сжалось въ тоскѣ и боли, а въ самой глубинѣ его зашевелился горькій упрекъ обществу. Все это вылилось въ статьѣ «Тяжело раненъ на родинѣ», напечатанное въ «Новомъ Времени». Я привожу и въ своей книгѣ цѣликомъ безъ малѣйшихъ измѣненій, не потому что я и теперь считалъ бы высказанные мною тогда взгляды совершенно правильными—предоставляю это судить читателю, а просто какъ-то жалко подчищать, подгонять къ «духу времени», что было разъ написано искрено отъ всей души.

Тяжело раненъ на родинѣ.

Полтора мѣсяца назадъ меня привезли въ Москву для леченія полученной мною раны внизъ живота. Почти всѣхъ насъ въ Манчжуріи страшно интересовало, что пишутъ, думаютъ объ этой войнѣ въ Россіи. Къ сожалѣнію, газеты попадали къ намъ въ передовые отряды чрезвычайно рѣдко, и если это случалось, то мы, какъ голодные, набрасывались на нихъ и читали все, отъ начала до конца, даже объявленія, по нѣскольکو разъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, очутившись въ обществѣ, мнѣ захотѣлось узнать, уловить его теперешнее настроеніе.

И чѣмъ ближе я присматривался къ нему и разспрашивалъ окружающихъ, тѣмъ все тяжелѣе и больнѣе сжималось сердце: я не узналъ общества.

Помню, въ концѣ января мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ. Проходя мимо Зимняго дворца, я увидѣлъ на площади множество народа, который кричалъ, волновался, шумѣлъ.

Вдругъ раздался оглушительный крикъ «ура»...

И на этотъ крикъ въ отвѣтъ что-то дрогнуло въ моемъ сердцѣ, пробудилось все чистое, хорошее, и меня потянуло слиться съ народомъ, пережить вмѣстѣ съ нимъ общее національное горе.

Въ эту минуту появился на балконѣ Государь...

Разомъ обнажились всѣ головы, несется могучее, стихійное «ура»...

Кричалъ и я, съ кѣмъ-то обнимался и со слезами радости на глазахъ отправился хлопотать о зачисленіи меня добровольцемъ на войну.

Но оказалось желающихъ на каждую вакансію болѣе ста человѣкъ.

Я бросился туда, сюда—вездѣ отказъ. У меня не было никакихъ связей (не правда ли, какъ это странно теперь звучить: чтобы уѣхать умирать за родину, тогда нужны были связи!).

Но человѣкъ, если чего-нибудь мучительно хочетъ, всегда добьется своего. Черезъ недѣлю, обивъ болѣе сорока чужихъ пороговъ, я уже счастливый, довольный уѣзжалъ на войну, увозя въ своемъ сердцѣ все лучшее, чистое, святое, что пробудила во мнѣ сцена у Зимняго дворца.

Часто, въ минуты безконечныхъ лишеній, въ ужасныя минуты, когда кругомъ меня падали товарищи (офицеры и солдаты), я не слышалъ ни отъ

кого ни жалобъ, ни упрековъ на судьбу. Люди умирали съ твердымъ сознаніемъ, что они свято исполнили свой долгъ по отношенію родинѣ. Я вспоминалъ то, что пережилъ на Дворцовой площади, и мнѣ дѣлалось легче.

Вернувшись изъ Манчжуріи, я познакомился съ мнѣніями о войнѣ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, людей всевозможныхъ партій, взглядовъ, и высказывалъ свое недоумѣніе по поводу упадка патріотизма.

Отъ однихъ получалъ такой отвѣтъ: «Если бы вы знали, какъ мы желаемъ вамъ побѣдить врага, но мы не вѣримъ въ это... У насъ былъ раньше подъемъ, а теперь наступила реакція и удивляться тутъ нечему: Куропаткинъ только и дѣлаетъ, что пятиться назадъ; войска терпятъ пораженіе, теряютъ орудія»...

Другіе шли еще дальше и совѣтовали заключить теперь же, во что бы то ни стало, миръ съ Японіей, потому что, молъ, война не популярна, разоряетъ простой народъ...

Третьи судачили на всѣ лады и чуть ли не съ довольной улыбочкой говорили: «а насъ кажется опять поколотили»...

Четвертые почти ничего не говорили о войнѣ, а больше были заняты своими побѣдами надъ пре-

краснымъ поломъ, своими собственными дѣлишками, въ которыхъ они ушли цѣликомъ съ головой...

Пятые высказывали знаменитое мнѣніе: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», такъ какъ наше пораженіе докажетъ несостоятельность бюрократизма и потомъ наступитъ новая эпоха реформъ...

Шестые пытались доказать, что я и подобные мнѣ офицеры и солдаты, которые сражаются и гибнутъ на войнѣ, враги своего отечества и народа, ибо способствуемъ осуществленію войны, совершенно лишней и даже вредной для родины.

Дальше этого идти кажется некуда.

Итакъ, любить родину можно только порывами. Пусть эти наши порывы толкаютъ сотни, тысячи молодыхъ жизней на страданія и смерть, но подъемъ пройдетъ и мы потомъ даже будемъ удивляться, зачѣмъ они шли добровольно — сами и виноваты.

Но что бы стали дѣлать солдаты и офицеры на войнѣ, если бы и у нихъ наступила реакція? Куда, скажете, годились бы такія войска?.. Но слава Богу, тамъ сохранили то, что здѣсь почти утратило общество.

«Куропаткинъ все отступаетъ...» и т. д. Вѣрно. Только прибавьте, что послѣ ляоянскаго сраженія при отступленіи всей громадной арміи онъ не оставилъ никакихъ трофеевъ противнику. Вы не знаете,

какимъ обаяніемъ онъ пользуется*) среди дѣйствующей арміи, вы не видали, какъ прострѣленные навывлетъ груди кричали при его появленіи «ура», какъ тяжело раненые офицеры отъ его поцѣлуя въ лобъ забывали на мгновеніе боли и муки. Нѣтъ, мы вѣримъ, мы любимъ своего вождя и понимаемъ, что наступитъ время, когда русская армія перейдетъ въ наступленіе. Насъ многихъ тогда не будетъ на свѣтѣ, но найдутся другіе, они выполнятъ болѣе легкую задачу и вспомнятъ добрымъ словомъ и нашъ тяжелый трудъ, который оцѣнить великій справедливый судья—исторія. «Оставляли пушки...» Я не буду говорить о положеніи отступающаго, который конечно принужденъ бросать больше, чѣмъ наступающій, о гористой мѣстности Манчжуріи и т. д., а отвѣчу просто: «никто не оставлялъ, всѣ кто были при орудіяхъ, тѣ и остались при нихъ, но не живыми, а... мертвыми, и не виноваты они въ томъ, что при Тюренченѣ японцы имѣли въ 5 разъ больше орудій, чѣмъ мы.

«Заключить немедленно миръ во что бы то ни стало...» Кто и что окупить (конечно, не матеріально) наши страданія, смерть десятковъ тысячъ людей, всѣ эти жертвы, которыя вдругъ однимъ мановеніемъ окажутся напрасными, безцѣльными...

*) Статья была написана до Ляоянскаго сраженія.

Къ сужденію такихъ людей прислушиваются, съ ними считаются, хотя бы они, сидя среди полного комфорта, палець о палець не ударили для общаго дѣла.

Но мнѣніемъ о мирѣ тѣхъ людей, которые голодаютъ, живутъ среди грязи, терпятъ отъ холода или невыносимой 45° жары, гибнутъ одинъ за другимъ, которые лежатъ искалѣченными въ госпиталяхъ, страдаютъ, мучаются (я знаю эти муки — я самъ ихъ перенесъ), мнѣніемъ такихъ людей общество не интересуется?

Спросите дѣйствующую армію, и вамъ отвѣтятъ солдаты и офицеры: мы устали, мы тоже хотимъ мира, покоя, но только послѣ побѣды, когда Россію вездѣ опять станутъ уважать, а пока будемъ терпѣть и умирать.

О третьей и четвертой группѣ не стану совсѣмъ говорить; читатель самъ найдетъ имъ то или другое названіе, — я отказываюсь.

Что касается мнѣнія «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», то на немъ я хочу немного дольше становиться, потому что слышалъ его отъ людей, заслуживающихъ во всемъ остальномъ полного уваженія. Указывали мнѣ на неудачную сепастопольскую компанію, результатомъ которой явилось великое 19 февраля 1861 г.

Эта война конечно тоже заставила проснуться

общество, она объединила на первых порахъ всѣхъ людей въ одномъ общемъ порывѣ. Всякое горе сближаетъ людей, а тѣмъ болѣе національное. Аристократка барыня отлично понимала теперь свою кухарку; обѣ одинаково безпокоились, волновались за участь своихъ сыновей на Дальнемъ Востокѣ.

При такомъ положеніи сама собой рушилась нелѣпая стѣна условностей.

Нужно было бы только позаботиться закрѣпить эту связь навсегда между людьми, соединиться обществу для совмѣстной работы.

Неужели Россія мало испытала за послѣднее время горькихъ минутъ, неужели для ея блага нуженъ полный погромъ ея арміи? Какую странную роль опредѣляете вы для нея!

Думалъ ли я и другіе мои товарищи, что наши неудачи будутъ радовать часть русскаго общества? Наоборотъ, мы были увѣрены въ противномъ; малѣйшія непріятныя вѣсти насъ тревожили, мучили вдвойнѣ, и за себя и за общество—«какъ-то тамъ это перенесутъ».

Но, оказывается, мы напрасно волновались, безпокоились за часть русскихъ людей.

Это какое-то роковое недоразумѣніе.

И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

Скажите любому изъ солдатъ или офицеровъ

Маньжурской арміи: «ты, братецъ, врагъ народа, потому что сражаешься съ японцами» — онъ вытаращить на васъ глаза и посмотреть какъ на сумасшедшаго или самое большое, что отвѣтитъ: «Вотъ тебѣ разъ. Думалъ, что страдаю за родину, оторвало мнѣ руку, хотѣлъ гордиться этой раной, потому что не для своихъ личныхъ выгодъ я шелъ воевать, а оказывается теперь, что ее надо скрывать, какъ вещественное доказательство своихъ преступныхъ дѣйствій противъ русскаго народа».

Это значить въ послѣднюю, предсмертную минуту вырвать у человѣка единственное утѣшеніе, что онъ гибнетъ за родину, за народъ.

Это безчеловѣчно, это ужасно.

Если бы вы знали, какъ безконечно тоскливо, мучительно ноетъ сердце отъ полученной раны, здѣсь, на родинѣ.

Между тѣмъ тоска все росла и росла—въ Россіи все было тамъ безотрадно и меня потянуло снова на войну. Въ началѣ октября 1905 г. я выѣхалъ изъ Ялты въ Маньчжурію.

Отъ Москвы до Иркутска мнѣ приходилось нѣсколько разъ обгонять санитарные поѣзда, возвращавшіеся назадъ совершенно пустыми. Послѣднее

обстоятельство удивило меня: неужели намъ ничего не нужно на Дальнемъ Востокѣ?

Такъ ли это?

Я лежалъ въ госпиталѣ въ Ляоянѣ 1¹/₂ мѣсяца (лечился отъ раны) и могу смѣло сказать, что много, иногда самого необходимаго не хватало, потому что потребности въ медикаментахъ и перевязочныхъ средствахъ увеличивались съ каждымъ часомъ, а перевести изъ Россіи не хватало поѣздовъ. Итакъ, съ одной стороны даже сами лазареты (я уже не говорю о прочихъ учрежденіяхъ на войнѣ) терпятъ во многихъ отношеніяхъ недостатокъ отъ малой провозоспособности желѣзныхъ дорогъ, а съ другой—у насъ путешествуютъ цѣлыя поѣзда изъ Москвы совершенно пустыми.

Не слишкомъ ли это роскошно?

Далѣе. Каждый прекрасно понимаетъ, что чѣмъ больше и скорѣе мы перевеземъ войскъ въ дѣйствующую армію, тѣмъ больше шансовъ побѣдить упорнаго многочисленнаго противника, а между тѣмъ свободные санитарные поѣзда возвращаются изъ Россіи безъ пассажировъ и груза.

Мнѣ могутъ возразить: неужели я допускаю возможность, чтобы въ возвращавшихся назадъ санитарныхъ поѣздахъ могли вести войска на войну;

да вѣдь они загрязняютъ дорогой поѣзды, а затѣмъ здоровые солдаты бываютъ иногда и не трезвы (въ семьѣ не безъ урода), и тутъ сестрѣ милосердія какъ-то неудобно.

Но вѣдь это неудобство легко устранимо. Существуетъ очень много больныхъ и раненыхъ въ Иркутскѣ (да и въ другихъ пунктахъ), которые по состоянію своего здоровья могутъ слѣдовать въ обыкновенномъ поѣздѣ. Значить ихъ можно отправлять въ такихъ поѣздахъ (положимъ 10 вагоновъ 4 класса), прибавивъ въ его составъ всего только 3 вагона: 1) санитарнаго, въ которомъ будетъ помѣщаться перевязочная и аптека, 2) вагона-кухни и 3) 2 класса для персонала (коменданта поѣзда, врачей, сестеръ и т. д.

Но откуда взять необходимое количество вагоновъ IV класса для такихъ санитарныхъ поѣздовъ?

Строить новые? Для этого нужны деньги.

Мнѣ кажется, что можно обойтись и безъ денегъ: въ Иркутскъ прибываетъ достаточное количество воинскихъ поѣздовъ, которые возвращаются назадъ порожними (не правда ли странно?).

Такъ вотъ вмѣсто того, чтобы ѣхать имъ пустыми, наполнить ихъ ранеными. И представьте себѣ, введеніе такихъ поѣздовъ 2 раза въ недѣлю не нарушить порядка общаго движенія воинскихъ поѣздовъ,

установленнаго по графику, такъ какъ эти поѣзда могутъ быть выпущены вмѣсто товаро-пасажирскаго № 11, который нужно отмѣнить въ дни, назначенные для новыхъ санитарныхъ поѣздовъ.

Прибывъ, положимъ, въ Москву, такой санитарный поѣздъ, когда раненные выйдутъ изъ вагоновъ, оставить эти 10 вагоновъ IV, которые такимъ образомъ опять превращаются въ воинскіе, и возвратиться назадъ съ врачами, сестрами и т. д. въ трехъ спеціальныхъ вагонахъ Краснаго Креста (я говорю о вагонахъ 2 класса, вагонѣ-кухнѣ и перевязочной).

Этимъ мы достигнемъ, что раненные не будутъ задерживаться въ Иркутскѣ, гдѣ для нихъ теперь совсѣмъ не хватаетъ мѣста, а это вопросъ, надъ которымъ стоитъ подумать, такъ какъ недавно сенаторъ фонъ - Кауфманъ получилъ телеграмму изъ дѣйствующей арміи о приготовленіи мѣстъ для 15 тысячъ раненныхъ и больныхъ.

Наконецъ наступятъ холода, морозы, пора подумать о томъ, чтобы меньше тревожить раненныхъ напрасными пересадками изъ одного санитарнаго поѣзда въ другой, какъ это практикуется теперь на станціяхъ Омскъ и Челябинскъ.

Я никогда не забуду лицъ несчастныхъ ране-

ныхъ на станціи Челябинскъ, при пересадкѣ ихъ въ новый санитарный поѣздъ, ихъ посинѣлыя отъ вѣтра и холода губы; нѣкоторыхъ трясло, какъ въ лихорадкѣ, зубы выколачивали какую-то дробь; другіе, которые были въ состояніи, топтались на мѣстѣ, что бы хоть немного согрѣть замершія ноги.

Въ ихъ воспаленныхъ взорахъ я видѣлъ упрекъ окружающихъ — «за что насъ даромъ тревожатъ»! Я вникнулъ въ это дѣло, рассмотрѣлъ его и убѣдился что эти пересадки просто-на-просто недоразумѣніе. Устройте прямой рейсъ отъ Иркутска до Самары, чѣмъ и избѣгнете 2-хъ пересадокъ въ Омскѣ и Челябинскѣ, а кромѣ того выиграете даже одинъ рейсъ.

Объ этомъ давно просилъ главноуполномоченный Краснаго Креста сенаторъ фонъ-Кауфманъ, но втуне.

Кстати о главноуполномоченныхъ Краснаго Креста, какъ представителей общества, призванныхъ для серьезной тяжелой работы.

Обязанностей на нихъ много, а правъ никакихъ; если разные учрежденія (съ которыми постоянно приходится сноситься) соглашались исполнить ихъ просьбу, то слава Богу, а нѣтъ, такъ тогда нечего понапрасну и хлопотать.

На сколько вообще съ Краснымъ Крестомъ не церемонятся мѣстныя власти, это доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ Иркутскѣ въ лазаретѣ имени Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на зданіи котораго уже была вывѣска и флагъ, не смотря на протесты врачей и сестеръ, были поставлены 80 чело-вѣкъ солдатъ на постой.

Между тѣмъ на другой день уже прибыли раненные, которымъ вслѣдствіе небрежности мѣстныхъ властей не хватало мѣсть.

Это выходитъ лазаретъ... для здоровыхъ.

Еще болѣе меня удивляетъ отношеніе клуба приказчиковъ къ нашимъ раненымъ и больнымъ.

Какъ я уже говорилъ, въ Иркутскѣ въ мѣстныхъ лазаретахъ не хватаетъ мѣсть.

Рѣшено было устроить новые госпиталя, тѣмъ болѣе, что Красный Крестъ имѣлъ деньги и все необходимое для этой цѣли, исключая помѣщенія.

Главноуполномоченный фонъ-Кауфманъ обратился съ просьбой къ приказчикамъ уступить ихъ клубъ въ аренду за 20,000 р. въ годъ (хотя еще въ апрѣлѣ за этотъ домъ было заплачено только 120,000 р.).

Какъ видите, предлагали арендную плату довольно приличную, но получили отказъ.

И знаете почему?

А гдѣ же тогда будутъ танцовать, играть въ карты господа приказчики?

Это даже нельзя назвать недоразумѣніемъ...

Получился рѣзкій контрастъ — забавляющіеся въ клубѣ приказчики, а подѣ окнами... замерзающіе безъ пріюта раненные солдаты.

Развѣдка Бейдагоу.

Вскорѣ послѣ возвращенія на театр военных дѣйствій мнѣ пришлось съ частями изъ отряда генерала Мищенко участвовать въ нѣсколькихъ мѣлкихъ дѣлахъ, изъ которыхъ я не могу не упомянуть о развѣдкѣ, въ тылу у Японцевъ деревни Бейдагоу, подъ начальствомъ подбесаула Мистулова.

Едва брежилъ разсвѣтъ; надъ рѣкой Хунхэ и долиной стлался бѣлесоватый туманъ, скрывавшій подъ своимъ покровомъ противоположный берегъ.

Мертвая тишина царила кругомъ. Только далеко, далеко съ сѣвера доносился какой-то неясный шумъ.

Вотъ теперь отчетливо слышенъ гулкій стукъ копытъ по обмерзлой землѣ, лязгъ оружія, сдержанные тихіе гортанные голоса какихъ-то всадниковъ, которыхъ все еще не видно за густымъ непроницаемымъ туманомъ.

Осторожно выглядывающій изъ-за фанзы «ходя» быстро юркнулъ на дворъ, гдѣ торопливо стали сгонять въ укрытый чуланчикъ гусей и утокъ.

По дорогѣ изъ Сиганзы двигалась сводная сотня Терско-Кубанскаго полка, справа по три.

Заиневѣвшія папахи, усы и бороды всадниковъ, морды лошадей указывали на порядочный морозъ.

Далеко впереди виднѣлись дозоры.

На востокъ загорѣлась заря...

Наконецъ выглянуло и солнце, лучи котораго гнали, разсѣивали туманъ. Они позолотили вершины далекихъ горъ, деревьевъ, крыши фанзъ. А внизу все еще лежали тѣни.

Все выше и выше подымалось ослѣпительное солнце, торжествуя свою побѣду надъ мракомъ...

Заблестѣло оружіе, сбруя... Выпрямились въ сѣдлахъ съезжившіе отъ холода сыны юга, словно ожили отъ этой улыбки нарождающагося дня.

Встрепенулся командиръ сотни подъесаулъ Ми-столовъ; привсталъ на стременахъ и обернулся по-смотреть, не слишкомъ ли растянута сотня.

— А и холодно же однако—обратился онъ къ сотнику князю Эльдарову, къ красивому, смуглому брютету съ характерными кавказскими чертами лица.

— Да, порядочно. Вотъ графъ такъ совсѣмъ не мерзнетъ.

Ѣхавшій рядомъ хорунжій графъ Толстой только улыбнулся въ отвѣтъ на замѣчаніе товарища.

Начавшійся было разговоръ невольно прервался, такъ какъ вдали показались скакавшія назадъ части дозоровъ, которые доложили командиру сотни, что

въ двухъ съ половиною верстахъ отъ селенія Бейдагоу они замѣтили непріятельскій транспортъ. Японцы, увидѣвъ наши дозоры, бросили двухъ быковъ и лошадь и поспѣшили скрыться въ маленькой деревушкѣ съ импанью.

Такъ какъ задача сотни заключалась въ развѣдкѣ деревни Бейдагоу, а съ другой стороны японскій транспортъ находился въ этомъ же направленіи, то подъесаулъ Мистуловъ двинулся съ сотней на рысяхъ къ импани, съ цѣлью окружить японцевъ. Наметомъ развернулись кавказцы въ лаву въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ противника.

Восточнѣе импани находилась довольно густая роща, въ которой тоже могъ укрыться непріятель, поэтому явилась необходимость ее осмотрѣть. Эта задача выпала на долю взвода сотника князя Эльдарова.

Пройдя всю рощу и не замѣтивъ противника, Эльдаровъ сталъ спрашивать встрѣчныхъ китайцевъ; отъ нихъ онъ узналъ, что японцы заняли сѣверную часть деревни Бейдагоу. Тогда онъ рѣшается ее атаковать и выяснить силы противника.

Съ гикомъ ринулась лава на деревню. Японцы близко подпустили къ своимъ окопамъ нашихъ всадниковъ и почти въ упоръ дали нѣсколько зал-

повъ, не причинившихъ терцамъ никакого вреда. Видя полную невозможность съ однимъ взводомъ выбить противника изъ окоповъ, Эльдаровъ крикнулъ своимъ «назадъ». Всадники повернули кругомъ и стали отходить къ рощѣ.

Въ эту минуту японцы открыли огонь пачками. Однимъ изъ первыхъ упалъ съ коня у окопа окровавленный Эльдаровъ. Пуля пробила ему голову. Изъ маленькой ранки брызнула кровь и мозги; при паденіи папаха отлетѣла куда-то въ сторону и красивыя темныя кудри рѣзко выдѣлялись на мертвенно-блѣдномъ лицѣ, сохранившемъ еще слѣды возбужденія во время атаки.

Къ нему бросились на помощь еще денщикъ и вѣстовой. Но вынести тѣло Эльдарова не представлялось ни малѣйшей возможности. Тогда денщикъ прикрываетъ его собою и въ ту же минуту получаетъ пулю въ грудь на вылетъ, а вѣстовой снимаетъ съ покойнаго князя поясъ и кинжалъ, что-бы передать ихъ роднымъ сотника, какъ память.

Ползкомъ добрались они до своихъ, оставивъ тѣло князя передъ окопами.

Въ это время подъесаулъ Мистуловъ окружилъ импань, но въ немъ нашелъ только двухъ быковъ, лошадь и ни одного японца.

Забравъ то и другое, онъ двинулся впередъ,

но, войдя въ рощу, услыхалъ ружейную трескотню со стороны деревни Бейдагоу.

Не желая обнаруживать свои слабыя силы, Мистуловъ отдалъ приказаніе хорунжему Толстому оставаться въ рощѣ и поскакалъ на встрѣчу отступающимъ всадникамъ взвода Эльдарова.

Отъ вѣстового и денщика покойнаго князя Мистуловъ узналъ подробности трагической смерти товарища. Короткій обзоръ непріятельскихъ позицій выяснилъ подъесаулу Мистулову невозможность вернуть тѣло Эльдарова до тѣхъ поръ, пока японцы будутъ занимать окопы. А вдали, передъ самыми окопами японцевъ, виднѣется распростертое тѣло князя.

Рискнуть собою не жаль, но вести на вѣрную смерть нижнихъ чиновъ безъ надежды достигнуть цѣли—трудно и тяжело.

Тогда Мистуловъ предлагаетъ желающимъ подь его командою пожертвовать собою, выбить японцевъ изъ окоповъ или умереть.

Первымъ вышелъ вѣстовой командира Терско-Кубанскаго полка графа Шувалова урядникъ Даміанъ Коваль, который вмѣстѣ съ графомъ отправился охотникомъ на войну изъ конной гвардіи, несмотря на то, что въ ноябрѣ ему кончался срокъ службы.

Участникъ многихъ лихихъ набѣговъ, онъ просился у графа и въ эту экспедицію вмѣстѣ съ другимъ его вѣстовымъ Ярмолюкомъ.

Графъ предложилъ имъ тянуть жребій, и узелокъ выпалъ на долю Ковалю; довольный, веселый, поѣхалъ онъ съ подбесауломъ Мистуловымъ. Вслѣдъ за нимъ выступило впередъ еще 14 охотниковъ.

Указавъ графу Толстому держаться пока въ роцѣ, а потомъ дѣйствовать въ зависимости отъ обстановки боя, Мистуловъ приказалъ всадникамъ разомкнуться.

Почти одновременно блеснули шашки на солнцѣ...

Вихремъ вылетѣли изъ роци смѣльчаки на своихъ горныхъ лошадяхъ.

Впереди всѣхъ мчался на своемъ кровномъ жеребцѣ Мистуловъ.

И было нѣчто захватывающее, беззавѣтно лихое въ этой безпримѣрной атакѣ нашими кавалеристами непріятельскихъ окоповъ; лучше всякихъ словъ доказали они, что могутъ сдѣлать холоднымъ оружіемъ 1½ десятка храбрыхъ людей даже при современномъ огнестрѣльномъ оружіи. Была бы только рѣшимость во что бы то ни стало довести дѣло до конца.

Между тѣмъ японцы, по мѣрѣ приближенія на-

шихъ всадниковъ, развили бѣшеный огонь. Разстояніе между противниками быстро сокращалось.

Вотъ наши кавалеристы у самыхъ окоповъ...

Японцы ¹⁾ не выдержали и бросились бѣжать, но, остановленные своимъ офицеромъ, начали безпорядочную ружейную трескотню...

Въ самую середину противника врѣзались терцы и начали крошить направо и налево.

Несмотря на рану двумя пулями, Мистуловъ продолжалъ рубить японцевъ, пока отъ шашки осталась въ рукахъ одна головка эфеса.

Тогда, выхвативъ револьверъ, онъ выпустилъ всѣ семь пуль въ раненыхъ японцевъ, пытавшихся убѣжать.

Но роковой кругъ уже сомкнулся и только немногимъ японцамъ удалось ускользнуть.

Отчаянно рубился и урядникъ Коваль, успѣвшій лично зарубить троихъ японцевъ, пока не упалъ сраженный пулей въ животъ.

Двое всадниковъ валялись убитыми, пятеро ранеными, немного дальше двое терцевъ барахтались подъ убитыми лошадьми, сясь освободить свои придавленные ноги...

¹⁾ Около 30 человекъ.

А отъ рѣки Хунхэ приближалось подкрѣпленіе къ японцамъ, около роты, которая во время была замѣчена хорунжимъ Толстымъ.

Послѣдній быстро занялъ позицію правѣ деревни, разсыпалъ цѣпь, огнемъ которой японцы обстрѣливались съ фланга.

Это смѣлое движеніе Толстого дало возможность подобрать убитыхъ и раненыхъ, взять тѣло князя Эльдарова и отойти въ рощу, захвативъ японскія ружья.

Выполнивъ свою задачу и выведя у японцевъ изъ строя около 10 человекъ, Толстой сталъ отходить, прикрывая съ свободными людьми носилки съ убитыми и ранеными.

Японцы бросились преслѣдовать, но, встрѣтивъ отпоръ, снова повернули назадъ...

Наши отошли къ деревнѣ Цыютхо.

Бои отряда ген. Ренненкампа съ 14 по 22 февраля 1905 г.

Вслѣдъ затѣмъ какъ извѣстно вскорѣ былъ раненъ генераль Мищенко и генераль Ренненкампа, начальникъ отдѣльнаго отряда занимавшаго позиціи на лѣвомъ флангѣ впереди Далинскаго перевала, получилъ приказаніе отъ главнокомандующаго принять кавалерію генерала Мищенко, и я снова встрѣтилъ бывшаго начальника.

Вступивъ въ командованіе коннымъ отрядомъ на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, генераль Ренненкампа 10-го февраля получилъ доспизицію, по которой на 12-е февраля назначалась бомбардировка Сандепу всѣми осадными орудіями, послѣ чего войска 2-й арміи должны были перейти въ наступленіе.

Настало утро 12-го февраля; мы съ нетерпѣ-

ніемъ ждали перваго выстрѣла изъ ближайшихъ къ намъ осадныхъ батарей.

Уже было 12 часовъ дня, а канонада еще не начиналась. Черезъ часъ генераль Ренненкампфъ получилъ приказъ объ отмѣнѣ наступленія и своемъ назначеніи снова на лѣвый флангъ въ прежній отрядъ, куда я съ нимъ немедленно и отправился по желѣзной дорогѣ до Фушуна, а оттуда по дековильской конной желѣзной дорогѣ.

До этого времени произошли слѣдующія событія, а именно. 6-го февраля японцы напали на Хабалинскій перевалъ, находящійся въ 10-ти верстахъ къ югу противъ центра нашихъ позицій у Цинхечена; на лѣвомъ флангѣ 6-го февраля была попытка съ нашей стороны перейти въ наступленіе, но безрезультатно; 7-го февраля происходилъ бой на Ванзелинскомъ перевалѣ. Онъ находится въ 10-ти верстахъ къ югу-востоку отъ нашего лѣваго фланга Цинхеченскихъ позицій. 8-го февраля было начало перехода въ наступленіе нашихъ войскъ. 9-го мы продвинулись немного впередъ, а къ вечеру отошли на главныя позиціи. 10-го происходилъ бой на главныхъ позиціяхъ. Японцами была взята Бересневская сопка—ключъ позицій. 11-го февраля—продолженіе боя, занятіе противникомъ Цинхечена. 12-го февраля временное затишье, и, наконецъ, 13-го

японцы повели атаку въ 11 час. утра на Чейлинскій переваль и на Далинскій, гдѣ небольшой гор-

Устройство проволочныхъ загражденій на позиціи у Мацуянданя.

сти нашего лѣвофланговаго отряда, пришлось выдержать нѣсколько разъ бѣшеный штурмъ; нѣкоторыя роты разстрѣляли всѣ имѣвшіеся подъ рукой патроны и солдаты работали штыками.

Чтобы удержать Далинскій переваль былъ введенъ въ дѣло послѣдній резервъ. Генераль Алексѣевъ, командовавшій этимъ отрядомъ, растерялся при видѣ критическаго положенія нашихъ войскъ и выпустилъ изъ рукъ командованіе. Каждый дѣйстви-

валь безъ связи, безъ взаимной поддержки; одни отступали, другіе шли впередъ, артилерія не знала, стрѣляетъ-ли она въ своихъ или въ противника, однимъ словомъ, была путаница предвѣстница паники. Такова въ краткихъ словахъ обстановка событій къ 5-ти час. вечера 13-го февраля, когда я прибылъ на лѣвый флангъ.

Чтобы имѣть ясное представленіе о томъ, что происходило, необходимо сказать нѣсколько словъ о мѣстности.*) Я только что говорилъ, что Цинхеченскій отрядъ при отступленіи остановился на Далинскомъ перевалѣ; въ верстахъ въ 12-ти къ сѣверу отъ него, у селенія Санлунью, начало конно-желѣзной дороги, которая проходитъ на сѣверъ черезъ Тюпинтай на протяженій 11-ти верстъ, далѣе на Мацаюнданъ еще 3 версты, и, наконецъ между Санлунью и Тюпинтаемъ, у деревни Убаньюпуза на востокъ отходить дорога ущельемъ на Синголинскій перевалъ. Значеніе этой дороги громадное, такъ какъ съ занятіемъ ея японцы отрѣзывали-бы путь отступленія всему Цинхеченскому отряду на Мацаюнданъ. А потому, первымъ распоряженіемъ генерала Ренненкампа, какъ только онъ принялъ отрядъ отъ генерала Алексѣева, было отправленіе на эту дорогу подполков-

*) Смотри карту.

ника Геждеу*) съ нѣсколькими ротами и двумя орудіями въ качествѣ заслона. Ровно въ пять съ половиною часовъ дня было получено донесеніе, что Геждеу не можетъ болѣе держаться подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника и просить подкрѣпленія.

Такимъ образомъ, нужно было думать объ отступленіи всѣму отряду, дабы не быть отрѣзанными отъ Мацаюнданя. Между тѣмъ въ Санлунью были большіе склады продовольствія и снарядовъ, которые стали поспѣшно вывозить на вагонеткахъ и двуколкахъ, при чемъ начальникомъ отряда былъ посланъ подъесаулъ Филипповъ съ приказаніемъ провести въ порядкѣ обозы, хоть бы для этого пришлось употребить въ дѣло оружіе не только противъ солдатъ, но и даже противъ своихъ офицеровъ, вносящихъ панику въ обозъ; въ тоже время генераль Ранненкампиъ черезъ ординарцевъ объявилъ отряду, что уйдетъ съ аріергардомъ только тогда, когда всѣ запасы и вагонетки будутъ отправлены изъ Санлунью.

Наконецъ мы получили извѣстіе, что обозы достигли Тюпинтая и находились такимъ образомъ въ

*) По другимъ источникамъ Геждеу былъ посланъ еще раньше генераломъ Алексѣевымъ.

сравнительной безопасности. Тогда въ 9 часовъ вечера отрядъ съ Далинскаго перевала сталъ медленно отходить, отбиваясь отъ насѣдавшагося на него противника.

Весь день и вечеръ шелъ сильный снѣгъ, дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, наступившія сумерки не давали возможности ничего разобрать даже въ двухъ шагахъ.

Между тѣмъ на пути нашего отступленія гремѣли орудійные выстрѣлы, въ темнотѣ сверкали разрывы шрапнели, освѣщая вершины горъ, гдѣ находились наши послѣднія позиціи. Въ тоже время намъ стало извѣстно, что Геждеу не можетъ болѣе держаться и отходить на Убаньюпузу.

Теперь было совершенно ясно, что насъ скоро отрѣжутъ и тогда придется пробиваться штыками. Слава Богу, что мы успѣли ранѣе отправить обозъ и артилерію; я не буду говорить, что пережили мы въ эту страшную ночь, окруженные почти со всѣхъ сторонъ непріателемъ; мнѣ кажется, это всякій самъ пойметъ. Я шелъ съ генераломъ Ренненкампомъ пѣшкомъ, усталый и голодный, такъ какъ кони и запасы не успѣли подойти къ намъ и находились еще въ тылу. Спотыкаясь почти на каждомъ шагѣ, мы наткнулись въ темнотѣ на походную кухню, въ которой были убиты лошади; начальникъ отряда при-

казалъ не оставлять ея противнику и везти солдатамъ на себѣ.

Атака на Ключевую сопку.

Подходя къ Убаньюпузѣ, нашъ арьергардъ построился къ отступающимъ войскамъ Геждеу и намъ удалось послѣ штыкового боя отбросить противника версты на три отъ деревни.

Путь былъ снова освобожденъ и войска размѣстились на позиціи у селенія Убаньюпуза. Въ это время японцы перешли въ наступленіе на наши по-

зиціи, но были отбиты съ большими потерями; тѣмъ не менѣе черезъ три часа противникъ незамѣтно подкрался къ батарее, пользуясь снѣжною мятелью и тѣмнотою ночи, и открылъ ружейный огонь, чѣмъ сразу обнаружилъ себя и далъ возможность нашей артилеріи отбить атаку параллельнымъ огнемъ съ установкой трубки на картечь. Такъ закончился этотъ знаменательный и памятный для насъ день 13-го февраля.

14-го февраля.

Въ 6 часовъ утра 14-го февраля непріятель повелъ наступленіе на наши авангардныя позиціи у селенія Убаньюпуза безъ артиллерейской подготовки огнемъ. Около 10-ти часовъ утра загрохотали японскія орудія. Но уже черезъ двадцать минутъ ихъ заставила замолчать великолѣпно укрытая батарея подполковника Промтова. Наступленіе было отбито.

Этотъ временный успѣхъ далъ возможность укрѣпить наши передовыя позиціи; къ востоку отъ нихъ отходить дорога на Хумандяньлинскій переваль, занятый генераломъ Любавинымъ, который прикрывалъ нашъ лѣвый флангъ. Къ сѣверо-востоку отъ этого перевала находятся деревни Кудяза и Сюмогулинъ отъ послѣдней идетъ путь на Хуалинзу въ тылъ позиціи у Мацаюнданя (въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ главныхъ позицій у Тюпинтая).

Въ часъ дня противникъ снова атаковалъ наши передовыя позиціи у селенія Убаньюпуза и одновременно съ этимъ повелъ наступленіе громадными силами на Хумандяньлинскій переваль съ цѣлью занять его и выйти во флангъ нашимъ позиціямъ у Тюпинтая.

А черезъ пятнадцать минутъ выяснилось, что у Кудязы, куда форсированнымъ маршемъ прибыла бригада 6-й Восточной-Сибирской стрѣлковой дивизіи съ генераломъ Даниловымъ во главѣ, идетъ тоже жаркій упорный бой.

Такимъ образомъ японцы, благодаря превосходству силъ, охватили нашъ центръ и лѣвый флангъ полукольцомъ, а съ захватомъ Кудязы угрожали нашему тылу у Мацаюнданя. Положеніе было критическое, тѣмъ не менѣе всюду съ радостью комментировался только что отданный приказъ генерала Ренненкампа по отряду, что онъ не отступить отъ Мацаюнданя безъ приказанія до тѣхъ поръ, пока останется хоть одинъ солдатъ.

Большинство спокойно, пожалуй даже равнодушно, приняло это распоряженіе умереть на своихъ позиціяхъ: бессонныя, тревожныя ночи подъ огнемъ противника, постоянное нервное напряженіе, недоѣданіе, 18-ти градусный морозъ, ночлегъ на снѣгу— все это несомнѣнно притупило наши чувства, кромѣ одного: любви къ далекой, дорогой Россіи, въ которой конечно осуждаютъ насъ, что мы только «держимся», а не идемъ впередъ и не даемъ давно желанной всѣми побѣды. Но если мы пока не можемъ побѣдить, то сумѣемъ умереть. За эти полтора дня въ нашемъ небольшомъ отрядѣ, состояв-

шемъ изъ трехъ полковъ 71-й пѣхотной дивизіи, 22-го и 24-го Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и бригады генерала Данилова, а также трехъ Забайкальскихъ казачихъ полковъ Любавина, выбыло болѣе 1000 человекъ.

Но возвращаясь къ событіямъ. Бой разгорается по всей линіи: у деревни Убаньюпузы, и на Хумандяньлинскомъ перевалѣ, и у Кудазы. Колонны противника спускаются въ долину для атаки нашихъ окоповъ у деревни Убаньюпуза.

Бѣглый огонь нашихъ батарей наносить имъ страшныя потери: весь путь и противоположные склоны горъ покрыты ихъ трупами. Это какая то бойня. А японцы смыкаются и снова идутъ все впередъ и впередъ. Въ передовомъ окопѣ идетъ штыковой бой; свои и противники перемѣшались между собой; наша артилерія прекратила огонь изъ боязни поражать снарядами свои же роты.

Но во время посланные резервы по приказанію генерала Ренненкампа вышибли непріятеля, отступившаго въ безпорядкѣ и бросившаго даже часть своихъ передовыхъ позицій, которыя были заняты немедленно нашимъ авангардомъ.

Сейчасъ же стали проводить полевой телефонъ подъ огнемъ въ передовые окопы. Рядовой военно-

телеграфной роты Лазарь Шипковъ, несмотря на бѣглый шрапнельный огонь противника, безстрашно продолжалъ свою работу, пока его не сразила непріятельская пуля—однимъ героемъ стало меньше. А сколько ихъ умирало никому неизвѣстныхъ, никѣмъ изъ близкихъ не оплакиваемыхъ!

Около 8-ми часовъ вечера было получено донесеніе, что на Хумандяньлинскомъ перевалѣ и у Кудзы бой не ослабѣваетъ; наши по прежнему упорно обороняютъ свои позиціи, потери какъ у нихъ, такъ и у японцевъ весьма значительны, особенно у насъ въ офицерскомъ составѣ.

Окончательно выяснилось, что противъ Данилова дѣйствуютъ Портъ-Артурскія войска; у одного убитого японца нашли русскіе генеральскіе погоны съ клеймомъ артурскаго экономического общества.

Къ десяти часамъ вечера обѣ стороны настолько переутомились, что поневолѣ бой по всей линіи самъ собою затихъ и только въ 11 часовъ одинъ изъ задремавшихъ японскихъ часовыхъ выстрѣлилъ спрессонья; противникъ переполошился, началъ разстрѣливать свой лѣвый флангъ, принявъ его за нашу обходную колонну, и только черезъ полчаса выяснилось недоразумѣніе и японцы успокоились.

15-го Февраля.

Съ 9-ти часовъ утра противникъ снова перешелъ въ наступленіе на авангардныя позиціи у деревни Убаньюпузы и на генерала Любавина на Хумандяньлинскомъ перевалѣ.

Лѣвый флангъ авангарда, прикрывавшій путь отступленія Любавина на наши главныя позиціи у Тюпинтая, понесъ громадныя потери, вслѣдствіе чего отодвинулся на 50 сажень назадъ.

Это дало возможность японцамъ обстрѣливать дорогу отъ Хумандяньлинскаго перевала. Между тѣмъ положеніе генерала Любавина было чрезвычайно тяжелое: его обходили съ обоихъ фланговъ и вынуждали отступить, но отходъ по дорогѣ, которую только что получили возможность обстрѣливать японцы, куда они, очевидно, насъ толкали, сдѣлался уже невыносимымъ. Тогда для соединенія съ главными силами Любавинъ сталъ отступать съ боемъ по горной тропинкѣ, но по ней, конечно, не могли пройти двуколки съ патронами и ранеными. Какъ это было не грустно, но иного выхода не было, они были направлены по дорогѣ, которую уже обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ противникъ.

Къ счастью, конвой и двуколки благополучно

проскользнули карьеромъ, понеся незначительныя потери. Отступая, горная батарея въ отрядѣ генерала Любавина успѣла подбить два японскихъ орудія и три пулемета. Только около 5-ти часовъ дня генералъ Любавинъ присоединился къ главнымъ силамъ, не оставивъ непріятелю ни одного раненаго и ни одной двуколки.

Чтобы понять послѣдующее, необходимо снова возвратиться къ топографіи мѣстности. Къ сѣверу отъ Мацаюданя, верстахъ въ трехъ лежитъ деревня Хуалинза; отъ нея отходить дорога на востокъ черезъ Тунсыхолинскій перевалъ на селеніе Сяомогулинъ, которое южнѣе Кудязы на двѣ съ половиной версты. Съ 11 часовъ утра 15-го же февраля японцы одновременно атаковали наши войска на Тунсыхолинскомъ перевалѣ и у Кудязы.

Несмотря на огонь непріятельскихъ орудій, мы отбили эти атаки.

До двухъ часовъ дня непріятель ограничивался только тѣмъ, что обсыпалъ насъ шимозами и шрапнелями, но въ два съ половиной часа наступленіе повторилось и опять таки безъ всякаго успѣха для японцевъ. А въ четыре часа дня подполковникъ Мартышевскій, защищавшій Тунсыхолинскій перевалъ, отбросилъ противника, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ.

Въ тоже время генераль Даниловъ перешель самъ въ наступленіе изъ Кудазы на Сяомогулинъ, дабы не дать возможности противнику занять этотъ важный пунктъ, открывающій дорогу въ тылъ нашихъ позицій у Мацаюнданя. Непріятель отступалъ, оказывая упорное сопротивленіе. Каждую пядь земли приходилось брать съ бою, который окончился только къ 11-ти часамъ вечера.

Такимъ образомъ за день 15-го феврала мы удержали всѣ позиціи на югѣ за собой и продвинулись впередъ на востокъ нашимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ.

Кромѣ того, войска генерала Любавина присоединились къ главнымъ силамъ генерала Экка, выйдя изъ непріятнаго и рискованнаго положенія. Наши потери на этотъ день: 500 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 11 офицеровъ. О числѣ убитыхъ, къ сожалѣнію, не имѣю свѣдѣній.

Свѣдѣнія о раненыхъ я получилъ въ госпиталѣ у Мацаюнданя, куда отправился взглянуть, пользуясь временнымъ затишьемъ на нашихъ позиціяхъ.

Лазаретъ расположился почти у самой горы. Въ наскоро прибранной фанзѣ кипитъ работа; сюда со всѣхъ концовъ поля сраженія стекаются раненые... большинство плетутся, ползутъ сами; тяжело ране-

ныхъ подносятъ на рукахъ, носилкахъ или везутъ въ двуколкахъ.

Стоны, крики, причитыванія, искаженные страданіемъ лица, обнаженные, зіяющія раны и кровь, кровь на шенеляхъ, полусшубкахъ, папахахъ, ичагахъ и носилкахъ.

Зато какимъ безмолвіемъ, страннымъ спокойствіемъ вѣетъ отъ группы солдатъ подъ навѣсомъ въ углу двора.

Все чаще и чаще несутъ туда перевязанныхъ изъ фанзы.

«А эти что?» спрашиваю фельдшера, сортировавшего раненыхъ.

— «Они уже не нуждаются, больше въ медицинской помощи, это уже мертвые», отвѣчаетъ тотъ. «Ну, тащи вотъ этого теперь!» кричитъ онъ санитарамъ.

Тѣ осторожно поднимаютъ съ земли стрѣлка и несутъ его въ фанзу. На большомъ китайскомъ столѣ, покрытомъ бѣлой клеенкой, лежитъ борода-тый солдатъ, совершенно обнаженный... Крѣпко вцѣпился онъ руками въ края стола—видимо боль страшная, но терпитъ безъ сто-на, только зубами поскрипываетъ.

А надъ нимъ, слегка наклонившись, съ засу-ченными рукавами копошится докторъ Перимовъ.

Несмотря на холодъ въ фанзѣ, потъ крупными каплями струится по его лицу; ежеминутно обтираетъ онъ его о свое плечо, между тѣмъ какъ окровавленные руки быстро, быстро двигаются.

Временами онъ отпускаетъ ихъ въ тазъ съ теплой водой, обмываетъ спиртомъ и снова со скальпелемъ въ рукахъ работаетъ безъ передышки и отдыха.

Вдругъ раздается дикій животный крикъ бородачаго стрѣлка.., кровь брызнула изъ его ноги, разрѣзанной почти до самой кости, которую раздробилъ осколокъ снаряда.

«Поскорѣй дайте Піана, еще одинъ» слышится голосъ Перимова. А изъ перерѣзанныхъ кровеносныхъ сосудовъ оперируемаго быстро сруится кровь... нѣсколько капель попали на чистый бѣлый халатъ доктора. Цѣлый рядъ зажимовъ Піана, по внѣшнему виду очень похожихъ на маленькіе ножницы, висятъ на сосудахъ, чтобы прекратить кровотеченіе.

Разрѣзанныя, раздвинутыя части бедра, словно два громадныхъ куска мяса, даютъ возможность видѣть обнаженную, раздробленную кость.

Стрѣлокъ уже не шевелится: маленькій кисейный колпачекъ пропитанный хлороформомъ, погрузилъ его въ глубокій сонъ.

Молодой врач съ измученнымъ, усталымъ лицомъ держитъ руку оперируемаго и слѣдитъ за пульсомъ.

— «Распаторъ» *) кричитъ докторъ Перимовъ.

Я не узнаю его голоса, повидимому, человѣкъ нервничаетъ, такъ какъ неожиданно-негаданно пришлось дѣлать немедленно сложную операцію ампутирования ноги выше колѣна при крайне плохихъ условіяхъ антисептики и при отсутствіи самыхъ необходимыхъ припасовъ; а тутъ еще нравственная отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода... конечно, это не способствуетъ укрѣпленію нервовъ, равно какъ и сознаніе своего безсилія помочь, облегчить страданіе раненыхъ, благодаря недостатку то того, то другого.

Я помню, однажды, докторъ Перимовъ чуть не плакалъ, когда раненыхъ нечѣмъ было перевязывать. Вотъ и теперь ему чего то не хватаетъ для работы и доброе, славное лицо искажено страданіемъ.

А въ его рукахъ уже блеститъ пила... рѣзкіе, непріятные звуки долетаютъ до меня... Отъ нихъ словно мураши забѣгали по спинѣ, я невольно за-

*) Инструментъ, употребляемый въ операціи для расширенія раны.

крываю глаза. Потомъ вновь открываю... вмѣсто ноги громадный комъ ваты, который осторожно бинтуютъ фельдшера.

Стрѣлокъ снова стонетъ и какъ то по дѣтски, жалобно всхлиуываетъ... ему даютъ глотокъ вина, онъ жадно припадаетъ запекшими, посинѣлыми губами къ кружкѣ, и опять несутся тихіе стоны и причитыванія.

Какъ больно они отзываются въ сердцѣ...

Нѣтъ, скорѣй, скорѣй отъ этихъ ужасныхъ картинъ, изъ этой страшной фанзы, гдѣ все собралось искалѣченное, исковерканное, какъ вотъ эта отнятая, безжизненная, желтая, съ крючковатыми грязными пальцами нога.

Да, безконечно ужасна изнанка войны!

16-го февраля.

Съ 6-ти часовъ утра противникъ двинулся большими колоннами на центръ нашихъ позицій у селенія Убаньюпузы.

На бѣломъ снѣгу отчетливо видны его цѣпи, по частямъ перебѣгающіе впередъ. Ближе... и ближе. Вотъ залегли и открыли пачечный огонь. Горсть нашихъ стрѣлковъ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Владиміромъ Михайловичемъ Можейко еще сдерживаетъ ихъ въ передовомъ окопѣ.

Огонь нашихъ винтовокъ словно теряется въ ружейной трескотнѣ японцевъ, которые, несмотря на страшную потерю отъ русскихъ шрапнелей, уже подошли къ окопу,... лѣзутъ на него... Точно ураганъ несетъ... Слышны ихъ торжествующіе крики, окопъ вѣдь взять, въ немъ никого уже не осталось, кромѣ Можейко... Онъ одинъ — капитанъ этого утопающаго корабля. Вотъ сейчасъ корабль пойдетъ ко дну... Могучій свирѣпый вѣтеръ гонитъ громадныя волны... все ближе и ближе... сколько ихъ. Вотъ чудовищная волна, пѣнясь, поднялась, захлестнула, залила палубу и наконецъ... совсѣмъ покрыла — корабль пошелъ ко дну... Можейко палъ.

А съ сосѣднихъ сопокъ наша пѣхота, которую

тоже тѣснили японцы, бросилась на противника въ штыки и стала пробивать дорогу къ тѣлу Можейки. Гулко заговорили вершины горъ, занятыхъ непріятельскими батареями. Цѣлый свинцовый градъ посыпался на смѣльчаковъ; тогда имъ приказали отойти назадъ.

Окопъ остался нейтральнымъ; къ нему ползутъ трое стрѣлковъ; двоихъ на мѣстѣ кладутъ непріятельскія пули, но третьему — молодому стрѣлку Ильѣ Плюско — удается снять вооруженіе и карты съ убитаго Можейки; тутъ же подъ огнемъ противника онъ отрѣзываетъ погоню съ мертваго японца, захватываетъ его винтовку и благополучно возвращается къ своимъ.

На погоню цифра 44 даетъ ясное доказательство, что противъ насъ часть войскъ генерала Ноги. Бой начинается стихать. На позиціяхъ полное безмолвіе. Словно передъ бурей все притихло на время.

И гроза не замедлила разразиться... въ два часа загремѣли японскія орудія, заговорили свое однообразное непріятное та-та-та-та пулеметы. Огонь все разгорался; становилось очевиднымъ, что противникъ подготавливаетъ атаку.

И дѣйствительно, черезъ полчаса японцы снова пошли на приступъ праваго фланга главныхъ позицій, которыя защищалъ полковникъ Некрасовъ;

ему удалось отразить наступленіе и противникъ отошелъ на свое мѣсто.

Въ 5-ть часовъ дня и въ 7 часовъ вечера японцы повторили атаки, предварительно доведя свой ружейный и орудійный огонь до неистовства, но снова были отбиты, понеся большія потери.

Но и намъ было нелегче, такъ какъ мы потеряли за этотъ день только одними ранеными 1084 человекъ; въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось не болѣе одной пятой нормального состава. Убыль въ офицерахъ тоже велика.

У Кудязы генераль Даниловъ весь день велъ упорный бой, удерживая свои позиціи, причемъ у него вышло изъ строя болѣе 700 человекъ и контужень генеральнаго штаба подполковникъ Гаврилица.

Несмотря на крайнее утомленіе, рядъ отбитыхъ атакъ успокоительно дѣйствуетъ на состояніе духа войскъ, ибо съ каждымъ днемъ растетъ увѣренность въ успѣхъ.

Такъ закончился день 16-го февраля.

17-е февраля.

Въ 6 часовъ утра японцы начали обстрѣливать наши позиціи у селенія Убаньюпузы и съ разсвѣтомъ повели общую атаку.

Встрѣченный жестокимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, противникъ повернулъ назадъ, устилая южные склоны горъ своими трупами. Въ это время и генералу Любавину удалось продвинуться впередъ съ Тунсыхолинскаго перевала, занять командующую высоту къ юго-востоку отъ Тамыгушаня. Это движеніе выручило войска Данилова, едва успѣвавшего отбивать атаки противника, и въ то же время дало возможность войти въ боевую связь отрядамъ обоихъ генераловъ, въ чемъ являлась крайняя необходимость.

Съ 10-ти часовъ утра непріятельскія батареи участили огонь, доведя его до максимума, подготавливая общую атаку. Послѣдняя была произведена одновременно и на генерала Любавина, и на позиціи у деревни Убаньюпуза.

Черезъ полчаса Любавинъ попросилъ подкрѣпленія, въ виду крайне тяжелаго положенія. Ему выдѣлили часть нашего маленькаго резерва, а въ 12 часовъ 30 минутъ японцы бросились на насъ

и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, заняли такъ называемую «Ключевую сопку» *); къ тому же выяснилось, что у насъ почти не осталось патроновъ и снарядовъ, которые почему то опоздали намъ прислать. Въ резервъ мы имѣли только двѣ роты при знаменахъ всѣхъ полковъ.

Было для всѣхъ очевидно, что наступили послѣднія мгновенія борьбы и нужно умирать. Солдаты были угрюмы и сосредоточены.

Въ эту тяжелую для насъ минуту появился на позиціяхъ священникъ Николай Архангельскій въ облаченіи. Солдаты благоговѣнно стали подходить къ кресту и принимали благословеніе. Послѣ чего генераль Алиевъ, получившій георгіевскій крестъ еще за Ляоянскій бой, повелъ цѣпи и послѣдніе резервы въ атаку на «Ключевую сопку» съ распущенными знаменами и оркестромъ музыки впереди.

Не доходя двадцати сажень до нея, находится высокая гора, которую намъ удалось отбить и поставить тамъ знамена. Такимъ образомъ появилось новое названіе сопки «Знаменной».

Давъ передохнуть, генераль Алиевъ снова повелъ ихъ въ атаку на «Ключевую сопку». Противникъ

*) Комендантомъ которой былъ подполковникъ Дрисскаго пѣх. полка 71-й дивизіи Значко-Яворскій, раненъ въ ногу.

былъ сбитъ и отступилъ съ нея съ большими потерями.

Но поддержанный резервами, непріятель самъ перешелъ въ наступленіе. Японцы начали подниматься вверхъ, покрывая черной тѣнью бѣлые склоны «Ключевой сопки»... Наши стрѣляютъ по нимъ выдержанными залпами, сберегая послѣдніе патроны... Вотъ японцы бросились въ штыки... на минуту общій ревъ... передніе ворвились въ окопы, оттуда слышались и точно оборвались нѣсколько десятковъ воплей. Мы были отброшены на «Знаменную сопку». Въ эту минуту былъ раненъ въ грудь храбрый и талантливый капитанъ генеральнаго штаба Анатолій Сахаровъ, назначенный начальникомъ штаба вмѣсто убитаго Можейко.

Дальнѣйшее движеніе противника было приостановлено штыками.

Въ четыре часа дня позиціи объѣзжалъ генералъ Ренненкампфъ, прочитывая передъ войсками слѣдующую телеграмму главнокомандующаго: «Очень доволенъ вашими дѣйствіями, передайте благодарность отъ Государя вашимъ молодецкимъ войскамъ; увѣренъ, что задержите противника».

Въ такихъ случаяхъ принято писать, что вслѣдъ за этимъ раздалось громовое ура. Его не было. Никто не кричалъ; на столько всѣ были потрясены и

тронуты до глубины души вниманіемъ Государя. Оно влило намъ новыя силы для борьбы, новую готовность умирать на своихъ позиціяхъ.

Солдаты расходились по окопамъ, унося въ сердцѣ чувство горячей любви и преданность къ обожаемому Монарху; это чувство рвалось, просилось наружу... я видѣлъ воспаленные глаза солдатъ, почти не спавшихъ 12 сутокъ, видѣлъ какъ капали слезы на щедро политую ихъ кровью землю, слышалъ, какъ съ именемъ Христа связывалось неразрывно имя Царя.

Вотъ, что было нашимъ единственнымъ резервомъ въ этотъ тяжелый день, когда почти всѣ патроны были уже разстрѣляны.

Только въ шесть часовъ мы получили давно ожидаемые патроны и снаряды. Теперь мы могли сконцентрировать огонь нашихъ батарей по «Ключевой сопкѣ». Японцы несли страшныя потери, но удержали позицію, хотя саперныя работы вынуждены были прекратить. Сейчасъ получено донесеніе, что Даниловъ былъ атакованъ противникомъ, причемъ временно отрѣзанный японцами, одинъ изъ его полковъ отшибъ ихъ и смаху отнялъ три сопки неприятельской позиціи.

У Любавина идетъ незначительная перестрѣлка на Тунсыхолинскомъ перевалѣ. Къ передовымъ на-

шимъ цѣпямъ явился японецъ 44-го полка съ бѣлымъ флагомъ и знаками объяснилъ, что онъ страшно усталъ, хочетъ спать и ѣсть. Врачъ нашелъ въ немъ чрезвычайное переутомленіе; это еще разъ подтверждаетъ, что враги дѣлаютъ послѣднее усиліе. Огонь постепенно затихаетъ по всей линіи. Я отправляюсь въ Мацаюнданъ за приказаніями.

Вся дорога, насколько хватаетъ глазъ, запружена двуколками. Подъѣзжаю ближе—оказывается транспортъ раненыхъ.

Ни стонувъ, ни криковъ, ни стenanій... Мертвымъ безмолвіемъ вѣетъ отъ этого страшнаго поѣзда.

Только скрипъ колесъ усовершенствованныхъ орудій пытокъ, т. е. двуколокъ, да стукъ копытъ нарушаютъ вечернюю тишину.

Большинство раненыхъ съ головой покрыты китайскими одѣялами или грязными шинелями со слѣдами запекшейся крови...

Въ двуколкахъ навалено по нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые съ перевязанными головами, которыми ударяются при каждомъ толчкѣ объ ея края...

Вонъ у одного шинель свалилась въ сторону, повязка тоже сползла и обнажила зіяющую рану на груди, гдѣ все исковеркано, изрыто, повидимому, нѣсколькими осколками шрапнели...

Страшно осунувшееся, грязное лицо, заострившійся носъ, ввалившіеся съ темными кругами закрытые глаза производить тяжелое впечатлѣніе.

Безъ конца тянутся повозки... Сперва началъ считать, а потомъ бросилъ, когда цифра перешла за 700.

Вотъ въ одной двуколкѣ два раненыхъ, а посреди нихъ уже мертвый... съ каждымъ толчкомъ онъ ударяется о нихъ.

Смерть не успѣла еще наложить на его лицо свою печать — оно все еще искривлено отъ невыносимыхъ мученій, словно и за гробомъ онъ не нашелъ успокоенія...

А дальше... опять перевязанные руки, ноги, головы и всюду слѣды крови, страдальческое, болѣзненное выраженіе глазъ.

Внутри васъ какъ будто упало, порвалось что-то при видѣ этой грустной картины...

18-е февраля.

Около 2-хъ часовъ ночи были слышны въ нашихъ цѣпяхъ саперныя работы, производимыя японцами на занятой ими «Ключевой сопкѣ». Нѣсколько человѣкъ охотниковъ подползли на 20 шаговъ къ противнику и были крайне удивлены, увидѣвъ бруствера изъ непріятельскихъ труповъ.

Объ этомъ было сообщено нашей батарее и она немедленно открыла огонь. Вскорѣ затрещала ружейная перестрѣлка, которая временами стихала, то снова разгоралась; такъ продолжалось до 8-ми часовъ утра, когда отдохнувшій противникъ атаковалъ наши центральныя позиціи у деревни Убаньюпуза.

Мы не узнали японцевъ: такъ вяло, словно машинально, они продвигались впередъ. Повидимому, вся ихъ энергія и храбрость разбилась о нашу твердую рѣшимость отстоять позиціи во что бы то ни стало. На нихъ мы положили около 6 тысячъ солдатъ и 100 офицеровъ; эти павшіе товарищи-герои свято и честно исполнили свой долгъ и мы нравственно обязаны передъ ними довести дѣло до конца.

Атака была отбита съ большимъ урономъ для

противника. Въ 10 час. утра и въ 3 часа дня она повторилась, но съ тѣми же результатами, какъ и раньше. Съ 5 часовъ дня, послѣ чрезвычайно сильнаго артиллерійскаго огня, японцы снова перешли въ наступленіе на «Знаменную сопку».

На этотъ разъ, подбодренные обнаженными шапками своихъ офицеровъ и получивъ свѣжее подкрѣпленіе, японцы стремительно бросились впередъ; начался неравный штыковой бой. Въ эту рѣшительную минуту во время подоспѣлъ начальникъ нашего авангарда генераль Аліевъ съ двумя резервными ротами, которыя смяли и отбросили назадъ противника. Въ этой свалкѣ былъ раненъ подполковникъ генеральнаго штаба Хростицкій, оставшійся въ строю, несмотря на рану, въ виду большого недостатка въ нашемъ отрядѣ офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ теченіе этого же дня у Любавина на Тунсхолинскомъ перевалѣ и у генерала Данилова при Кудязѣ шелъ незначительный бой, который къ 7-ми часамъ вечера принялъ серьезный характеръ. Посланная Даниловымъ въ обходъ японскаго лѣваго фланга, колонна подполковника Мартышевскаго заставила противника немного отступить. Одновременно съ этимъ генераль Любавинъ атаковалъ вы-

соту 194, находящуюся почти въ двухъ верстахъ къ юго-востоку отъ перевала.

Наши батареи обстрѣляли ее шрапнельнымъ огнемъ, но корректированіе трубки и прицѣла было крайне затруднительно, вслѣдствіе складокъ мѣстности.

Тогда подполковникъ генеральнаго штаба Дмитрій Гурко отправился самъ устанавливать телефонъ для передачи наблюденій на батарею.

Въ 300 шагахъ отъ непріятельскихъ цѣпей онъ былъ тяжело раненъ въ животъ. Колонна остановилась и благопріятный моментъ для атаки былъ упущенъ. Этимъ временнымъ замѣшательствомъ воспользовались японцы, но были отброшены дружнымъ натискомъ стрѣлковъ.

Съ послѣднимъ отпоромъ врагу бой сталъ затихать.

Наступалъ вечеръ; въ долинахъ ложился туманъ, скрывавшій далекія горы, дорогу и длинный безконечный транспортъ, направляющійся изъ Мацаюнданьскаго госпиталя.

Изъ мрака наступающей ночи несется мнѣ навстрѣчу тихій, печальный мотивъ «Со святыми упокой»... слабое, колеблющееся пламя факела бросаетъ неровный свѣтъ на цѣлый рядъ носилокъ, покрытыхъ окровавленными шинелями. По очертанію можно судить, что подъ этимъ грубымъ, сѣрымъ

покровомъ лежать безотвѣтные труженики, честно исполнившіе свой долгъ.

А звуки дрожать, стонуть, рыдаютъ... безнадежная, все объемлющая тоска растеть и растеть... голова невольно склоняется ниже передъ останками этихъ страдальцевъ. Они заслужили вѣчнаго упокоенія со святыми... Кончились наконецъ ихъ лишенія, муки, они перешли въ новый міръ, гдѣ нѣтъ больше страданій, нѣтъ тѣхъ ужасовъ, которые творятся на землѣ... послѣднія ихъ жалобы и молитвы слышала только одинъ Богъ...

Снова мелькають обнаженные головы солдатъ, носилки... истащутъ то ихъ тѣ, кого быть можетъ завтра поволокутъ на этихъ самыхъ носилкахъ... Грустные, тяжелыя мысли проносятся въ головѣ; отъ нихъ болѣзненно, тоскливо сжимается сердце...

19-е февраля.

Весь день на главныхъ позиціяхъ идетъ редкая орудійная и ружейная перестрѣлка. Противникъ, повидимому отдыхаетъ, собираясь съ силами на завтра.

Сегодня ровно полмѣсяца постоянныхъ волненій, не прекращающихся боевъ въ нашемъ отрядѣ. Уже болѣе 120-ти атакъ выдержано незамѣтными героями-солдатами.

Возьмите любую исторію войны, даже самыхъ древнихъ временъ, когда оружіе не достигало современнаго, смертоноснаго своего дѣйствія, но и тогда нигдѣ ничего подобнаго не происходило... Не забудьте, что у противника, наступающаго на отрядъ Ренненкампа, почти вдвое больше войскъ, что промерзлая земля и недостатокъ свободныхъ рукъ и времени не позволяютъ намъ укрѣпить, какъ слѣдуетъ, позиціи; прибавьте потери нашего отряда за эти дни болѣе чѣмъ половину всего состава, невозможность, благодаря этому, хоть на время смѣнять утомленныхъ, измученныхъ войска и передъ вами встанетъ яркая, полная картина всего происходившаго на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Только что получилъ приказаніе проѣхать къ генералу Данилову, которому удалось сегодня въ семь часовъ вечера продвинуться впередъ своимъ правымъ флангомъ.

Ночь уже спустилась на землю, когда я возвращался отъ Данилова на главные позиціи.

Темная мгла скрыла подъ своимъ покровомъ всѣ слѣды дневнаго побоища. Но не надолго—вотъ загорѣлась одна звѣздочка... Сперва робко, потомъ все сильнѣй, за ней другая, третья и скоро весь темный, бархатный небосводъ словно разукрасился драгоценными камнями.

Всильлѣ и величавый мѣсяцъ... горныя вершины засеребрились въ его лунномъ свѣтѣ, мерцающемъ по снѣговой поверхности долины смерти.

Какъ памятна мнѣ эта долина, сколько ужасныхъ воспоминаній у меня связано съ ней. Сегодня здѣсь больше всего пролилось крови и нашей, и противника.

Съ сосѣднихъ сѣверныхъ сопокъ весь день громили орудія спустившихся въ нее японцевъ, атаковавшихъ артилерійскія позиціи съ удивительнымъ упорствомъ.

Они гибли сотнями отъ огня, но ихъ смѣняли новыя роты, баталіоны... Высились цѣлыя горы японскихъ труповъ, а свѣжія части непріятеля

пользовались ими, какъ искусственными закрытіями, и все продолжали наступать.

Здѣсь произошелъ около нашихъ окоповъ жестокий штыковый бой, въ которомъ никто не просилъ другъ у друга пощады, а, даже падая, старался схватить врага за горло.

А съ небесъ летится фантастичный лунный свѣтъ, озаряя эту мертвую долину, эти исковерканные трупы...

Мой конь осторожно ступаетъ, выбирая куда поставить ноги, фыркаетъ, храпитъ: словно и ему жутко среди этого царства мертвецовъ...

Вотъ онъ шарахнулся въ сторону... — на небольшомъ камнѣ сидитъ японецъ, словно живой... Видно пуля сразила его когда онъ на минутку рѣшилъ передохнуть, и превратила эту минуту въ вѣчность... А этотъ, что лежитъ навзничъ съ распростертыми руками и выпученными, словно стеклянными, глазами и открытымъ ртомъ съ оскаленными зубами, какъ будто все еще напрягается крикнуть «банзай».

Рядомъ, судя по желтымъ нашивкамъ на рукавахъ — японскій унтеръ-офицеръ съ кровавымъ кускомъ вмѣсто головы, оторванной снарядомъ... кругомъ замерзла лужа крови.

Тутъ же двое, нашъ и японецъ: проколовшіе одинъ другого штыками, да такъ и свалившіеся на

землю, не выпуская винтовокъ изъ окостенѣлыхъ рукъ.

А вотъ и казакъ-забайкалецъ съ желтыми лампасами... На широкомъ, открытомъ лицѣ застыла послѣдняя улыбка, словно ему все еще грезится что то свѣтлое, родное.

Дальше стрѣлокъ, скорчившійся какъ будто отъ холода, лежитъ на боку съ искаженнымъ отъ ужаса и боли лицомъ.

Въ шагахъ двухъ отъ него другой — навалился на японца, держать его за горло и душить... такъ и кажется, что душить до сихъ поръ врага, уже высунувшаго языкъ.

Нѣтъ это живые. Какой злобой и ненавистью вѣетъ отъ его изогнутой фигуры!

...Стараюсь не смотрѣть внизъ — жутко, неприятно...

Такъ и чудится, что вдругъ кругомъ все оживетъ, опять съ остервененіемъ полѣзутъ другъ на друга, затрещать ружья, опять гулко заговорятъ вершины горъ...

Мой конь уже скачетъ карьеромъ, инстинктивно угадывая желанія своего сѣдока...

Мелькають трупы, трупы и трупы... Словно чудищные, страшные призраки двигаются навстрѣчу, требуютъ отчета въ своей загубленной молодой жизни. Они шли другъ на друга, шли не по своей

волѣ, а потому свободны отъ всякой отвѣтственности передъ совѣстью и Богомъ за взаимное уничтоженіе. Кто же будетъ отвѣчать?

Тѣ кто, вели ихъ на это ужасное дѣло, въ томъ числѣ и я.

Опять эти тревожныя сомнѣнія; снова встаютъ со дна души проклятыя, неразрѣшимыя въ военное время вопросы... Куда уйти отъ нихъ? Они преслѣдуютъ, мучаютъ, терзаютъ меня, отъ нихъ нигдѣ не скроешься, не убѣжишь, потому что ихъ под-сказала сама совѣсть.

Вотъ, слава Богу, и конецъ этой страшной долины. Дорога подымается въ гору. Я остановилъ на мгновенье коня и оглянулся въ послѣдній разъ на перевалѣ. Тихо въ морозномъ воздухѣ... На бѣлоснѣжномъ днѣ долины чернѣютъ неясныя точки... по прежнему льется холодный, лунный свѣтъ, по прежнему грустно мерцаютъ далекія звѣзды...

20-е февраля.

Съ десяти часовъ утра идетъ все усиливающійся артиллерійскій огонь противъ центра нашихъ позицій, а также противъ Любавина. Около 11-ти часовъ японцы перешли на него въ наступленіе, а черезъ 35 минутъ послѣдовала атака и на нашъ центръ, который острымъ угломъ врѣзывался въ линію расположенія противника.

Такимъ образомъ вся сила удара атаки должна была обрушиться на него. На этотъ разъ непріятель двигался впередъ густыми колоннами, явно пренебрегая потерями отъ нашей артиллеріи, открывшей по японцамъ бѣглый огонь.

Тогда центру было приказано отойти на линію праваго и лѣваго фланговъ и огонь всѣхъ нашихъ батарей сосредоточился по оставленному гребню; противникъ не выдержалъ и подался назадъ. Ровно въ два часа дня непріятель сталъ наступать отъ «Ключевой сопки» на правый флангъ нашихъ главныхъ позицій, но былъ отброшенъ, послѣ чего японская артиллерія стала обстрѣливать насъ по площадямъ.

Между тѣмъ атака на Любавина, преимущественно на его лѣвый флангъ, велась японцами

крайне настойчиво. Несмотря на тяжелое положеніе своего лѣваго фланга, Любавинъ не трогалъ маленькаго резерва. Эта осторожность вполне оправдалась, такъ какъ противникъ главными силами вдругъ обрушился на его правый флангъ съ цѣлью прорваться между имъ и Даниловымъ, выйти на дорогу, ведущую на разъѣздъ Консимоу; послѣдній лежитъ въ 6-ти верстахъ къ сѣверу отъ Мациаюданя. Этимъ маневромъ, если бы онъ удался, японцы отрѣзывали бы намъ путь отступленія на Фушунь.

Поддержанный резервами, правый флангъ Любавина отбросилъ непріятеля. Японскія батареи разстрѣливали своихъ отступающихъ; тогда они снова бросились впередъ, но тутъ ихъ встрѣтила наша артиллерія и стрѣлки... Противникъ дрогнулъ и побѣжалъ.

Вслѣдствіе крайняго утомленія, наши войска не въ состояніи были преслѣдовать.

Начинало вечерѣть. Послѣдніе яркіе, золотистые лучи заходящаго солнца облили вершины горъ кроваво-краснымъ свѣтомъ; внизу ползли тѣни, подымаясь все выше и выше.

День медленно гасъ, а вмѣстѣ съ нимъ постепенно затихалъ бой.

21-е февраля.

Ночь сравнительно прошла спокойно. Сѣрый туманъ занялся 21-го февраля. Мгла окутывала дали; свинцовое небо точно давило вершины горъ у деревни Убаньюпуза.

Съ разсвѣтомъ загремѣли японскія орудія противъ нашихъ главныхъ позицій, а черезъ нѣсколько мгновеній огонь непріятельскихъ батарей былъ направленъ и на Любавина. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала атака на весь фронтъ нашего отряда, за исключеніемъ позиціи Данилова. Встрѣченный сильнымъ огнемъ, непріятель отступилъ съ большими потерями.

Около двухъ часовъ дня къ японцамъ прибыли подкрѣпленія и они снова перешли въ наступленіе; дѣло дошло до штыковъ, но и на этотъ разъ противникъ былъ отбитъ.

Въ три часа японцы стали сосредоточиваться противъ центра и сразу обрушились на него. Наши роты рѣдѣли, таяли подъ бѣшеннымъ огнемъ японцевъ, но остались на мѣстахъ и противникъ отхлынулъ назадъ. Въ то же время и Любавину удалось отразить три атаки, направленные на его позиціи; въ шесть часовъ они повторились. Против-

никъ стремительно продвигался впередъ густыми цѣпями и подошелъ почти къ самымъ нашимъ позиціямъ; тогда стрѣлки вскочили на ноги и, не взирая на сильный артиллерійскій огонь японскихъ батарей, успѣли въ упоръ дать шесть залповъ, послѣ чего непріятель въ полномъ безпорядкѣ бѣжалъ, очистивъ свои прежнія передовыя позиціи на первомъ гребнѣ. За то дѣла наши на главной позиціи и лѣвѣе центра около 7-ми часовъ вечера приняли неблагопріятный характеръ. Въ этомъ мѣстѣ японцы, несмотря на большія потери, штыковой атакой сбили наши войска, которыя немного подались назадъ.

Сейчасъ сдѣлано распоряженіе генераломъ Ренненкампомъ: центру перейти въ наступленіе и вернуть прежнюю позицію.

Молча, безъ обычнаго крика «ура», стиснувъ зубы, бросились наши стрѣлки отбирать уступленныя позиціи. Чѣмъ то стихійнымъ вѣяло отъ этой атаки.

Генераль Ренненкампфъ, пропустивъ ихъ мимо себя, когда они шли на приступъ, повернулъ коня домой, не дожидаясь окончанія дѣла, настолько онъ былъ увѣренъ въ благополучномъ исходѣ.

Для этого достаточно было взглянуть на лица

солдаты, озаренных яркимъ свѣтомъ луны. Казалось, что для этой массы нѣтъ никакихъ преградъ: она все смететъ, опрокинетъ, уничтожить на своемъ пути.

И дѣйствительно, къ 11 час. 30 мин. мы вернули назадъ свои прежнія позиціи, покрывъ ихъ новыми японскими трупами.

22-е Февраля.

Въ 12 час. 20 мин. нашъ центръ продвинулся впередъ, захватилъ два японскихъ пулемета, изъ которыхъ стрѣлки начали обсыпать бѣгущаго противника. Скоро по всей линіи бой сталъ затихать, и измученныя наши войска легли на позиціяхъ отдохнуть, отказавшись даже отъ ужина.

Въ 4 часа утра съ чрезвычайнымъ упорствомъ противникъ повелъ новую атаку на главную позицію, лѣвѣ центра и, опрокинувъ наши роты, сейчасъ поставилъ пулеметы.

Не ожидая приказаній, наши войска бросились впередъ, смяли японцевъ, заняли свои прежнія позиціи, которыя сегодня два раза переходили изъ рукъ въ руки; при этой атакѣ мы захватили еще третій пулеметь.

Съ десяти до двухъ часовъ дня непрерывныя наступленія японцовъ по всей линіи фронта отбиты.

Настроеніе въ войскахъ бодрое, свѣтлое.

Вечеромъ нашъ отрядъ получилъ приказаніе изъ штаба 1-й арміи отступить назадъ къ рѣкѣ Хунхэ, восточнѣе Фушуня.

Сперва никто не хотѣлъ этому вѣрить, тѣмъ болѣе,

что японцы стали отходить по всей линіи фронта; намъ отчетливо было видно, какъ тянулись ихъ обозы и батареи къ югу.

Войска ждали съ минуты на минуту распоряженія броситься преслѣдовать противника, котораго они сломили, упорствомъ и настойчивостью, вселяя въ немъ ужасъ и удивленіе передъ своимъ героизмомъ.

Больно и горько было отходить и бросать свои позиціи, на которыхъ легло около $\frac{2}{3}$ всего отряда... солдаты, рыдая, угрюмо, неохотно исполняли приказаніе отступать.

Нѣкоторые спрашивали офицеровъ и меня, почему ихъ отводятъ назадъ, но никто не могъ имъ этого объяснить: мы сами находились въ тяжеломъ недоумѣніи.

Почти каждый завидовалъ павшимъ товарищамъ, которые погибли лицомъ къ врагу, умирали съ сознаниемъ, что позиціи остались за нами.

Глубокою ночью войска потянулись на сѣверъ, миновавъ Мацаюнданъ. Позади горѣли склады продовольствія, подожженные при неожиданномъ отступленіи.

Яркое пламя громаднаго костра далеко освѣщало дорогу. Этотъ колеблющійся, неровный свѣтъ вре-

менами рѣзали глаза, словно черезъ нихъ хотѣлъ проникнуть, заглянуть въ самую душу... а тамъ все ныло, болѣло, страдало...

Назойливыя думы лѣзли въ голову, отъ нихъ еще тоскливѣе сжималось сердце.

Мы ничего не знали, что произошло въ центрѣ и на правомъ флангѣ.

Что вы хотите отъ насъ.

Непредвидѣнные обстоятельства вывели на время изъ строя и лишили возможности телеграфировать въ газету.

Такимъ образомъ я имѣлъ время успокоиться, обдумать все, что произошло за послѣднее время.

Я былъ участникомъ восемнадцатидневнаго боя подъ Мацюнданомъ на лѣвомъ флангѣ; я видѣлъ какъ отрядъ Ренненкампа, потерявъ три четверти своего состава; удержалъ за собой Убаньюпузскія позиціи; видѣлъ, что испытывали наши войска: имъ было приказано бросить свои окровавленные позиціи. Вмѣстѣ съ ними я переживалъ чувство боли, стыда и тяжелаго недоумѣнія. На моихъ глазахъ свершилось отступленіе нашего крайняго лѣваго фланга, при которомъ мы не потеряли ни одного орудія, ни одной повозки и раненыхъ. Затѣмъ я узналъ подробности дѣлъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ, слышалъ отъ очевидцевъ цѣлый рядъ ужас-

ныхъ картинъ безпорядочнаго отступленія, бросанія обозовъ, раненыхъ.

Подъ вліяніемъ всего вышесказаннаго у меня сложилось мнѣніе, что все уже кончено. Мало того, я самъ чувствовалъ ту нравственную и физическую усталость, когда все становится безразличнымъ и хочется только покоя. Понятно, что если бы я сразу подъ этимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ телеграфировалъ вамъ (конечно, если бы пропустила наша строгая цензура), то увѣренъ, что моя телеграмма заставила бы у многихъ сжаться сердце до боли, вселяя всюду полное отчаяніе.

Нѣсколько дней отдыха привели меня въ болѣе нормальное состояніе, дали силы отнестись спокойнѣе къ нашей неудачѣ.

Я буду говорить о причинахъ нашего неуспѣха только постоянныхъ, т. е. такихъ, которыя могутъ имѣть мѣсто и въ будущихъ дѣлахъ. Къ числу послѣднихъ, какъ мнѣ кажется, нужно отнести во-первыхъ тотъ режимъ, который существовалъ вездѣ и всюду у насъ въ Россіи. Очевидно, что точное знаніе силъ, расположенія войскъ, намѣреній противника даетъ громадное преимущество другому. Этими важными данными всегда обладали японцы. Они еще до войны отлично поняли значеніе этого фактора, и когда мы тратили на развѣдочную службу

и шпионовъ около двадцати тысячъ въ годъ, нашъ болѣе бѣдный противникъ не жалѣлъ 12 милліоновъ. Мы почти во всѣхъ сраженіяхъ обречены на дѣйствія въ слѣпую, тогда какъ японцамъ извѣстны каждый нашъ шагъ и малѣйшія наши передвиженія. Мы окружены со всѣхъ сторонъ шпионами.

Во-вторыхъ мы жмемъ къ парѣ рельсовъ, которые являются для насъ единственной базой, боимся всякихъ обходовъ, въ виду возможности быть отрѣзанными отъ нея. Между тѣмъ какъ японцы имѣютъ базу въ Ляоянѣ, въ Фынхуанченѣ, по рѣкѣ Ялу, въ Инкоу, въ Корей; мало того, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль они могутъ въ любомъ мѣстѣ на побережь моря устроить новую базу, благодаря своему флоту, на который японское правительство не жалѣло никакихъ денегъ.

Въ третьихъ, какъ бы ни былъ хорошо задуманъ планъ главнокомандующимъ, но многое зависитъ и отъ исполнителей. Напримѣръ преждевременное отступленіе корпуснаго командира въ центрѣ влечетъ неминуемо за собой прорывъ всего нашего фронта, а значитъ полное измѣненіе всего плана. Отступленіе какого-нибудь полка на флангъ обнажаетъ его и появляется неожиданная угроза обхода.

Въ четвертыхъ, и этотъ пунктъ я считаю са-

мымъ важнымъ, побѣду одерживаетъ теперь не армія, а нація.

Съ одной стороны вы видите націю съ глубокимъ патріотизмомъ, доходящимъ до энтузіазма, въ которой почти всѣ поголовно безъ исключенія сознають историческое великое значеніе этой войны, гдѣ всѣ проникнуты однимъ страстнымъ желаніемъ побѣды во что бы то ни стало; вы видите офицеровъ и солдатъ, которыхъ родныя и близкія при отправленіи на войну мысленно уже не считаютъ живыми; вы встрѣчаете армію, въ которой говорятъ, что «мнѣ стыдно вернуться живымъ на родину, ибо меня похоронили». Вы видите страну, въ которой закрыты всѣ высшіе учебныя заведенія не вслѣдствіе скандаловъ или протеста противъ войны, а потому что вся молодежь пошла въ ряды бойцовъ, ясно сознающихъ, чего отъ нихъ требуетъ родина, гдѣ никто не занимается самооплевываніемъ.

Съ другой стороны предъ вами нація, гдѣ часть людей не понимаетъ значенія этой войны, относится къ ней враждебно, пользуется тяжелымъ временемъ, чтобы добиться большей свободы, которая несомнѣнно нужна всему народу. Какъ будто нельзя требовать той же свободы и справедливости послѣ войны? Вы видите страну, всецѣло занятую своими внутренними дѣлами и неурядицами, изрѣдка огля-

дывающуюся на армію послѣ ея неудачныхъ сраженій, съ тѣмъ чтобы вылить на нее ушатъ помоевъ или послать въ видѣ утѣшенія отступающимъ войскамъ цѣлую груду прокламацій съ предложеніемъ сдаваться въ плѣнъ японцамъ и прекратить сражаться.

Даже противникъ не присылалъ намъ такихъ прокламацій, а ограничился только подбрасываніемъ агентскихъ иностранныхъ телеграммъ о безпорядкахъ и бунтахъ въ Россіи.

Я былъ свидѣтелемъ при отступленіи отъ Мукдена, когда измученнымъ, усталымъ и нравственно угнетеннымъ своею неудачей солдатамъ изъ далекой родины прислали одинъ привѣтъ: прокламаціи. Представьте себя на мѣстѣ солдата или офицера въ эту минуту. Поймете ли вы, чего отъ васъ хотятъ и требуютъ на родинѣ? Думаю, что нѣтъ. Если вы отступите, васъ ругаютъ и оплевываютъ; если вы умираете на своихъ позиціяхъ, не отходя ни одного шага назадъ, вамъ предлагаютъ бѣжать или сдаваться въ плѣнъ. Чего же вы хотите отъ насъ?

Если дѣйствительно вся страна не хочетъ войны и согласна на позорный миръ, тогда бесполезно воевать, такъ какъ армія при этихъ условіяхъ не можетъ одержать побѣды. Лучшая часть солдатъ и офицеровъ въ силахъ только умереть, удерживая

свои позиціи. Но если вся Россія хочет побѣды, то пусть она заявитъ объ этомъ отъ мала до велика, пусть волеетъ въ насъ энтузіазмъ и сознаніе, что десятки тысячъ погибшихъ подъ Мугденомъ нашихъ товарищей — не безцѣльная, бесполезная, преступная жертва. Пусть она согрѣетъ своимъ искреннимъ сердечнымъ привѣтомъ тѣхъ искалѣченныхъ людей, которые виноваты только въ томъ, что честно исполнили свой долгъ, и мы дадимъ побѣду при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы теперь находимся; пойдемъ обновленные, съ глубокой вѣрой въ величіе своей родины на смерть, будемъ безропотно умирать и погибая благословлять ее.

Гунжудинъ 2 апрѣля 1905 г.

Нѣсколько словъ о распорядительности въ бояхъ, какъ частной причинѣ нашихъ неудачъ.

Начну издалека. 12 января наши войска атаковали деревню Сандену и неожиданно наткнулись на сильный редюитъ, который взять безъ подготовки огнемъ осадныхъ орудій не представлялось никакой возможности. Солдаты должны были отойти назадъ и великолѣпно начатое дѣло погибло. Между тѣмъ я лично видѣлъ литографированную съемку съ воздушнаго шара, помѣченную седьмымъ января, гдѣ имѣется подробный планъ деревни Сандену и редюита. А войска получили этотъ планъ только 13 января. Это конечно мелочь, но изъ-за нея мы не взяли Сандену и она стоила намъ 10,000 челевѣкъ. Еще одинъ маленькій фактъ изъ той же операціи подъ Сандену. Холодъ градусовъ 20, казакъ, закутанный въ китайскіе халаты, прорубаютъ топорами ледъ рѣки, промерзшій почти до самаго дна, чтобы напоить коней. Носилки остановились, такъ какъ дорога на большомъ протяженіи запружена громадными повозками, на которыхъ везутъ

понтонъ. Происходитъ слѣдующій короткій, но поучительный разговоръ. «Къ чему вы это везете?» «Приказано наводить мосты». «Позвольте, но вѣдь вы сами только-что переѣхали по льду, который выдержалъ громадную тяжесть вашихъ повозокъ?» «Совершенно вѣрно, но я исполняю приказаніе». Теперь представьте себѣ, что японцы перешли бы сами въ наступленіе въ этомъ дѣлѣ какую бы путаницу и нежелательную суматоху причинила бы намъ при отступленіи образовавшаяся пробка на дорогѣ изъ этихъ неповоротливыхъ громоздкихъ повозокъ. За три дня до отступленія изъ Мукдена обозамъ было приказано уходить на сѣверъ, но по роковой случайности они выступили только тогда, когда ихъ начали обстрѣливать японскія шрапнели, что повело, какъ вамъ уже извѣстно, къ частичной паникѣ. Каждая армія имѣетъ свои пути на случай отступленія. Наша третья армія должна была отходить по Мандаринской дорогѣ и восточнѣе ея, а вмѣсто этого она двинулась почему-то по западнымъ дорогамъ. Благодаря этому, между первой арміей и третьей образовался прорывъ, чѣмъ не замедлили воспользоваться японцы и ринулись въ разрѣзъ между нашими войсками. Мнѣ пришлось однажды встрѣтить громадный обозъ, съ такъ называемымъ неприкосновеннымъ запасомъ продовольствія, кото-

рое было еще вывезено изъ Кіева чуть ли не годъ назадъ. И, какъ видно, этотъ запасъ вполне оправдалъ свое назначеніе: къ нему никто не прикасался, его возили, возили безъ конца. И это въ странѣ, изъ которой ежегодно экспортируютъ въ Японію и на югъ Китая, до 85 милліоновъ пудовъ злаковъ, гдѣ одна мукденская провинція почти цѣлый годъ прокармливала насъ и японцевъ; а въ тылу имѣется еще не початый край фуража и продовольствія въ Гиринской провинціи, гдѣ изъ Монголіи можно пригнать сколько угодно скота и лошадей. Посмотрите въ Россіи посадку любой пѣхотной дивизіи, вы ужаснетесь, какъ великъ обозъ, какая масса коней; оставьте все это въ Россіи, кромѣ походныхъ кухонь, лазаретныхъ линеекъ и мастерскихъ, въ которыхъ возятся инструменты для исправленія матеріальной части, а вмѣсто каждыхъ восьми лошадей пришлите лишь 40 человѣкъ со штыками; вы все остальное найдете въ Маньчжуріи, если какъ слѣдуетъ упорядочить это дѣло. И наконецъ зачѣмъ искать, когда мы уже имѣемъ до 230,000 обозныхъ казенныхъ лошадей, не считая вольнонаемныхъ китайскихъ арбъ, которыхъ тоже изрядное количество. Сократите вездѣ и всюду обозы и освободите ихъ отъ излишнихъ вещей, безъ которыхъ свободно можно обойтись на войнѣ.

Офицеры на войнѣ.

Какъ въ предыдущихъ сраженіяхъ, такъ и въ послѣднемъ, у Мукдена, убыль въ офицерскомъ составѣ чрезвычайно велика. Потребуется вновь значительное количество пополненія, которое не скоро прибудетъ изъ Россіи. За это время въ Манчжуріи обстоятельства могутъ вызвать необходимость немедленнаго укомплектованія... во-первыхъ, во-вторыхъ, офицеры запаса, которыхъ шлютъ намъ изъ Россіи, за рѣдкимъ исключеніемъ, менѣе отвѣчаютъ своему назначенію, чѣмъ офицеры дѣйствительной службы. Оно и понятно—человѣкъ успѣлъ уже многое забыть... Итакъ, съ одной стороны, въ послѣднемъ бою однимъ полкомъ командовалъ поручикъ, такъ какъ всѣ старшіе офицеры были перебиты, а съ другой—если бы вы пришлось со мной по санитарнымъ поѣздамъ, пересчитали бы всѣхъ упол-

номоченныхъ офицеровъ Краснаго Креста, завѣдующихъ складами бѣлья, заглянули бы въ эвакуаціонную комиссію, транспорты, всевозможныя тыловыя учрежденія въ Харбинѣ, то увидѣли бы такое значительное количество офицеровъ, которыхъ хватило бы по крайней мѣрѣ на цѣлую армію. И представьте себѣ, большинство изъ нихъ даже не запасные, въ чинахъ отъ штабсъ-капитановъ до генерала включительно, значить, съ большимъ служебнымъ опытомъ и иногда высшимъ военнымъ образованіемъ. Эти люди занимали съ самаго начала войны такія мѣста, на которыхъ, не меньшую пользу могли принести не только офицеры запаса, но даже чиновники любого вѣдомства. Я не спорю, что быть комендантомъ поѣзда или лавочникомъ экономическаго общества, несравненно пріятнѣе и безопаснѣе, чѣмъ терпѣть лишенія и стоять подъ выстрѣлами, командуя ротой или эскадрономъ. Но вѣдь нужно хоть на время забыть свои личныя выгоды и подумать объ общемъ дѣлѣ. На ихъ мѣста можно съ успѣхомъ поставить, наконецъ, тѣхъ офицеровъ, которые, вслѣдствіе своихъ тяжелыхъ ранъ, лишены возможности вернуться въ строй, но еще способны вести службу комендантовъ санитарныхъ поѣздовъ. Къ сожалѣнію, порядокъ назначенія на эти должности всецѣло зависитъ отъ протекціи,

играющей вездѣ и во всемъ во время войны далеко непослѣднюю роль. Вотъ объ этомъ я и хочу сказать нѣсколько словъ. Война длится больше года, и за все это время среди всѣхъ офицеровъ не нашлось ни одного даровитаго начальника, способнаго командовать корпусомъ, дивизіей, бригадой. Да полно, такъ ли господа? Мимо меня прошло во время войны много лицъ, обладавшихъ не только личной храбростью, рѣшительностью, спокойствіемъ, но и одаренныхъ крупнымъ военнымъ талантомъ. Эти люди пользовались довѣріемъ и любовью солдатъ, приобрѣли уваженіе отъ своихъ сослуживцевъ, но такъ и остались до сихъ поръ командовать той же ротой, сотней, баталіономъ, какъ и раньше или погибли отъ непріятельскихъ пуль, при исполненіи своихъ маленькихъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы высшее начальство не отличало ихъ, нѣтъ, это было бы неправдой, оно награждало ихъ Станиславами, Аннами и почти всегда оставляло ихъ на прежнихъ мѣстахъ. А въ то же время, изъ Россіи прибывали все новые и новые гастролеры съ большими связями и получали отдѣльныя части. Среди нихъ несомнѣнно могли тоже оказаться способные начальники, но ихъ не знали солдаты, имъ не довѣряли офицеры, и въ первыхъ же дѣлахъ иногда происходила путаница, благодаря ихъ не-

привычкѣ спокойно разсуждать подѣ выстрѣлами и непониманію мѣстныхъ своеобразныхъ условій этой войны. Казалось бы, чего проще рѣшить этотъ вопросъ — если прекрасно велъ себя офицеръ въ бою, командуя ротой, дайте въ слѣдующемъ дѣлѣ баталіонъ и т. д.

Не бойтесь, что этимъ онъ обгонитъ своихъ товарищей, но за то вы используете его совершенно, и, наконецъ, много ли остается такихъ цѣлыми и невредимыми послѣ войны.

Въ мирное время офицеры гвардіи имѣютъ громадное преимущество передъ старыми армейскими служаками, предѣлъ мечтаній которыхъ получить мѣсто воинскаго начальника, а о командованіи полкомъ никто и не говоритъ, такъ какъ это почти невозможная вещь. Далѣе, мы нисколько ни удивляемся, что Х., благодаря связямъ, обгоняетъ другихъ, но вдругъ начинаемъ беспокоиться, что достойный, храбрый офицеръ въ теченіе полгода можетъ достигнуть до командованія полкомъ, оставивъ своихъ товарищей далеко позади. Эта заботливость о справедливости мнѣ кажется въ данномъ случаѣ немного странной. Отбросимъ даже въ сторону протекцію, предположимъ, что всѣ назначенія идутъ строго по порядку старшинства. Что же изъ этого получится? Только вредъ для общаго дѣла, такъ какъ

неспособный начальник будетъ получать высшее назначеніе, а талантливый человѣкъ останется по прежнему командовать ротою или баталіономъ. Укажите мнѣ хоть одного корпуснаго командира, который получилъ бы свое назначеніе, благодаря боевымъ заслугамъ въ эту войну.

Впрочемъ, виновать, ошибся. Нѣсколько дней тому назадъ прочелъ приказъ о назначеніи генерала Гернгросса командиромъ сибирскаго корпуса.*)

Между тѣмъ, условія нынѣшней войны, ея тактическія свойства такъ рѣзко отличаются отъ прежнихъ кампаній, что почти весь боевой прошлый опытъ нашихъ старыхъ генераловъ сводится къ нулю, если только они не слѣдили за развитіемъ военнаго искусства.

Эти старые генералы, славные участники прежнихъ кампаній, честные хорошіе люди, даже храбрые, продолжаютъ придерживать тактики временъ очаковскихъ и покоренія Крыма. Война застала нашу артиллерію со старыми пушками, застала также ихъ съ прежними устарѣвшими взглядами. Разница только въ томъ, что мы теперь уже имѣемъ скорострѣльные орудія, а почтенные генералы, такъ и остались при своихъ прежнихъ возрѣніяхъ. За доказательствомъ не приходится да-

*) Статья была напечатана въ „Словѣ“ въ маѣ 1905 г.

леко ходить. Является командиръ батареи къ начальнику отряда, по случаю прибытія 6 орудій въ ввѣренный ему районъ, и вдругъ получаетъ отвѣтъ:— «Ахъ, говорилъ, чтобы къ моему отряду не придавали артиллеріи; что я съ вами теперь буду дѣлать?»

Между тѣмъ, почтенный генераль, казалось бы, долженъ былъ знать, что наши новыя орудія стрѣляютъ больше, чѣмъ на 5 верстъ, скоростью 19—20 выстрѣловъ въ минуту, что составитъ отъ 1,600—1,800 снарядовъ въ 1½ часа, которые необходимы для прохожденія 5 верстъ пѣхотою, даже при условіи мирнаго времени, когда ей не приходится укрываться отъ шрапнели. Скажите, много-ли дойдетъ до батареи даже безумно-храбрыхъ людей? А непріятельская пѣхота вѣдь тоже будетъ поражать своимъ огнемъ и переколетъ горсточку уцѣлѣвшихъ храбрецовъ. Таковы послѣдствія всякаго дѣла, если у одного изъ противниковъ есть артиллерія, а у другого нѣтъ.

Вотъ причина, почему каждое сраженіе начинается артиллерійскимъ поединкомъ, желаніемъ прежде всего заставить замолчать непріятельскія орудія.

Еще одинъ случай. Угломѣръ въ скорострѣльной артиллеріи даетъ полную возможность поставить орудія укрыто, за горой или деревней и совершенно точно поражать врага, пользуясь любой вспомога-

тельной точкой для прицѣливанія, даже если она находится позади нашихъ позицій.

Между тѣмъ, прежняя тактика артиллеріи требовала выбора позицій непременно на самой вершинѣ горнаго массива. Я самъ помню это блаженное время въ училищѣ, 6 лѣтъ тому назадъ, когда по тактикѣ получалъ неудовлетворительные отмѣтки за то, что по ошибкѣ выбиралъ позицію гдѣ-нибудь подъ горой. Но возвращаюсь къ факту. Идетъ бой. Батарея встала за деревней совершенно укрыто отъ взоровъ противника, который никакъ не можетъ ее нащупать. Въ это время проѣзжаетъ начальникъ отряда и требуетъ къ себѣ командира батареи. «Это еще что значить? Почему вы, полковникъ, изволите прятаться, какъ вамъ не совѣстно?—«Но ваше превосходительство, иначе насъ могутъ въ теченіе 5—10 минутъ уничтожить». «Стыдитесь, полковникъ говорить такія вещи: вѣдь мы для этого и ѣхали сюда; извольте сію минуту выѣхать на эту вершину. Слышите, я вамъ приказываю». Возражать было, конечно, немислимо. Батарея заняла позицію на сопкѣ, а черезъ 15 минутъ японцы заставили ее замолчать, уничтоживъ больше половины всего. И увѣряю васъ, что это хотя и грустный, но дѣйствительный случай, происшедшій въ началѣ кампаніи. Но смѣнить началь-

ника отряда жалко: вѣдь онъ—герой севастопольской кампаніи, гдѣ со своей ротою лихо ходилъ въ штыки, а главное,—что скажетъ его родственница княгиня Марія Алексѣевна въ Петербургѣ? Ну, а тысячи людей, погибшихъ благодаря его неумѣнію и незнанію, какъ распоряжаться въ бою, вамъ не жалко, господа? Дѣйствительно, странная жалость!..

Лучъ свѣта.

Сѣрая, свинцовыя тучи обволокли все небо. Онѣ нависли надъ землею, опускаясь все ниже и ниже. Душно; дышать нечѣмъ, чувствуешь, что еще не много, и совсѣмъ задохнешься. Вдали гремѣть раскаты грома. Услыхавъ его, люди испуганно торопятся убѣжать къ себѣ, спрятаться отъ надвигающейся грозы.

Но вотъ на горизонтѣ проясняется, свѣтлѣетъ... блеснулъ и яркій, золотой лучъ солнца. Онъ скользнулъ въ убогую покривившуюся избенку крестьянина, проникъ черезъ узкое, маленькое оконце съ желѣзной рѣшеткой въ тюрьму, побѣждалъ по селамъ, городамъ, заглядывая и въ темныя грязныя подвалы, гдѣ ютилась трудящаяся бѣднота, и въ богатыя роскошныя комнаты, куда загнала нѣкоторыхъ людей невыносимая духота воздуха улицы.

И всюду, куда ни заглядывалъ ослѣпительный лучъ солнца, вездѣ онъ веселилъ, радовалъ сердца тѣхъ людей, которые любили свѣтъ. Онъ звалъ ихъ на добрую дружную работу.

Въ воздухѣ уже не чувствовалось духоты и, хотя еще полнеба было покрыто тучами и раздавались удаляющіеся громовые удары, но каждый сознавалъ, что гроза миновала и прошла стороной. *)

И слава Богу.

Воображаю себѣ ту безконечную искреннюю радость, которую будетъ испытывать наша дѣйствующая армія, какъ облегченно вздохнетъ она, узнавъ, что кончится наконецъ, внутренняя неурядица благодаря ясно выраженному желанію Государя: «Установить, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью».

А какъ страшно мѣшали намъ въ Маньчжуріи внутреннія безпорядки въ Россіи, какъ тормозили они наше дѣло. Мы понимали, что связь между арміей, которая воюетъ, и родиной, не желающей насъ поддерживать, порвалась.

По-моему это было хуже, чѣмъ захватъ японцами у насъ въ тылу линіи желѣзной дороги, по которой шли къ намъ изъ Россіи припасы.

Вотъ почему, объясняя причины мукденской катастрофы въ статьѣ въ «Новомъ Времени», отъ 11 марта, я писалъ, что если народъ не хочетъ войны, то мы не можемъ побѣдить; лучшіе изъ насъ въ состояніи только умереть на своихъ позиціяхъ.

*) Но она всегда можетъ повториться.

Но разъ будетъ единеніе между Царемъ и Русью, то этимъ фактомъ Государь установитъ связь дѣйствующихъ войскъ съ родиной.

Далѣе, почти у каждого изъ насъ, рядовыхъ бойцовъ на театрѣ войны, сердце не разъ сжималось до боли и обливалось кровью при видѣ гибели многихъ товарищей и солдатъ, вслѣдствіе неумѣлаго распоряженія начальника отряда, получившаго мѣсто прямо изъ Россіи, благодаря протекціи. А развѣ мало было другихъ данныхъ, ясно доказывающихъ свою несостоятельность нашего режима, если ихъ начать перечислять по порядку, то пожалуй въ книгѣ не хватитъ и мѣста.

Насъ больше всего угнетало, что лицамъ, нѣсколько разъ проигравшимъ бои, давались новые переэкзаменовки, на которыхъ они попрежнему проваливались.

Подобные факты едва ли будутъ имѣть мѣсто въ будущемъ, разъ переменится весь режимъ. А его измѣненіе — «непреклонная воля» Царя.

Вотъ этотъ-то свѣтлый, яркій лучъ солнца проникнетъ въ далекія поля и горы Маньчжуріи и освѣтитъ, согрѣетъ, подбодритъ нашу армію, измученную, но готовую снова сражаться съ врагомъ.

Какъ давно томилась, ждала родина желаннаго единенія съ своимъ Царемъ — для этого стоитъ вник-

нута въ адресъ *) Славянскаго благотворительнаго общества, поднесенный Императору Александру II въ день 25-лѣтія его царствованія:

«Мы вѣруемъ въ древнюю правду, искони проникшую въ душу народа русскаго, что Царь его есть и отецъ его, что дѣти всегда придутъ къ отцу своему *безбоязненно*, чтобъ выслушать отъ нихъ съ любовію о нуждахъ ихъ и о желаніяхъ ихъ, что дѣти любятъ отца своего, а отецъ вѣритъ любви ихъ, и что отношенія русскаго народа къ Царю-отцу своему лишь любовно-свободны и безбоязненны, а не мертвенно-формальны и договорны. Мы познали, что такъ восхотѣлъ народъ нашъ еще искони, и въ этомъ образѣ отца и дѣтей заключенъ и весь смыслъ всей исторической связи Русской земли съ ея монархомъ въ продолженіе уже столькихъ вѣковъ. А потому вѣруемъ и въ то, что на этой лишь связи, какъ на основаніи незыблемомъ и можетъ быть восполненъ и законченъ строй всякихъ будущихъ преобразованій государства нашего по мѣрѣ того, сколь будутъ они признаваемы необходимыми, ибо основаніе это есть живое и дѣйствительное, живущее въ сердцѣ народа, а не мечтательное и

*) Составленъ былъ О. Достоевскимъ и до сихъ поръ нигдѣ не появлялся въ печати.

придуманное, не заимствованное изъ жизни чужихъ народовъ и съ чужого голоса. Мы вѣримъ въ свободу истинную и полную, живую, а не формальную и договорную, свободу дѣтей въ семьѣ отца любящаго и любви дѣтей вѣрящаго, свободу, безъ которой истинно русскій человѣкъ не можетъ себя и вообразить.

«Вотъ, великій Монархъ, убѣжденія наши, коимъ мы служимъ, убѣжденія точныя и положительныя, и мы вѣримъ, что они уже проникаютъ въ интеллигентное общество наше, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, а затѣмъ ободряютъ, облегчаютъ и обновятъ его. Ибо устали уже сердца отъ лжи, недомолвокъ и отрицанія. Начинаетъ уже не вѣрить русское интеллигентное общество, что въ хуленіи, въ отрицаніи постоянномъ и въ жестокосердной насмѣшкѣ—весь исходъ всей тоски его. Оно жаждетъ нынѣ указаній точныхъ, цѣлей положительныхъ и правдивыхъ, а мы, Славянское благотворительное общество, въ свою правду вѣримъ. Кланяемся Вамъ, Великій Государь, во слѣдъ за всѣмъ великимъ народомъ нашимъ, чтобъ продлилось государственіе Ваше, еще на много и много лѣтъ. Да и слишкомъ нуженъ Царь-Освободитель землѣ своей, ибо *далеко еще не отъ всѣхъ золъ освобождена она*».

Какъ видите, даже тогда, почти сейчасъ послѣ

освобожденія крестьянъ, лучшими людьми, самыми блестящими представителями русской интеллигенціи, какъ Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, Федоромъ Достоевскимъ и другими членами Славянскаго благотворительнаго общества сознавалось, что «далеко еще не отъ всѣхъ золь освобождена земля Русская».

Петербургъ 8 августа 1905 г.

Цензура на войнѣ. *)

Я почти ежедневно получалъ въ Манчжуріи около десятка писемъ отъ совершенно незнакомыхъ мнѣ людей, иногда даже отъ цѣлой группы отдѣльных партій и корпорацій.

Въ большинствѣ случаевъ меня просили, умоляли сообщить всю правду, что происходитъ на Дальнемъ Востокѣ.

Повидимому, общество перестало удовлетворяться официальными телеграммами, инстинктивно чувствуя, что въ нихъ много недоговореннаго, недосказаннаго, потеряло довѣріе и къ корреспондентскимъ сообщеніямъ видя тамъ сплошь и рядомъ ничего неговорящія строки, плохо или хорошо оплачиваемыя той или другой редакціей.

Мнѣ писали «Заклинаемъ васъ именемъ Бога, вашей честью сообщите правду, что такое творится теперь на войнѣ почему мы отступаемъ, терпимъ рядъ непрерывныхъ неудачъ, есть ли хоть какаянибудь надежда на рѣшительный успѣхъ, что нужно

*) Статья посланная мною въ газету изъ Гунжулина, но благодаря цензурѣ не появившаяся тогда въ печати. *Асторъ.*

измѣнить для этого, дѣйствительно ли у васъ случилось то-то и то-то.... поймите и насъ, вѣдь мы истрадались, измучились, дожидаясь истиннаго подробнаго освѣщенія фактовъ для чего, конечно, мало однихъ сухихъ короткихъ официальныхъ телеграммъ. У насъ циркулируютъ такіе слухи, которымъ страшно повѣрить. Мы убѣждены, что всякая правда менѣе ужасна того, что у насъ говорятъ въ Россіи. Напишите намъ все, какъ оно есть, оцѣните то довѣріе, которое мы вамъ оказываемъ и оправдайте его».

Вотъ основная мысль почти во всѣхъ письмахъ, которыми меня засыпали, я отвѣчалъ по мѣрѣ силъ, отказываясь иногда отъ отдыха и сна возвратившись послѣ развѣдки или ночного дѣла, высказывалъ свой взглядъ на положеніе вещей, взглядъ быть можетъ неправильный, но за то всегда искренній, правдивый; на нѣкоторые вопросы откровенно сознавался, что не могу ничего сообщить, такъ какъ самъ не знаю правды, все рѣже и рѣже сталъ посылать письма въ газету и сдѣлался корреспондентомъ тѣхъ людей, которые обращались ко мнѣ съ наболѣвшими вопросами.

Въ то же время мы угощали общество, о томъ, что пять человѣкъ охотниковъ незамѣтно подкра-

лись къ японскому часовому и захватили его въ плѣнъ или еще что нибудь въ этомъ родѣ.

Создавалась слѣдующая странная картина: вы мучаетесь, беспокоитесь о дѣлахъ въ Маньчжуріи съ нетерпѣніемъ хватаетесь за каждую телеграмму корреспондентовъ и вмѣсто отвѣта на жгучій вопросъ находите какіе-то пустяки, которые почти ничего не говорятъ. Правда быть можетъ въ то время, когда корреспонденты сообщали объ этихъ пустякахъ газетамъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій было почти все спокойно, но вы то по прежнему оставались безъ отвѣта на ваши тяжелые, тревожные вопросы.

Естественно, что такимъ образомъ открывалось широкое поле для всевозможныхъ иногда невѣроятныхъ слуховъ, которые какъ комъ снѣга чѣмъ дальше распространялись, тѣмъ больше росли и росли. Одновременно съ этимъ у васъ шагъ за шагомъ колебалась надежда на ближайшій исходъ войны, являлась мысль о бесполезности ее продолжать, а отсюда зарождался невольный протестъ. Были конечно, и другія причины, почему часть общества стала отрицательно относиться къ продолженію военныхъ дѣйствій, но я пока позволю себѣ остановиться на первой.

Между тѣмъ количество писемъ все увеличива-

лось, начальникъ 23 почтовой конторы Козминскій отправлялъ ихъ ко мнѣ чуть ли ни тюками и я потерялъ всякую физическую возможность отвѣчать на нихъ.

Читая эти горячія посланія, въ которыхъ вы страстно продолжаете молить отъ меня правды и только одной правды, я прямо таки страдалъ при мысли о томъ, что они останутся безъ отвѣта. Вы спросите почему я не писалъ въ «Новое Время» по поводу этихъ вопросовъ? Этого, какъ разъ я и другіе корреспонденты сдѣлать не могли, благодаря цензурѣ. Правда, изрѣдка мнѣ удавалось добиться своего, но въ большинствѣ случаевъ всѣ мои попытки были тщетны.

«Сообщеніе слабыхъ сторонъ нашей арміи даетъ лишній козырь японцамъ». Вотъ аргументъ, который нельзя было поколебать. Но я не сдавался и возражалъ, что если на эти слабыя стороны никто не будетъ указывать, то они такъ и останутся не исправленными, а это несомнѣнно еще выгоднѣе противнику чѣмъ знаніе того, что мы во всякую минуту можемъ уничтожить если не сразу, то постепенно. Тогда мнѣ говорили, «Помилуйте, теперь и такъ почти во всѣхъ газетахъ идутъ нападки на нашу армію неужели вы хотите еще ихъ увеличить?» Нѣтъ, господа, не хочу; я самъ рядовой боецъ этой

арміи мнѣ дорога ея честь, которую не могутъ запятнать газетныя выходки, если они лишены основанія и справедливости но ее можетъ пошатнуть проигранная война. *)

Но люди оставались глухи и неумолимы къ моимъ просьбамъ и въ результатъ $\frac{1}{2}$ текста телеграммъ здѣсь и статей въ Петербургѣ были зачеркнуты энергичнымъ розмахомъ синяго карандаша. За то охотно пропускался какой угодно вздоръ, но съ оговоркой «по слухамъ», вродѣ того, что «по слухамъ Куроки умеръ отъ дизентеріи».

Борьба становилась не по силамъ, а тутъ еще каждый день все новыя и новыя письма, которыя служили для меня нѣмымъ укоромъ. Мнѣ было совѣстно, больно, что я не могъ оправдать того довѣрія, которое было высказано въ многочисленныхъ письмахъ, адресованныхъ мнѣ отъ незнакомыхъ людей. Хотѣлось громко крикнуть имъ, что ихъ письма мучаютъ, терзаютъ меня. Я рисовалъ картину въ своемъ воображеніи какъ эти же самые люди увидя мою фамилію подъ телеграммой поспѣшно станутъ ее читать, потомъ съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ посмотрятъ еще разъ подпись и быстро съ негодованіемъ отложатъ газету въ сторону. Не знаю что

*) Дальнѣйшія событія показали, что я былъ правъ.

испытывали другіе корреспонденты. Но мнѣ приходилось переживать минуты, когда я былъ бы радъ, если бы мнѣ запретили писать съ войны: всетаки оставалось бы утѣшеніе и сознаніе, что я не самъ малодушно бросаю перо, а меня заставили, заткнули ротъ.

Пусть строго, даже жестоко караютъ корреспондентовъ за малѣйшую ложь, искаженіе фактовъ, пусть введутъ какія угодно суровыя наказанія за неправильныя сообщенія, но только бы разрѣшили писать правду, *) которая ровно ничего не дастъ для противника. Вѣдь не стѣсняется же онъ на нашихъ глазахъ разстрѣливать шрапнельнымъ огнемъ своихъ бѣглецовъ.

Этотъ фактъ извѣстенъ всему міру, но однако едва ли кто нибудь скажетъ, что японская армія сражается недостаточно стойко и храбро.

*) Въ то время я еще не потерялъ наивной вѣры въ возможность писать "полную" правду.

Послѣ войны.

Часть II.

О массовой неудовлетворительности корпуса офицеровъ арміи.

Въ своей краткой замѣткѣ о броженіи среди корпуса офицеровъ арміи, я не собираюсь никого ни защищать, ни обвинять. Это не мое дѣло. Ни въ прокуроры, ни въ защитники я не гожусь и на это не претендую. Мнѣ просто хочется въ сжатыхъ выпуклыхъ чертахъ обрисовать это движеніе, разставить, такъ сказать, его историческія вѣхи на основаніи безчисленныхъ писемъ, полученныхъ мною изъ арміи.

Это волненіе возникло не на экономической почвѣ, какъ было у солдатъ, и не на политической...

Офицеры арміи съ болью въ сердцѣ видятъ расшатанность военнаго организма и, глубоко преданные своему Державному Вождю и Родинѣ, едва ли примирятся съ прежнимъ ненормальнымъ порядкомъ въ арміи, приведшимъ ее къ позору и безславію.

Они отлично понимаютъ, что теперь не время высказывать открыто, одновременно по всѣмъ полкамъ, свои нужды: это равносильно было бы протянуть руку анархіи, чего они вовсе не желаютъ.

Но «дѣтя не плачетъ—мать не разумѣетъ», а горечь, обида, досада въ сердцахъ людей все растетъ и растетъ... И нѣтъ выхода, нѣтъ законнаго пути, по которому можно было бы довести о причинахъ волненія армейскихъ офицеровъ до свѣдѣнія высшихъ лицъ.

Я понимаю, какъ рисковано, смѣло съ моей стороны открыто, правдиво указать истинныя причины этого броженія... Я беру всю отвѣтственность на себя, лишь бы поняли *правильно* это недовольство среди офицеровъ, не толкнули бы ихъ въ объятія революціонеровъ, успокоили бы армию, поднявъ ее на высоту прежней славы и величія.

Причины, вызвавшія это волненіе, я раздѣлю въ хронологическомъ порядкѣ на три періода: 1) передъ войной, 2) періодъ войны и 3) послѣ войны.

Періодъ до войны.

Начну издалека, съ того самаго момента, когда будущіе офицеры мальчиками, дѣтьми поступаютъ въ корпусъ. Не буду говорить о настоящемъ со-

стояніи этихъ военно-учебныхъ воспитательныхъ заведеній, но позволю себѣ остановиться на томъ положеніи, въ которомъ они находились 8—9 лѣтъ тому назадъ.

Одинъ изъ французскихъ философовъ-педагоговъ*) давно высказалъ правильный удивительно взглядъ, что «*Le peuple qui a les meilleurs écoles est le premier peuple, s'il n'est pas aujourd'hui—il le sera demain*». Этотъ великій принципъ можетъ быть приложимъ и къ нашимъ корпусамъ, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: вмѣсто «*meilleurs*» и «*premier*» поставить «*mauvais*», «*dernier*».

Когда обыкновенно нанимаютъ лакея въ какой нибудь домъ, то всегда спрашиваютъ, служилъ ли онъ въ этой должности, хорошо ли знакомъ со своимъ дѣломъ?

Между тѣмъ, отъ воспитателей нашихъ будущихъ офицеровъ, отъ людей, которымъ поручено такое важное, отвѣтственное дѣло, почти ровно ничего не требовалось. Можно было не прочесть ни одной книжки по педагогике, даже быть самому невоспитаннымъ и попасть въ корпусъ воспитателемъ. Легко вообразить, что выходило изъ дѣтей въ рукахъ такихъ своеобразныхъ педагоговъ.

*) Жюль Симонъ.

Главнымъ образомъ, заботились сдѣлать насъ трафаретными, о развитіи воли никто почти и не думалъ, наоборотъ—ее старались подавить.

О настоящемъ воспитаніи мы получали понятія «способомъ отъ противнаго», т. е. по окончаніи корпуса почти каждый изъ насъ зналъ, какъ *не должно* воспитывать дѣтей?

Въ военныхъ училищахъ, особенности въ артиллерійскихъ (съ которыми я ближе знакомъ), гдѣ широкая постановка образованія, общаго, высшаго математическаго и военнаго отнимала массу времени, курсовые офицеры, конечно, слишкомъ мало обращали вниманія на волевое воспитаніе юнкеровъ.

При огромномъ запасѣ знаній по всевозможнымъ спеціальнымъ теоретическимъ вопросамъ, мы почти ничего не знали о средѣ корпуса офицеровъ и, съ первыхъ же шаговъ послѣ производства большинство дѣлало много промаховъ, безтактностей, которыхъ легко можно было бы избѣжать, если бы насъ въ училищахъ, хоть немного, знакомили съ нѣкоторыми нравами и обычаями полковой или бригадной семьи.

Почти каждый выпущенный офицеръ представлялъ изъ себя хотя и безвольный, но прекрасный, благо-

дарный матеріаль, изъ котораго полкавая среда и командиръ могутъ вылѣпить, что угодно

И получалось довольно оригинальное явленіе: плохой юнкеръ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ производства дѣлался великолѣпнымъ добросовѣстнымъ офицеромъ и наоборотъ—хорошій воспитанникъ, краса училища—никуда не годнымъ.

Отсюда ясно, какое громадное воспитательное значеніе имѣетъ среда общества офицеровъ, какъ сильно должны были работать въ ней «этическіе мотивы», о которыхъ такъ талантливо говорить извѣстный германскій военный писатель, генералъ Лихтенштернъ въ своемъ докладѣ, напечатанномъ въ мартовской книжкѣ «Jahrbücher für deutsche Armee und Marine».

Что же дѣлалось для развитія этихъ «этическихъ мотивовъ», для поднятія среды офицеровъ? Почти ровно ничего. Улучшали въ теченіи многихъ лѣтъ, вслѣдствіе требованія нашего времени, матеріальную и техническую часть орудій и не думали о томъ, что какъ бы ни были хороши пушки, но сами онѣ не могутъ стрѣлять, и чѣмъ совершеннѣе оружіе, тѣмъ болѣе совершеннаго чловѣка оно требуетъ. Эта такъ же вѣрно, какъ и то, что для разсыпного строя необходимъ солдатъ болѣе развитой и мужественный, чѣмъ для сомкнутаго. — Повидимому, упустили изъ виду, что если не будутъ развивать и нравственно

подымать среду общества офицеровъ до полного признанія своего долга, безкорыстнаго, самопожертвованнаго служенія родинѣ, то эти прекрасныя пушки... могутъ оказаться вдругъ въ рукахъ противника. А между тѣмъ, еще задолго до войны стали проявляться зловѣщіе признаки, что среди офицеровъ арміи не «все благополучно».

Замѣчалось большое стремленіе въ академіи, но съ тѣмъ, чтобы не вернуться въ строй, поступали въ акцизъ, въ земскіе начальники и т. д. Число самоубійствъ среди военной молодежи съ каждымъ годомъ все увеличивалось и увеличивалось, корпуса сократили программу по математикѣ, чтобы уничтожить повальное бѣгство лучшихъ выпускныхъ воспитанниковъ въ высшія гражданскія учебныя заведенія...

Оставались въ арміи или люди безвольные, неспособные, которымъ не было никакого другого выхода; они безропотно, равнодушно относясь къ своимъ серьезнымъ обязанностямъ, тянули свою безпросвѣтную службу,—или наоборотъ, люди съ желѣзнымъ характеромъ, горячо любящіе военное дѣло, отлично понимавшіе всю аномальность, всю невозможность офицерскаго быта... И если первые опускались все ниже и ниже, спивались, присваивали казенные деньги, а затѣмъ пускали себѣ пулю въ лобъ, зато вторые, конечно страдая душой, глухо ронтали и мысленно

посылали проклятія кверху, закаляясь все болѣе и болѣе въ надеждѣ добиться свѣтлаго будущаго.

При такихъ условіяхъ достаточно было появленія Г. Гиршуни—и гордость Константиновскаго артиллерійскаго училища, окончившій его первымъ, съ лучшими аттестатіями своего начальства, поручикъ 33-й бригады Григорьевъ дѣлается политическимъ преступникомъ.

Таковы были внѣшніе; только слѣднымъ невидимымъ признакамъ неблагополучія военной среды.

Но были и другіе.

Картежная игра и ухаживаніе за женами своихъ товарищей.

Для меня и тогда казалось, что офицеръ, спокойно обыгрывающій въ макао въ собраніи 20-го числа, своего товарища на двухмѣсячное содержаніе, зная, что тотъ живетъ только на жалованіе—этотъ офицеръ не пожертвуетъ собою въ бою для выручки своего сосѣда.

Трудно было бы ожидать отъ человѣка, ради прихоти, каприза отнимающаго отъ своего товарища самое дорогое, близкое существо—жену, что онъ ради другого пойдетъ на вѣрную смерть.

Въ Ляоянѣ, въ Георгіевскомъ госпиталѣ, среди стонувъ и хрипѣнія раненыхъ и умирающихъ, среди исковерканныхъ, обезображенныхъ людей съ зіяющими страшными ранами отъ орудійныхъ снарядовъ, однимъ

словомъ—среди безконечно ужасной изнанки войны я познакомился, совершенно случайно, отъ моего сосѣда, такъ же какъ и я, раненаго въ животъ, съ изнанкой жизни офицеровъ въ глуши Дальняго Востока.

Слушая этотъ разсказъ, у меня сердце точно сразу оборвалось; его вдругъ, внезапно, охватила горькая, безысходная тоска, всѣ муки, страданія мои и окружающихъ, даже весь ужасъ близкой смерти поблѣднѣлъ передъ ужасомъ этого разсказа.

Передаю его суть кратко, безъ всякой художественной формы, чтобы не увеличивать размѣры моей записки,

Вновь выпущенный изъ военного училища офицеръ Г., не имѣя никакихъ средствъ, желаетъ жениться безъ реверса на только что окончившей институткѣ Х, для чего беретъ вакансію въ N Восточно-стрѣлковый баталіонъ, стоявшій въ мѣстечкѣ Адеми. Если не ошибаюсь, это мѣстечко на нѣкоторыхъ картахъ совсѣмъ отсутствуетъ.—Чтобы имѣть понятіе объ этой глуши, достаточно замѣтить, что появленіе почты и газетъ встрѣчается здѣсь какъ необычайное явленіе.

Само собой разумѣется, что офицеры со слабой волей (а такихъ, благодаря воспитанію въ корпусѣ, большинство) и безъ всякой надежды выбраться изъ

этой могилы, спились до того, что даже стали играть въ «звѣздочку» и «кукушку».

Приѣхавшій молодой офицеръ съ почти дѣвочкой женой постарались обставить чисто и уютно свою маленькую квартиру, навезли книгъ, граммофонъ, и т. д.

«Чемъ-то свѣтлымъ, давно забытымъ, хорошимъ повѣяло на насъ отъ этихъ славныхъ людей», — говорилъ мой собесѣдникъ.

У нихъ стали бывать старшіе офицеры; въ свою очередь и Г. отвѣчалъ визитами своимъ товарищамъ, которые изъ благодарности усердно угощали его виномъ.

Непьющій юноша, считая неловкимъ отказаться выпить со старшимъ на «ты», а главное желая показать, что онъ уже взрослый, хотя и съ отвращеніемъ, но мужественно вливалъ въ себя водку.

Упражненія подобнаго рода учащались и скоро Г. уже не «отставалъ» отъ товарищей.

Затѣмъ, сталъ поигрывать въ макао и въ одинъ несчастный день проигралъ всю свою обстановку, включительно до постели.

Терзаемый угрызаніемъ совѣсти и стыда передъ женой, онъ дома, въ пустой квартирѣ, выпилъ еще и, видя слезы своей Мери, предложилъ и ей, чтобы... забыться. Последняя не выдержала, хлебнула, и...

острая боль отчаянія, какъ быто бы и отошла. Г. вель игру съ перемѣннымъ счастьемъ: мебель то появлялась, то исчезала, и его жена быстро освѣдѣлась со спасительнымъ приѣмомъ забвенія.

Случилось разъ, что Г. проигралъ казенныя деньги; пуля въ лобъ избавила его отъ суда и на берегу Уссурийскаго залива, среди многочисленныхъ могилъ самоубійцъ, виднѣлась свѣжая могила.

Черезъ мѣсяцъ въ Адеми появилось новая проститутка, страшно буйная въ хмѣлю, которая такъ мало имѣла общаго съ чистой, наивной институткой Мери.

Меня могутъ спросить: гдѣ же, въ моемъ разсказѣ, тотъ ужасъ, предъ которымъ блѣднѣетъ смерть? Тутъ равно ничего нѣтъ особеннаго, наоборотъ, самая обыкновенная, заурядная исторія.

Но въ заурядности этого печальнаго, грустнаго явленія и заключается весь ужасъ.

Въ Константиновскомъ артил. училищѣ, въ церкви, висятъ черныя доски съ фамиліями бывшихъ питомцевъ, погибшихъ на войнѣ. Въ годовщину праздника поется юнкерами традиціонная пѣснь, въ которой говорится про этихъ славныхъ бойцовъ: «на священные скрижали имена ихъ начертимъ». Эти черныя доски—гордость, если хотите даже святыня училища.

Вернувшись съ войны, я читалъ лекцію для

офицеровъ этого училища и предложилъ имъ завести отдѣльныя тоже черныя, траурныя доски съ фамиліями погибшихъ бывшихъ воспитанниковъ не только на «полѣ брани боевомъ», но павшихъ на полѣ жизни, благодаря неправильному воспитанію и отсутствію воли.

И чѣмъ меньше будетъ фамилій на этихъ скорбныхъ доскахъ, тѣмъ больше училище въ правѣ гордиться.

Все лучшіе элементы арміи съ болью въ сердцѣ сознавали, что корпусъ офицеровъ заживо разлагается, до нихъ доносились страшные, надрывающіе душу крики гибнущихъ товарищей: «Спасите. Помогите.» Но помощь могла быть только сверху, а тамъ... преступно молчали. Сознавалась тяжелая, душная атмосфера, чувствовалась въ воздухѣ надвигающаяся гроза...

Не знаю, чѣмъ бы все это могло кончиться, но позволяю себѣ смѣло утверждать, что война явилась спасительнымъ выходомъ для многихъ офицеровъ арміи; все лучшее, смѣлое, энергичное хлынуло на войну.

Періодъ войны.

Не хватало вакансій, брали отпуска по болѣзни и уѣзжали въ передовые отряды Ренненкампа и Мищенко, гдѣ ихъ принимали съ распростертыми объ-

ятіями. Они охотно отправлялись переодѣтыми въ китайское платье на развѣдку въ тылъ японской арміи и, не зная китайскаго языка, мѣстности, гибли одинъ за другимъ. Но это не остановило слѣдующихъ, которые чуть ли не съ фанатизмомъ шли на вѣрную смерть; у этихъ людей была горячая, страстная жажда подвига, желанія рисковать собою. Всѣ вопросы, сомнѣнія, недовольство условіями невозможной мирной офицерской жизни отошли на второй планъ, предъ глазами стояла яркая, свѣтлая цѣль—защитить родину, пожертвовать собою ради нея.

И то не фразы: спросите генераловъ Ренненкампа, Миценку, какъ безъ жалобъ, упрековъ гибли эта молодежь, наконецъ, посмотрите списки раненыхъ и павшихъ офицеровъ на войнѣ; противъ этого неоспоримаго документа едва ли можно возражать. Далѣе, почти у всѣхъ была глубокая, слѣпая вѣра въ генерала Куропаткина,—ни Тюренченъ, ни Вафангоу еще не поколебали этой вѣры. Но она уже исчезла въ Россіи.

Тамъ царили уныніе, равнодушіе, разочарованія, сомнѣнія. Все громче и громче раздавались голоса, требующіе мира, хотя бы позорнаго..., появилось даже злорадство, желаніе собственнаго погрома. Все это ошеломило, огорчило десятки тысячъ раненыхъ, возвратившихся изъ Манжуріи и съ моей стороны вы-

звало горькій упрекъ обществу въ статьѣ «Тяжело раненъ на родинѣ», напечатанной въ «Новомъ Времени».

Притокъ добровольцевъ на войну прекратился, офицеры отправлялись по жребію изъ разныхъ полковъ, попадали въ незнакомыя части. Зараженные духомъ сомнѣнія и унынія прибывали они на позиціи, сталкивались съ бодрыми, закаленными въ бою элементами и нѣкоторые, въ комъ меньше всего виѣдрились недостатки военной среды, поддавались общему приподнятому настроенію.

Но на ряду съ ними въ Манжуріи появились тѣ офицеры, которыхъ *въ мирное время*, когда все спокойно, увольняли въ запасъ, признавая негодными для службы, и по какой-то непонятной причинѣ призывали въ ряды дѣйствующей арміи *въ военное время*, когда требуется наибольшее напряженіе всѣхъ силъ и самыхъ благородныхъ побужденій.

Подобные господа были всегда позади своихъ солдатъ и не задумывались даже заражаться нарочно венерическими болѣзнями, отлично зная, что за это высылаютъ изъ дѣйствующей арміи.

Въ то же время изъ Россіи прибывали все новые и новые честолюбивые гастролеры съ большими связями и получали отдѣльные части. Иногда для нихъ даже составлялись импровизированные отряды. Но ихъ не

знали солдаты, имъ не довѣряли офицеры на основаніи горькаго опыта и въ первыхъ же дѣлахъ происходила путаница, люди гибли бесполезно, благодаря непривычкѣ г. гастролеровъ спокойно разсуждать подъ выстрѣлами, непониманію мѣстныхъ, своеобразныхъ условій этой войны, а иногда даже незнанію самыхъ простыхъ, элементарныхъ вещей въ родѣ того, что наша скорострѣльная артиллерія поражаетъ на разстояніи 5 верстъ, а японская горная—только на 3 и, поэтому заставить стрѣлать нашу батарею (какъ напримѣръ, 9-го іюня забайк. каз. батарея) по непріятельской—съ дистанціи 2-хъ верстъ безъ крайней необходимости, по меньшей мѣрѣ, не умно.

Эти люди стремились служить на глазахъ, составляли преувеличенныя, ложныя донесенія. Маленькая демонстрація японцевъ превращалась всегда въ рядъ непрерывныхъ атакъ, что, несомнѣнно, страшно путало, сбивало главнокомандующаго.

Все это порождало недовольство въ арміи, въ которой за годъ войны выдѣлилось много талантливыхъ, храбрыхъ офицеровъ, пользующихся довѣріемъ и любовью солдатъ.

Съ такими офицерами впереди для солдатъ не было преградъ; сила нравственнаго вліянія переживала даже того, въ комъ она была, и подъ ея вліяніемъ

нижніе чины довершали назначеніе, указанное командиромъ, славно павшимъ въ началѣ дѣла.

Всѣмъ было извѣстно, что при встрѣчѣ русской роты съ японской — бѣгутъ японцы. При встрѣчѣ русскаго баталіона съ японскимъ — бѣгутъ японцы. При столкновеніи русскаго полка съ японскимъ — счастье уже колеблется и т. д., однимъ словомъ, недостатки высшихъ руководителей, за небольшимъ исключеніемъ, были на лицо. Всѣ слабыя стороны нашей организаціи, почти незамѣтныя въ мирное время, рѣзко обнаружались на войнѣ и раскрыли глаза армейскимъ офицерамъ, какъ очевидцамъ, на многія прорѣхи.

Такъ, напримѣръ: не хватало даже плохихъ картъ для кавалерійскихъ разъѣздовъ, въ началѣ войны не было горныхъ орудій, патроны Луганскаго завода не держались въ обоймахъ, пулеметы заводились нѣкоторыми полками (2 й Дагестантскій кав. полкъ) на средства офицеровъ, шанцевые инструменты, по отзывамъ генерала Ренненкампа, ломались о промерзлую землю и, чтобы рыть окопы, приходилось довольствоваться отобранными отъ плѣнныхъ и убитыхъ японцевъ лопатами, вьючные воздухонплавательные парки, столь необходимые въ горахъ, пришли къ концу перваго года войны, ручные гранаты мы заимствовали отъ японцевъ и стали го-

товить и употреблять ихъ по частному почину мелкихъ начальниковъ. А высшіе начальники въ это время ссорились между собою, сводили личные счета, результатомъ которыхъ явилась бесполезная гибель 10-ти тысячъ человѣкъ подъ Сандепу 12-го января. Штабы соотвѣтствующихъ генераловъ приняли дѣятельное участіе въ распрѣ патроновъ и опоздали послать диспозицію боя на 12-е января генералу Мищенко, гдѣ она была получена на цѣлыя сутки позже.

Далѣе, 12-го января наши войска атаковали Сандепу и неожиданно наткнулись на сильный редюитъ, который взять безъ подготовки артиллерійскимъ огнемъ осадныхъ орудій не представлялось никакой возможности, между тѣмъ существовала литографированная съемка полковника Кованько съ воздушнаго шара, съ нанесеннымъ подробнымъ планомъ деревни Сандепу и редюита. Съемка помѣчена 7-го января, а войска получили ее 13-го, когда уже было поздно. Штабъ, повидимому, не интересовался *подобными* пустяками.

Офицеры крупныхъ штабовъ, за рѣдкими исключеніями, интриговали, сплетничали, жили съ большимъ комфортомъ и чуть ли не холодными брезгливыми взглядами встрѣчали грязныхъ, запыленныхъ,

ободранныхъ строевыхъ,—пріѣзжавшихъ за приказаніями съ передовыхъ позицій.

«Если обстоятельства позволяютъ жить чище и лучше, почему же и не жить, но неужили они не понимаютъ, что нѣсколько недѣль въ пороховомъ дыму, во время боя, могутъ превратить каждаго изъ нихъ въ такихъ же грязныхъ, какъ и мы», — раздавались раздраженные голоса въ передовыхъ отрядахъ.

Я не буду говорить о правильности раздачи орденовъ съ мечами, но могу указать на два факта, которые такъ или иначе въ этомъ служатъ прекрасной иллюстраціей:—все время находившійся въ Иркутскѣ завѣдывающій мѣстнымъ передвиженіемъ войскъ полковникъ Д. и офицеръ экономическаго общества, привезшій главнокомандующему генералъ-адъютантскіе погоны, награждаются оба Владиміромъ 4-й степени съ мечами.

Все это, конечно, мелочи, но онѣ оставляли извѣстные слѣды на корпусѣ офицеровъ арміи.

Паденіе Поръ-Артура произвело тяжелое впечатлѣніе. Я не въ силахъ передать словами то щемящее чувство боли, ту безграничную тоску, которую испытывалъ почти каждый изъ насъ на позиціяхъ. Мы понимали отлично, что Артуръ долго не продержится, что тамъ, быть можетъ, не доста-

нетъ снарядовъ, патроновъ, людей, но все еще надѣялись, вѣрили въ благополучный исходъ.

Быть можетъ это и нелогично, но если безконечно близкій, родной вамъ человѣкъ при смерти, развѣ не будетъ закрадываться въ вашу измученную душу надежда, хотя бы робкая, смутная?.. вы схватитесь за нее и вамъ до безумія захочется вѣрить въ чудо, вѣрить... что васъ минуетъ эта тяжелая утрата.

Вслѣдъ затѣмъ до арміи стали доходить слухи изъ штаба о роковыхъ, позорныхъ обстоятельствахъ паденія крѣпости, по единоличной волѣ генерала Стесселя.

На передовыхъ позиціяхъ уже знали изъ газеты «Разсвѣтъ» (ст. Михайлова), что «при сдачѣ Артура оказалось 60.000 п. солонины, 370.000 п. зерна и муки, 15.000 п. масла, 200 миліоновъ патроновъ, 77.000 паръ сапогъ, бѣлья на 100.000 человѣкъ, но все это уже выведено было въ расходъ, а потому по журналамъ не числилось, и выдать эти запасы голоднымъ солдатамъ—значить рисковать угнать подъ судъ».

Искреннее горячее негодованіе охватило почти всѣхъ.

Между тѣмъ, событія войны шли своимъ прежнимъ, роковымъ ходомъ. Настала ужасная кровавая

эпопея Мукдена, послѣ котораго послѣдніе остатки вѣры въ генерала Куропаткина исчезли. А какъ раньше вѣрили въ него. Вѣрили потому только, что онъ русскій, съ руской душой, вѣрили въ ореолъ Скобелевской славы, который окружалъ его имя.

Первый ученикъ академіи Генеральнаго Штаба, бывшій Военный Министръ, человѣкъ съ большимъ умомъ, громаднымъ запасомъ знанія военного дѣла проигрывалъ всю компанію.

Всѣ его знанія, выдающійся умъ, все было сведено на нѣтъ, благодаря отсутствію рѣшимости, воли, т. е. тѣхъ качествъ, которыхъ не даетъ и академія.

Отданныя приказанія сейчасъ же отмѣнялись, вопреки извѣстному принципу Наполеона: «ordre contre ordre — désordre» который, конечно, онъ не могъ не знать.

Когда прошли первыя ошеломляющія минуты послѣ Мукденскаго пораженія, все слабое, безвольное въ арміи пало духомъ и наоборотъ, все лучшее, энергичное, сильное (главнымъ образомъ вся молодежь) почувствовало глубокую боль, стыдъ за армію, явилось жгучее желаніе идти впередъ, сломить торжествующаго противника, и побѣдить или умереть.

Блѣдные, грязные, съ воспаленными отъ вѣтра и безсонницы глазами, эти люди заражали своимъ фанатизмомъ солдатъ, кричали, что они не хотятъ

вернуться домой разбитыми, оплеванными за чужія вины, предполагали засыпать всѣ японскіе рвы и траншеи своими тѣлами, съ тѣмъ, чтобы по этому живому мосту наша армія атаковала врага и вернула бы прежнюю славу.

Эта голодная, оборванная, измучившаяся за годъ войны армейская молодежь дѣйствующей арміи поручила (одному раненому офицеру) передать Государю, что онъ готова отказаться отъ половины жалованья, если не хватаетъ средствъ для продолженія войны.

Всѣ несправедливости, всѣ огорченія, невзгоды были забыты, большинство охватило желаніе побѣды съ той страстью, въ которой весь секретъ успѣха. И явился въ эту минуту настоящій человѣкъ, «the right man on the right place», какъ говорятъ англичане, онъ несомнѣнно воспользовался бы такимъ настроеніемъ и бросилъ бы всю массу снова впередь, она увлекла бы, какъ неудержимый потокъ, все безвольное, слабое, если бы не хватило патроновъ, она душила бы врага за горло голыми руками и шла въ объятія смерти въ экстазѣ, благословляя свою судьбу.

Я знаю эти моменты, я переживалъ ихъ самъ, но увы, «настоящаго» человѣка не оказалось наверху среди генераловъ, такъ называемаго «нашего общества».

И было больно, досадно до слезь...

Изъ Россіи все настойчивѣе и настойчивѣе раздавались голоса о мирѣ во что бы то ни стало. Устраивались во имя гуманности, толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ, демонстраціи противъ войны.

И если могли бы встать десятки тысячъ дорогихъ для насъ мертвецовъ изъ далекихъ могилъ, если бы въ силахъ были подняться съ своихъ коекъ сотни тысячъ окровавленныхъ, исковерканныхъ раненыхъ, — они-потребовали бы отчета—за что они погибли или сдѣлались калѣками? Неужели ради позорнаго мира?

Ихъ забыли...

И миръ былъ заключенъ — «дипломатическая побѣда» въ Портсмутѣ.

Ей не обрадовалась армія.

Періодъ послѣ войны.

16 мѣсяцевъ тревогъ; волненій бессонныхъ ночей, страшныхъ лишеній, безконечно-ужасныхъ потрясающихъ картинъ войны, способныхъ свести человѣка съ ума, муки нравственныя и физическія, раны—все сведено на нѣтъ.

Россія, ради которой мы все перенесли, принуждена заключить почти позорный миръ; честь арміи, безко-

нечно дорогая каждому изъ насъ, ношатнулась...

Но кто виновать?

Это роковой вопросъ для офицеровъ арміи, съ этого момента ихъ глухое броженіе принимаетъ идейный характеръ: можно простить свои обиды, несправедливости, можно примириться даже съ личными оскорбленіями, невзгодами, безпросвѣтнымъ будущимъ, все забыть, но не позоръ родины.

Кто горячо любитъ своего Державнаго Вождя, Россію, — тотъ никогда не согласится, чтобы въ арміи остался прежній порядокъ, при которомъ все талантливое, энергичное, честное осуждено топтаться бессмысленно на одномъ мѣстѣ, благодаря отсутствію связей и протекціи.

Кто поручится, что тотъ же режимъ въ арміи не приведетъ въ будущемъ къ новымъ Мукденамъ?

Этотъ вопросъ я оставляю открытымъ и перехожу къ слѣдующему историческому этапу движенія среди корпуса офицеровъ арміи.

Манифестомъ 17-го октября Государемъ Императоромъ были дарованы извѣстныя свободы и положено начало народнаго представительства въ Россіи.

Армія не была готова къ этому Манифесту: ни офицерамъ, ни солдатамъ не разъясняли сверху,

какое имѣть отношеніе къ арміи эта царская милость и какъ нужно ее понимать.

Поэтому каждый высшій начальникъ молчалъ, дожидаясь соотвѣтственной инструкціи, что носило характеръ какъ бы умышленнаго скрыванія дарованныхъ свободъ, а этой ошибкой, конечно, не замедлили воспользоваться агитаторы; или же каждый объяснялъ Манифестъ по своему.

Такъ напримѣръ, во Владивостокѣ генераль Л., въ приказѣ, коротко и энергично (позволю себѣ сказать, «не особенно дальновидно») заявилъ, что эта милость Царя арміи *не касается*. Въ Арзамасѣ мѣстный воинскій начальникъ г. Б. 19-го октября, повидимому, затрудняясь объяснить, что такое «свобода союзовъ», солдатамъ сказалъ слѣдующее: «если, напримѣръ, у мужиковъ уродится очень много капусты, то для удобной и успѣшной продажи ея они могутъ сообщать, «союзами», отправлять ее въ городъ по желѣзной дорогѣ»...

Такого рода разъясненія Высочайшаго Манифеста отъ 17-го октября явились козырьми въ рукахъ революціонеровъ и наряду съ аграрными рабочими возстаніями появились солдатскіе бунты. Что-то дикое, безумное, какъ бредъ сумашедшаго было въ этихъ кровавыхъ бунтахъ *).

*) Пишетъ о нихъ г-жа Смирнова.

матросы и солдаты умирали въ Артурѣ за честь Андреевскаго флага и знамени.

На погибшемъ «Рюрикѣ», уже погружавшемся кормой въ воду, они стрѣляли изъ двухъ послѣднихъ пушекъ. Среди труповъ, отрѣзанныхъ рукъ и ногъ они лежали, умирающіе, на палубѣ, когда священникъ дѣлалъ имъ общую исповѣдь. Они доживали съ Артуромъ его послѣдніе дни, дрались на батареяхъ, отбивали четырехдневные штурмы и устилали его форты своими трупами. Они въ Цусимѣ пошли ко дну съ бронесцами и кричали ура, погружаясь въ воду, ура за свою далекую родину, которой имъ никогда ужъ больше не видать.

И вотъ этотъ славный матросъ и солдатъ бунтуетъ во Владивостокѣ и Севастополѣ. Что-то всколыхнулось въ его душѣ, какая-то горькая обида ранила его больнѣе, чѣмъ японская шимоза. Эту рану нанесла Россіи несчастная война. Она распатала все, и нѣтъ уже чувства долга, а есть только сознаніе, что кто-то оплевалъ и опозорилъ насъ.

Но это чувство долга у большинства офицеровъ, не смотря на же ту страшную обиду, не пропало...

«Но позвольте, вѣдь они должны же были тогда оказать все свое вліяніе и успокоить солдатъ?» — скажутъ мнѣ нѣкоторые.

Да, конечно, *должны* были это сдѣлать, они виноваты, но прежде, чѣмъ ихъ судить *audiatur et altera pars*.

Они обязаны были оказать нравственное вліяніе на солдатъ и предстали предъ ними... облитые потокомъ грязи и помоевъ, которыми такъ усердно окачивали корпусъ офицеровъ почти всѣ газеты. Право, не такъ-то легко въ такомъ видѣ нравственно вліять на людей. Ихъ священный долгъ—было правильно освѣтить нижн. чинамъ съ дѣйствительной точки зрѣнія всѣ сложныя, запутанныя, послѣднія событія. Они, какъ могли, такъ и разобрались въ этомъ хаосѣ и понесли свѣтильники къ темной массѣ солдатъ, но въ непогоду, во время бури, когда вѣтеръ тушилъ пламя. Кругомъ раздавались все громче и громче крики въ печати противъ нихъ, не было той гадости, которой не бросали имъ въ лицо. Воздухъ дрожалъ отъ этихъ дикихъ криковъ и колебалъ и гасилъ ихъ свѣтильники.

Другіе, въ силу главнаго военнаго требованія, «не разсуждать», преступно бездѣйствовали, и, наконецъ, третьи безвольные, трусливые, которыхъ удаляли за явную неспособность, но, благодаря протекціи, *удаляли повышая*, запирались въ крѣпостяхъ и домахъ и не показывали носа на улицу, забывая, что отъ подчиненныхъ можно требовать, чтобы тѣ

рисковали жизнью только при условіяхъ не слишкомъ беречь свою голову, или же стояли въ Москвѣ предъ бунтующей толпой безъ шапокъ и разрѣшили повѣсить красный флагъ на балконъ собственнаго генералъ-губернаторскаго дома.

Но было еще хуже: они изъ края, охваченнаго пламенемъ мятежа, благополучно отбывали... передѣтыми въ штатскомъ платьѣ въ столицу.

Послѣднія три категоріи заслуживаютъ строгаго наказанія, хотя несомнѣнно, они не принимаютъ никакого участія въ движеніи корпуса офицеровъ арміи, въ чемъ виновна первая группа — виновна только потому, что не въ силахъ въ будущемъ примириться съ существованіемъ въ своей средѣ подобныхъ офицеровъ, не въ состояніи вновь пережить этого позора и страшнаго стыда.

Разбирая послѣднія письма съ Дальняго Востока, въ которыхъ описывается очевидцемъ безобразія западныхъ солдатъ на Сибирской жел. дорогѣ, передо мной встаетъ тяжелый вопросъ: какъ могъ солдатъ бросить камни въ окна офицерскихъ вагоновъ, оскорблять своихъ ближайшихъ начальниковъ, для спасенія которыхъ онъ спокойно во время сраженія шелъ на вѣрную смерть, съ радостью представлялъ японскимъ докторамъ вырѣзывать пласты кожи съ мясомъ, дабы предотвратить ампутированіе

ноги своего офицера, — что за роковыя причины пересоздали этого солдата.

Вспомните, что этихъ запасныхъ отправляли тысячами въ Россію безъ офицеровъ, отдавая ихъ тѣмъ самымъ въ руки революціонеровъ въ теченіе всего длиннаго, томительнато пути и — для каждаго много станеть яснымъ.

Что принесутъ эти запасные въ свои деревни?

Зараженные революціонерами, они, несомнѣнно, привьютъ ту же болѣзнь и будущимъ новобранцамъ, и армія постепенно станеть разлагаться.

А между тѣмъ, стоило съ ними побольше поговорить, разъяснить имъ, какъ слѣдуетъ, значеніе Манифеста, раздать его заготовленное объясненіе въ тысячахъ печатныхъ экземпляровъ, по всѣмъ полкамъ, повліять на солдатъ, чтобы они въ своихъ письмахъ домой коснулись бы этого вопроса, тогда никакая революціонная пропаганда не выдержитъ борьбы противъ милліона солдатскихъ писемъ къ роднымъ, писемъ, которымъ такъ вѣрятъ въ деревняхъ.

Повторяю, я *никого* не хочу обвинять, личности тутъ не при чемъ, потому что при раціональной, справедливой постановкѣ военной организаціи гг. X, Y, Z, опозорившіе армію, не могли бы и часу оставаться въ ея рядахъ.

Что нужно офицерамъ арміи.

Многимъ, конечно, покажется страннымъ, что я такъ смѣло и рѣшительно берусь судить о необходимости измѣнить ненормальныя условія офицерскаго быта, этого столь важнаго, имѣющаго громадное значеніе вопроса.

Моя рѣшительность, съ которой я приступилъ къ этому вопросу, происходитъ вовсе не отъ того, чтобы я считалъ свои сужденія непогрешимыми, а совершенно отъ иной причины: я глубоко *убѣжденъ* въ вѣрности своихъ взглядовъ, а потому къ чему колебаніе и нерѣшительность? Сомнѣваться въ своемъ убѣжденіи—это значить не имѣть его.

Я могу ошибаться, какъ и всякій смертный, и пусть всѣ мои мысли будутъ не чѣмъ инымъ, какъ только длиннымъ рядомъ заблужденій, — за то я имѣю право сказать, что они искренни...

Мнѣ, кажется, что удачнымъ подборомъ подготовленныхъ, опытныхъ военныхъ педагоговъ въ Корпусахъ, поставившихъ главной цѣлью развить волю и любовь къ военному дѣлу въ воспитанникахъ, можно заложить въ нихъ хорошій крѣпкій фундаментъ будущаго образцоваго офицера военного *по призванію*, а не потому что человѣку просто не куда дѣваться.

Военное училище должно воздвигать дальнѣйшую постройку на этомъ фундаментѣ въ томъ же духѣ, введя въ свой курсъ «воспитаніе солдата», безъ котораго большинство молодыхъ офицеровъ на первыхъ порахъ не знаютъ даже какъ говорить съ нижнимъ чиномъ, чтобы послѣдній понялъ и не дрожалъ передъ своимъ юнымъ начальникомъ.

Передъ выпускными юнкерами послѣдняго курса нечего скрывать всѣ недостатки военной среды, наоборотъ указать какъ съ ними бороться, не оскорбляя и не вызывая недоброжелательства отъ своихъ будущихъ однополканъ. Необходимо не сокращать курсы корпусовъ и училищъ, дабы воспитанники не имѣли возможности бѣжать съ военной службы, а видоизмѣнить такъ условія ея прохожденія, чтобы каждый изъ оканчивающихъ способныхъ талантливыхъ юнкеровъ былъ увѣренъ, что для успѣха въ

арміи нужны только добросовѣстность и дарованіе, а не протекція, связи или богатство.

Создавая сносное будущее для офицеровъ, можно безъ всякаго риска предъявлять къ нимъ большія требованія и такимъ образомъ добиться, чтобы въ армію шли не худшіе а лучшіе.

При оцѣнкѣ качествъ офицера, въ выдачѣ аттестатовъ нужно привлечь не только командира полка, который можетъ преслѣдовать дѣльнаго офицера за нежеланіе отдать ему свою жену въ любовницы (увы бывали и подобные случаи), но прочихъ и высшихъ начальниковъ, инспектирующихъ полкъ и имѣющихъ возможность на смотрахъ провѣрить работу ротныхъ, эскадроновъ и т. п. командировъ.

На ряду съ этимъ установить суровые карательные законы за неправильное аттестованія офицера, указавъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, что ихъ дальнѣйшее движеніе по службѣ почти всецѣло зависить отъ дѣйствительнаго знанія своихъ подчиненныхъ, какъ свои пять пальцевъ.

Такимъ путемъ легко избѣжать протекціи и несправедливости при выдачѣ аттестатовъ и *сплавления* негоднаго офицера изъ одного полка въ другой.

Послѣдній способъ особенно имѣлъ большое примѣненіе передъ войной, когда всѣмъ пьяницамъ и картежникамъ европейскіе полки предлагали пере-

водится на Дальній Востокъ т. е. ставили буквально, нравственно пошатнувшаго человѣка въ такую обстановку, въ которой даже сильному трудно остаться на высотѣ.

Вообще къ службѣ на далекихъ окраинахъ необходимо привлечь болѣе лучшіе силы, такъ какъ тамъ несомнѣнно громадная, серьезная работа.

Обставивъ бѣльшими матеріальными и служебными выгодами эту тяжелую службу, чрезвычайно важно опредѣлить для нее извѣстный срокъ (хотя бы 3—5 лѣтъ), послѣ котораго каждому желающему предоставляется средства и право перевода въ Европейскую Россію, т. е. ввести такое же положеніе, какъ и въ Англійской арміи по отношенію службы офицеровъ въ Индіи.

Тогда у каждаго, въ какую бы страшную глушь не забросила его судьба будетъ впереди проблескъ, надежда на болѣе свѣтлое будущее, а это всегда поддержитъ человѣка отъ нравственнаго паденія.

Попутно съ этимъ предоставить возможность офицерамъ на окраинахъ изучать мѣстные восточные языки, ускоривъ для знающихъ ихъ въ совершенствѣ производства въ слѣдующій чинъ.

И въ войнѣ съ азіатскими сосѣдями мы не будемъ поставлены въ необходимости довѣряться китайцамъ и корейцамъ — переводчикамъ, которые по-

лучая съ насъ деньги, въ послѣднюю компанію служили больше японцамъ, чѣмъ намъ.

Между тѣмъ на Дальнемъ Востокѣ по словамъ начальника штаба Заамурскаго Округа Пограничной стражи Полковника Богданова дѣлалось все возможное, чтобы не допустить офицеровъ слушать курсы Восточныхъ языковъ, опасаясь, что съ такой подготовкой большинство уйдутъ изъ военной службы.

Перейдемъ теперь къ очень важному, больному вопросу — отсутствіе у офицеровъ интереса къ военному дѣлу, его современной техники и развитіе послѣдней въ иностранныхъ арміяхъ.

Почти во всѣхъ полкахъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, изученіе военнаго дѣла ограничивалось только усвоеніемъ Уставовъ, гдѣ каждый элементъ боя разсматривается отдѣльно. Но вѣдь это только половина дѣла: нужно еще уметь соединять ихъ въ одно цѣлое, считать ихъ въ стройную систему такихъ дѣйствій, которыя согласовались бы съ обстоятельствами и обстановкой *данной минуты* боя, необходимо правильно выражать свои мысли тѣми или другими дѣйствіями въ бою: надо усвоить грамматику сраженія, т. е. *тактику*.

Изученіе послѣдней офицерами въ полкахъ и батареяхъ происходитъ въ офицерскомъ собраніи *не*

въ обязательные часы для занятій, а такъ между прочимъ при самой скучной, небрежной постановки этого важнаго дѣла, офицеры по очереди исчезаютъ въ буфетъ, рассказываютъ вполъ голоса другъ другу анекдоты или же по просту засыпаютъ въ заднихъ рядахъ во время доклада «теммы», повторяемый и списанной съ прошлаго года.

Между тѣмъ «организация прусскихъ офицерскихъ обществъ тѣмъ именно и хороша, что создаетъ человѣку обстановку, благодаря которой онъ поставленъ *въ необходимость* заниматься» сказалъ генераль Драгомировъ («Австро-Прусская война»). Мнѣ, кажется, подобную «обстановку» можно создать и у насъ.

1) Имѣя хорошихъ унтеръ-офицеровъ и направивъ дѣло, офицеръ свободно можетъ не присутствовать на гимнастикѣ и прыганіи солдатъ черезъ кобылу и удѣлить по часу хотя бы 2 раза въ недѣлю *утромъ*, *въ казармахъ* на тактическія занятія. Благодаря этому командиры частей получаютъ возможность строго относиться къ обязательному занятію по тактикѣ, такъ какъ отъ офицеровъ не отнимаютъ свободное время вечеромъ.

2) Но теорія сама по себѣ въ военномъ искусствѣ ровно ничего не значить, если нѣтъ *умнiя* примѣнять ее на практикѣ въ полѣ. Офицеръ го-

товить себя къ войнѣ; а война внѣ поляне мыслима. Оно важно для офицера, какъ мастерская для художника или лабораторія для химика.

3) Никогда не слѣдуетъ забывать, что идеалистовъ вообще мало на свѣтѣ и потому всякая хорошая работа нуждается въ поощреніи.

Вотъ почему наши «полевые поѣздки» въ большинствѣ случаевъ не достигали блестящихъ результатовъ.

Если хотите, какъ это не скверно, но вполне естественно.

Въ прежнее время говорилось: только плохой солдатъ не думаетъ быть генераломъ, ну и теперь, я позволю себѣ сказать, глупъ тотъ строевой, армейскій офицеръ, который рассчитываетъ уйти дальше воинскаго начальника.

«Война это лучшая школа и академія для каждаго военнаго». Противъ этого принципа едвали можно что либо возразить.

Посмотримъ какъ онъ примѣняется на дѣлѣ: съ началомъ японской войны былъ объявленъ приказъ о производствѣ капитановъ, участниковъ въ прошлой турецкой компаніи въ подполковники (27 лѣтъ сидѣли въ одномъ чинѣ). А въ Маньчжуріи у насъ было хроническое отсутствіе боевыхъ генераловъ.

Но можетъ быть эти участники турецкой компаніи плохо дѣйствовали? спросать меня нѣкоторые, недоумѣвая.

Ни чуть. Они увѣшаны знаками отличія начиная ор. св. Анны 4 ст. «за храбрость» и кончая орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ.

Секретъ заключается только въ одномъ: что даютъ въ будущемъ эти кровью заработанныя отличія.

Первое — право пробывать пищу въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а послѣдній орденъ — кресло позади судей во время судебного засѣданія.

И это почти все.

Можно быть всему продырявленному отъ ранъ, обладать недюжиннымъ умомъ и *безнадежно застрять* на чинѣ капитана.

Съ этимъ положеніямъ такъ свыклись, сроднились, считая его въ порядкѣ вещей, что я, право, не беру на себя смѣлость доказывать противное и констатирую только факты. Среди многихъ другихъ несообразностей въ арміи, существуетъ одна, такъ ярко выразившаяся въ послѣднюю войну.

Я говорю про офицеровъ запаса, которые за рѣдкимъ исключеніемъ приносили больше вреда, чѣмъ пользы въ минувшую, неудачную компанію.

Нѣкоторые изъ нихъ съ откровенностью доходящей до цинизма высказывали, что орденами ихъ

не прельстятъ, военныхъ чиновъ имъ не нужно, такъ какъ все равно они вернуться послѣ войны на свои прежнія мѣста земскихъ начальниковъ, товарищей прокуроровъ, въ банкъ и т. д.

Однимъ словомъ веди себя такъ, чтобы не угодить подъ судъ, а тамъ на все можно начихать. Но стоило бы для г.г. запасныхъ офицеровъ ввести аттестаціи, безъ которыхъ ихъ не принимали обратно и вообще на государственную службу и предъидущая картина рѣзко бы измѣнилась.

Въ этихъ аттестаціяхъ не говорилось бы по сколько Г-нъ Х. преуспѣваетъ въ военномъ искусствѣ, не имѣющимъ ровно никакого значенія къ исполняемымъ имъ обязанностямъ въ мирное время, а помѣчалось бы только нравственность, порядочность, и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу.

Всѣ эти качества необходимы для всякой должности, а потому не только на государственной, но даже и на частной службѣ плохо аттестованныхъ офицеровъ запаса послѣ войны не приняли бы обратно.

А это явилось бы сильнымъ факторомъ для ихъ сдерживанія на войнѣ отъ разныхъ не приличныхъ фокусовъ.

Заканчивая свою статью, я чувствую въ ней массу недочетовъ исправить которые я не въ силахъ.

Но повторяю еще разъ пусть все изложенное мною представляетъ цѣлый рядъ заблужденій, но заблужденій продиктованныхъ искренней, горячей любовью къ нашей слишкомъ скромной, заплеванной арміи.

Мои ошибки натолкнуть другихъ на истинный путь преобразованій въ армій, и они подымуть и сдѣлаютъ ее предметомъ гордости и любви своего народа.

Общественная роль офицера.

Въ своей предыдущей статьѣ я указывалъ на причины массовой неудовлетворенности корпуса офицеровъ арміи. Существуетъ еще одна, чрезвычайно важная причина, выдвинутая печатью передъ войной 1904 г.

Въ обществѣ, журналахъ, газетахъ почти въ теченіи 25 лѣтъ все громче и громче раздавались голоса, доказывающіе, что армія, имѣющая свое прямое назначеніе войну, въ мирное время представляетъ изъ себя бесполезный органъ, чуть ли не паразита, истощающаго страну чрезмѣрными на нее затратами народныхъ денегъ. Не входя въ оцѣнку подобнаго мнѣнія, я констатирую тотъ фактъ, что часть корпуса офицеровъ чувствовала себя какъ бы отчужденной отъ общества, переставала вѣрить въ свое профессиональное назначеніе и любить свое дѣло.

Единственный выходъ изъ этого тяжелаго, подавленнаго моральнаго состоянія офицера, какъ

мнѣ кажется, необходимо, чтобы онъ созналъ, что подготовка солдатъ къ войнѣ является хотя главной, но не единственной его задачей, а рядомъ съ этимъ на немъ лежатъ обязанности общественныя въ качествѣ *воспитателя солдатъ*, вчерашнихъ и завтрашнихъ гражданъ Россіи, и свято выполнилъ бы свое новое назначеніе.

Въ тотъ день, когда офицеръ пойметъ, что онъ имѣетъ нѣчто другое, чѣмъ только приготовленіе къ войнѣ, его длинные, свободные часы отъ службы будутъ наполнены и уже не явится та безнадежная пустота, которая заставляла его часто относиться съ отвращеніемъ къ своимъ обязанностямъ. Онъ будетъ гордиться, что и въ мирное время онъ выполняетъ полезный и необходимый трудъ гражданина.

Благородство всякой профессіи измѣряется заключающимся въ ней идеаломъ.

Я не сумѣю указать болѣе возвышенной роли офицера будущаго, дающаго, въ родѣ монаха, обѣты бѣдности, послушанія, посвященія тѣла и души на защиту Родины и Государя, внимательнаго воспитателя своихъ солдатъ... Профессіональная роль офицера не будетъ принижена, наоборотъ, она явится облагороженной, дополненной новымъ могущественнымъ элементомъ *интереса*, которымъ она раньше не обладала.

И страна, отдающая теперь съ недоуверіемъ своихъ дѣтей въ армію, получивъ ихъ обратно болѣе лучшими, увидить и оцѣнить эту работу военныхъ на пользу общественнаго прогресса.

Однимъ словомъ, я хочу указать на новую общественную роль офицера-воспитателя, столь необходимую для самихъ офицеровъ. Печальныя явленія бунтовъ среди солдатъ помимо главныхъ причинъ: экономической и безславной войны — указываютъ несомнѣнно на успѣхъ агитаціи крайнихъ партій среди нижнихъ чиновъ. Въ слѣдующій призывъ новобранцевъ попадутъ въ большемъ числѣ бастовавшіе фабричные, участники бывшихъ аграрныхъ беспорядковъ и т. д. Одними бездоказательными увѣреніями, что это все «бунтуютъ крамольники» ихъ не убѣдятъ. И тутъ снова я подхожу къ вопросу о роли офицера-воспитателя въ данномъ случаѣ, предохраняющаго страну отъ дикихъ солдатскихъ возстаній.

Даже при увольненіи въ запасъ у солдатъ не будетъ ощущенія людей, вырвавшихся изъ подъ замка и ненавидящихъ режимъ арміи. Они будутъ вспоминать своихъ начальниковъ — воспитателей, твердыхъ, настойчивыхъ, но не грубыхъ, полныхъ братской заботы и вниманія къ ихъ духовнымъ и физическимъ нуждамъ. Тогда ихъ никто не собьетъ

разказами, что въ полкахъ къ лошадямъ относятся съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ людямъ, никто не пошатнеть ихъ довѣріе и уваженіе къ воспитателю — старшему брату, а это явится прививкой навсегда противъ яда революціонныхъ доктринъ. Даже самые ярые противники милитаризма не рѣшатся доказывать, что въ арміи приучаются къ лѣни, алкоголизму и вреднымъ удовольствіямъ большихъ городовъ. И мы увидимъ націю и армію сближенными и своимъ единеніемъ еще болѣе усиливающими Россію.

Я съ трехъ сторонъ разсматривалъ важность и необходимость новой роли офицера-воспитателя солдатъ. Но онъ долженъ еще въ Училищѣ получить соотвѣтствующую подготовку, для чего необходимо ввести курсъ «военной педагогики».

Во Франціи еще въ 1901 г., благодаря генералу Андре читаютъ въ «L'école Polytechnique» особый курсъ «Офицеръ-воспитатель». Наконецъ въ одной изъ молодыхъ еще современныхъ армій — болгарской — въ военномъ училищѣ преподаютъ двухгодичный специальный курсъ «военной педагогики».

Это не значить, конечно, что каждый слушатель по выходѣ въ офицеры дѣлается педагогомъ. Конечно нѣтъ, а просто онъ приобрѣтаетъ соотвѣт-

ствующую основу, на которой при нѣкоторыхъ данныхъ можно воздвигнуть великолѣнное зданіе.

Какія же нужны для этого серьезнаго дѣла данныя.

I. Мнѣ кажется, чтобы воспитывать солдатъ необходимо *любить* это дѣло; отсюда ясно, что не всякій офицеръ долженъ заниматься въ этомъ на-правленіи. Если онъ не чувствуетъ къ нему при-званія, то будетъ въ тысячу разъ больше пользы предоставить столь отвѣтственную работу другимъ.

II. Никогда не подлаживаться къ солдатскимъ выраженіямъ и говорить съ ними всегда хотя про-стымъ, но обыкновеннымъ языкомъ; нижніе чины, какъ дѣти, съ которыми въ разговорѣ взрослые по-чему-то считаютъ нужнымъ сюсюкать, инстинктивно чувствуютъ какую-то фальшь и неискренность.

III. Младшій офицеръ по отношенію къ ниж-нимъ чинамъ долженъ быть внѣ строя *старшимъ* братомъ, сохраняя свой авторитетъ. Старое патріар-хальное время проходитъ и роль юнаго подпору-чика въ качествѣ «отца» солдатъ не совсѣмъ умѣ-стна и естественна. Стоитъ только прочесть разсказъ Pierre Loti «Mon frère Ives», и всякій офицеръ пойметъ свою *новую роль* и увидитъ всю тяжесть нравственной отвѣтственности за душу солдатъ, завтрашнихъ гражданъ. Нужно спасти хоть одну

такую душу, а этимъ, право, стоитъ заполнить свой досугъ.

Я могу еще указать двѣ интересныхъ книги въ томъ же духѣ: «*Pingoto et moi*» par Art Roe — это псевдонимъ Капитана французской артиллеріи Магонъ и «*Officier est soldat*» par Georges de Lys, тоже псевдонимъ капитана 176 пѣх. франц. полка Боннеривъ.

Нисколько не заблуждаюсь, что старшій братъ солдата-офицеръ долженъ обладать большимъ тактомъ, чтобы не перейти извѣстныя границы; тяжелый трудъ, что и говорить, это правда, но полный глубокаго, захватывающаго интереса.

IV. Никогда не слѣдуетъ офицеру высказывать свои личныя симпатіи или антипатіи солдату, необходимо хотъ наружно быть *безпристрастнымъ*. Это качество очень цѣнится нижними чинами въ своемъ начальникѣ.

V. По возможности быть, хотъ внѣ строя, *ровнымъ и спокойнымъ*.

VI. Мало отдать приказаніе, солдатъ исполнить его по долгу дисциплины, какъ и всякій, если надъ его головой занесутъ палку, но какъ? Необходимо объяснить, особенно новобранцу, почему именно ему приказываютъ дѣлать это, а не что-нибудь другое. Тогда онъ исполнить приказъ

не только по долгу, но и по *убѣжденію*. А ради убѣждений люди охотно идутъ даже въ огонь...

VII. Не слѣдуетъ искать у солдатъ *популярности* — она несовмѣстима съ уваженіемъ, а безъ него вліяніе начальника на подчиненныхъ сводится къ нулю.

VIII. Офицеръ долженъ во всемъ самъ подавать личный примѣръ.

IX. При наложеніи наказанія необходимо внимательно отдѣлить проступокъ умышленный отъ случайнаго. Случайность можетъ со всякимъ приключиться и тяжелое наказаніе въ данномъ случаѣ вызоветъ въ солдатѣ негодованіе противъ несправедливости.

X. Даже въ своей частной жизни офицеръ долженъ быть безупреченъ, дабы ея картины, достигающія роты чрезъ его деньщика, не роняли бы его въ глазахъ солдатъ.

XI. Агитаціи соціаль-демократовъ среди арміи офицеръ долженъ посвятить все свое вниманіе и осторожно постепенно вести съ этимъ борьбу. Для успѣха всякой борьбы надо знать хорошо противника, его желанія, цѣли и приемы, а потому офицеръ, оставаясь внѣпартійнымъ, обязанъ слѣдить за общественнымъ движеніемъ и *заранѣе* подготовившись, говорить на эту тему съ солдатами.

Не всякій офицеръ способенъ и въ состояніи это дѣлать, но изъ полка командиръ всегда можетъ двумъ, тремъ человѣкамъ довѣрить это дѣло (конечно не прапорщикамъ запаса). Лучше, если будущіе офицеры еще въ военныхъ училищахъ подъ хорошимъ талантливымъ руководствомъ пройдутъ политическую исторію соціальной эволюціи.

Таковы, на мой взглядъ, данныя, которыми долженъ обладать или развить въ себѣ офицеръ-воспитатель.

Перейду теперь къ способу воспитанія солдата.

Въ своемъ чрезвычайно интересномъ сочиненіи «L'officier éducateur» Жоржъ Дюрюи въ VIII и IX главахъ указываетъ два способа: *нравственное* и *умственное* воздѣйствіе офицера на солдатъ.

Дюрюи, признавая второй способъ, отдаетъ предпочтеніе первому, какъ болѣе простому, ибо «достаточно, чтобы солдатъ услыхалъ слово отъ сердца, и оно войдетъ ему въ душу», справедливо замѣчаетъ онъ.

Въ своей стороны я подчеркиваю эту необходимость первоначальнаго нравственнаго воздѣйствія, въ особенности на молодого солдата. Вспомните, какъ рѣзокъ, внезапно переходъ нашего новобранца, такъ сказать отъ *сохи къ ружью*, котораго онъ никогда не видалъ въ своихъ рукахъ; это не

может не дѣйствовать болѣе или менѣе разрушительно на его нравственную сторону. Въ первое время, обыкновенно, онъ сильно груститъ по родитѣ, бываетъ ошеломленъ внезапностью перемѣны, происшедшей въ его жизни, и всѣ его умственные и нравственные силы какъ бы парализованы. Ясно, что въ первые дни онъ не въ состояніи спокойно и съ любовью приняться за военное дѣло. Въ большинствѣ случаевъ у насъ забываютъ объ этомъ и болѣе ретивые офицеры сразу набрасываются на него съ муштровкой.

А ему нуженъ прежде всего покой для того, чтобы, онъ могъ опомниться и приглядѣться къ той обстановкѣ, въ которую онъ такъ неожиданно попалъ, и только послѣ этого подойти къ нему съ лаской, со вниманіемъ.

Нужно понять, какой процессъ совершается въ душѣ этого человѣка, поневолѣ оторванного отъ всего, что только было дорогого для него на свѣтѣ; сердцемъ почувствовать, какъ нравственно подламывается натура человѣка, который послѣ рокового слово — *«годенъ»* болѣе уже не располагаетъ собой; когда настоящее для него безотраднo, а неизвѣстность того, что ожидаетъ впереди, тяжелымъ гнетомъ ложится на изнывающую отъ горя душу... Страшная минута для деревенскаго парня.

Итакъ, сперва офицеръ обязанъ оказать нравственное воздѣйствіе на солдата. Но какъ это сдѣлать.

Дружескими, простыми, понятными разговорами; но офицеръ не долженъ забывать, что даже будущій священникъ еще въ школѣ практикуется говорить, а потому онъ обязанъ въ Училищѣ подъ опытнымъ руководствомъ работать въ этомъ направленіи. Пусть эти темы будутъ общими, но вѣдь между солдатами не приходится сѣять утонченныя идеи... Честь, обязанность, родина, храбрость и т. д. вотъ необходимыя для него понятія, но имъ нужно придать жизнь, вкладывая въ это хотя и общія мысли всю свою душу и приучая своего подчиненнаго дѣлать нравственную оцѣнку каждаго явленія въ его жизни.

«Бойтесь думать», говоритъ George Duruy (въ VIII главѣ своего сочиненія «L'officier éducateur»), «что Ваши обязанности кончились съ прекращеніемъ обязательныхъ занятій въ ротахъ, наоборотъ, только сейчасъ и начнется ваша роль офицера-воспитателя». И дѣйствительно: служба кончена, остаются длинныя, пустые часы, которые нечѣмъ исполнить солдату. *Вотъ моментъ, когда офицеръ долженъ явиться добрымъ совѣтникомъ и руководителемъ, исправляя его дурныя наклонности, порожденныя скукой и бездѣльемъ.*

Сколько здорового, хорошего можно такимъ образомъ посѣять. Солдаты будутъ видѣть не только суроваго, требовательнаго командира, но съ трогательнымъ удивленіемъ откроютъ въ немъ друга, который внимательно разспрашиваетъ его о семьѣ, посѣвахъ и проэктахъ будущаго, онъ обнаружитъ въ своемъ начальникѣ, голосъ котораго пугалъ его во время занятій, что-то другое, мягкое, братское, что изъ этого рта помимо ругани, приказанія—могутъ выходить тѣ слова, коихъ такъ ему недоставало со времени пребыванія въ полку, и безконечная благодарность наполнить его преданное сердце.

Онъ будетъ тѣломъ и душой принадлежать этому начальнику. *Вотъ лучшее средство сдѣлать его готовымъ идти куда угодно за собой.*

Это, конечно, отнимаетъ у офицера дорогіе часы его досуга, но есть обязанности, при исполненіи которыхъ отдыхаешь физически и морально: я говорю про внутреннюю удовлетворенность отъ сознанія выполненнаго добраго дѣла.

Если бы даже хоть двумъ, тремъ молодымъ офицерамъ мнѣ удалось привить эти взгляды, то и тогда я счелъ бы себя счастливымъ, расплатившись хоть немного съ моимъ громаднымъ долгомъ по отношенію солдатъ, которые дважды спасли мою жизнь, вынося меня изъ непріятельскаго огня. Кругомъ

свистали пули, насаждала японская пѣхота, а горсточка забайкальскихъ казаковъ несла^мменя на рукахъ. Одни падали съ тѣмъ, чтобы никогда не встать, но ихъ замѣняли другіе... «Осторожнѣе, тише», долетало до моихъ ушей, и слезы умиленія, слезы безконечной благодарности къ этимъ людямъ текли изъ моихъ глазъ...

Пусть каждый изъ офицеровъ хоть мысленно переживетъ эти минуты, и я увѣренъ, что даже въ самомъ черствомъ сердцѣ вспыхнетъ такая сильная, горячая любовь къ солдатамъ, что съ ней, онъ самъ почувствуетъ, можно дѣлать чудеса...

Перейду теперь къ *умственному воздействию* офицера на солдатъ. George Duguy раздѣляетъ его на два вида: 1) бесѣда съ каждымъ солдатомъ и 2) полковыя собесѣдованія.

I. *Бесѣда съ каждымъ солдатомъ. Темы.*

Не надо искать далекихъ темъ: повседневная жизнь даетъ громадный матеріалъ и даже окружающіе предметы—лѣсъ, поля, вода, горы, машины, животныя и т. д. Подготовившись на всякій случай на эти простыя темы, офицеръ спрашиваетъ солдата, что онъ думаетъ, а потомъ уже объясняетъ, т. е. *наталкиваетъ* его самого на эти темы. Разъясненія офицера должны быть кратки, ясны и просты.

«Но при этомъ», замѣчаетъ справедливо Dugu, «не забудьте, что любопытство простыхъ умовъ бываетъ большею частью застѣнчиво и потому старайтесь говорить скромно, чтобы не спугнуть любознательность солдатъ».

Быть можетъ, офицеру покажется этотъ трудъ слишкомъ обременительнымъ, но тогда пусть только онъ вспомнитъ, что выполненіе обязанности офицера-воспитателя по отношенію невѣжественныхъ солдатъ представляетъ изъ себя только возвращеніе долга справедливости къ жизни, поставившей его, благодаря случайности рожденія, въ лучшія жизненные условія.

II. Полковыя собесѣдованія:

И такъ, предъидущей работой офицера почва разрыхлена, но ее именно ему то и надлежитъ за-сѣять, въ противномъ случаѣ всякое дурное; постороннее сѣмя пустить легче ростокъ именно благодаря этой разрыхленности.

Само собой разумѣется, что эти собесѣдованія не должны носить принудительный характеръ. Но какъ тогда привлечь солдатъ, развить въ нихъ охоту къ этимъ занятіямъ?

¹⁾ «L'officier éducateur».

Попробую отвѣтить.

1) Не слѣдуетъ злоупотреблять сверхъ мѣры этими собесѣдованіями.

2) Поручать это дѣло офицерамъ, которые имѣютъ къ тому призваніе и способности.

3) Сопровождать свои поясненія картинами волшебнаго фонаря и

4) Болѣе тщательный выборъ темъ (высшій надзоръ—командира части, а выполнение—оберъ-офицеровъ).

Темы могутъ быть: 1) военныя и патріотическія, 2) гражданскія, 3) экономическія, 4) нравственныя и 5) даже политическія. Право, чтобы сообщить обиходную гигиену вовсе не нужно офицеру для этого имѣть спеціальныя знанія, да наконецъ можно попросить читать полкового врача, по земледѣлію, огородничеству приглашать агронома и т. д. Сообщать имъ о вредѣ алкоголя ¹⁾, о путешествіяхъ, краткія характерныя особенности иностранныхъ армій, характеръ климата нашихъ колоній и т. д.

«Мы должны», говоритъ оберъ-лейтенантъ Гроссеръ въ своей статьѣ «Zur Erziehung des Soldaten», напечатанной въ № 27 Militär-Wochenblatt, «говорить о партіи, стремящейся къ перевороту,

¹⁾ Объ этомъ можетъ говорить только непьющій офицеръ.

называя ее своимъ именемъ, знакомить съ ея заблужденіями и цѣлями, хотя и хорошими, но недосыгаемыми, а потому противорѣчивыми съ нашими стремленіями и обязанностями»...

Нужно указать солдатамъ, что даже такая святая истина, какъ ученіе Христа, можетъ выродиться въ инквизицію и т. д., если люди будутъ проводить въ жизни эти принципы негодными средствами; что нельзя кричать: «Подъ судъ офицеровъ, отдающихъ приказъ стрѣлять», и тутъ же рядомъ убивать изъ за угла спокойно стоявшаго на своемъ посту городского.

У этихъ людей понятія о добрѣ и злѣ совершенно перепутались: когда толпа избиваетъ интеллигенцію,—это называютъ звѣрствомъ и разбоемъ, но когда та же толпа сожгла живьемъ офицера въ Курскѣ,—это они привѣтствовали, какъ справедливый гнѣвъ народа...

Необходимо осторожно прикоснуться къ этому соціальному злу, которое сильнѣе алкоголя подрываетъ наше нравственное здоровье, разлагая и парализуя русскую націю.

Быть можетъ многимъ покажется, что *казарма-школа*—химера. Но вѣдь я говорю и указываю не

на то, что «обязательно», но что только «желательно».

Перечитывая почти всѣ имѣющіяся у насъ книги на русскомъ языкѣ по вопросу о воспитаніи солдата, какъ то: «Солдатская памятка» Драгомирова 1891 г., «О способахъ обученія и воспитанія современного солдата» Бутовскаго 1897 г.; «Обученіе и воспитаніе солдата» Зѣнченко 1902 г., «Къ вопросу о воспитаніи солдата» Веселовскаго 1902 г., «Бесѣды по воспитанію солдата» Зубарева и т. д., я, не отрицая ихъ достоинствъ и талантливости, позволю себѣ замѣтить, что событія послѣднихъ двухъ лѣтъ настолько отразились и отчасти видоизмѣнили русскій простой народъ, а значитъ и армію, что нѣкоторые приемы воспитанія, указываемые перечисленными мною почтенными авторами, немного устарѣли, а потому я осмѣлюсь рекомендовать авторовъ тѣхъ странъ, гдѣ выдвинутые вопросы за послѣднее время нашей внутренней жизни, давнымъ давно разобраны и рѣшены.

1) «L'officier éducateur» par George Duruy, leçons faites à l'Ecole Polytechnique 1905.

2) «L'art de commander» par André Gavet. 1905.

3) «Notions de psychologie et leurs application à l'éducation mil.» par Tardieux E.

4) Соч. Richar'a капитана 29 баталіона chasseur à pied.

5) Стаття оберъ-лейтенанта Grosser'a «Zur Erziehung des Soldaten» напеч. въ № 27 Militär-Wochenblatt.

6) Брошюра «Офицеръ, какъ воспитатель народа» генерала германской службы Шмидта.

Былое.

(Разсказъ изъ войны).

Свѣтаетъ. Постепенно рѣдѣетъ легкая дымка тумана, и все яснѣе и яснѣе вырисовываются вершины горъ, занятыхъ непріятельской пѣхотой, вяло обстрѣливающей наши позиціи.

Моя рота служить сегодня прикрытіемъ 5-й батареи Н—ской артиллерійской бригады. Люди истомились, измучились 20-ти дневнымъ сраженіемъ и, пользуясь минутой сравнительнаго затишья — спятъ въ окопахъ, исключая часовыхъ и меня.

Тяжелыя мысли назойливо лѣзутъ въ голову. Какъ безотрадно, тоскливо дѣлается отъ нихъ на душѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ у меня было въ ротѣ 180 человѣкъ, а теперь осталось всего 65.

Долго ли продолжится эта ужасная бойня, въ которой оба противника словно уперлись лбами, и не въ силахъ сдвинуть одинъ другого, несмотря на отчаянныя усилія.

Хочется уйти куда нибудь, зарыться съ головой, хоть на одинъ день не видѣть тѣхъ ужасовъ, которые совершаются на моихъ глазахъ, иначе я сойду съ ума—вѣдь есть же предѣлъ и напряженію нервовъ.

Я уже теперь ловлю себя въ нѣкоторыхъ странностяхъ, которыхъ не бываетъ у совершенно нормальныхъ людей.

Чтобы отвлечь себя отъ непріятныхъ думъ, я вынулъ бинокль и сталъ слѣдить, какъ постепенно разгорался бой, приказавъ своему фельдфебелю разбудить солдатъ.

Теперь по всей линіи фронта слышалась частая ружейная трескотня.

Вотъ загрохотала и японская артиллерія.

Нѣсколько снарядовъ со свистомъ пролетѣли надъ нашими головами и разорвались позади 5 батареи; съ моего мѣста отчетливо видно, какъ тамъ забѣгала и зашевелилась прислуга у орудій, вслѣдъ затѣмъ блеснулъ огонь изъ дула и грянулъ отвѣтный выстрѣлъ. Скоро весь гребень нашей артиллерійскій позиціи окутался дымомъ. Временами онъ разсѣивался и тогда можно было простымъ глазомъ различить маленькія бѣлыя облака разрывовъ японскихъ шрапнелей, падающія фигуры нашихъ

артиллеристовъ, какъ то странно, безпомощно взмывающихъ руками.

Два крайнихъ орудія уже не стрѣляютъ, повидимому, подбиты. До меня доносится нервная команда командира батареи «безъ очереди».

Бѣглый огонь нашихъ пушекъ слился съ частыми залпами стрѣлковъ въ передовомъ окопѣ правѣ меня. Черныя тѣни спускаются съ сѣверныхъ склоновъ горъ, занятыхъ противникомъ. Я приказалъ своей ротѣ стрѣлять. А на бѣломъ снѣгу отчетливо рисуются японскія цѣпи по частямъ, иногда даже по одиночкѣ перебѣгающія впередъ.

Вотъ залегли и открыли пачечный огонь. Впереди самого моего окопа, что то взвизгнуло, раздался характерный, знакомый звукъ «па-ахъ» разрыва шрапнели и близко, близко кто то дико вскрикнулъ; я невольно оглянулся. Въ шагахъ 5-ти отъ меня корчилось нѣсколько человѣкъ окровавленныхъ солдатъ, немного дальше лежалъ ничкомъ мой любимый унтеръ-офицеръ Нечипоренко съ оторванной головой; быстро вздрагиваютъ его плечи, словно отъ сдержанныхъ рыданій, кровь фонтаномъ хлещетъ изъ бѣловатой жилы; разорванные кровеносные сосуды, обнаженное начало позвоночника, вкругъ котораго висятъ клочьями куски мяса, —

точно взрытаго желѣзными крюками, образуютъ одну громадную, зіяющую, страшную рану...

Я съ ужасомъ смотрю на эти вздрагивающія плечи и чувство безумнаго страха охватываетъ меня. Спѣшу отвернуться и вижу мрачныя, серьезныя лица своихъ солдатъ, которые изрѣдка вглядываются въ меня, словно ищутъ во мнѣ помощи. Наконецъ, прихожу въ себя, благодаря самолюбію, которое такъ много мнѣ доставляло непріятностей по службѣ въ мирное время, ибо мнѣ вдругъ дѣлается стыдно за свою слабость передъ этими взрослыми бородами дѣтьми, столь довѣрчиво, безпомощно ищущими во мнѣ нравственной поддержки.

Усиліемъ воли я заставляю себя показать, что бояться нечего, и наружно спокойный становлюсь на открытое опасное мѣсто, продолжая командовать.

А подлый инстинктъ самоохраненія попрежнему подсказываетъ мерзкое желаніе нагнуться передъ пулей, спрятаться и даже бѣжать.

Свинцовый дождь, какъ на зло, становится сильнѣй. Пули словно шмели жужжать мимо ушей. Все чаще и чаще слышу въ моей ротѣ стоны, но уже не оборачиваюсь и съ ужасомъ слѣжу, какъ быстро движутся непріятельскія цѣпи. Словно чудовищныя, страшныя, неудержимыя волны, одна за

другой стремятся онѣ на окопъ, расположенный немного впереди и правѣ меня.

Оттуда имъ несутся навстрѣчу безпорядочные бѣшеные залпы. Сзади съ батареи раздается хрип-лая команда «трубка на картечь».

Поздно. Японцы бросились въ штыки, на минуту общій ревъ. Черныя косматые папахи и кепи съ желтыми околышами перемѣшались между собою. Переднія части противника уже ворвались въ окопъ... оттуда послышались и точно оборвались нѣсколько десятковъ воплей... Мимо меня пробѣжали послѣдніе уцѣлѣвшіе защитники окопа съ искаженными отъ ужаса и страха лицами, съ вытаращенными, почти бессмысленными глазами, неестественно размахивая на бѣгу руками и что то крича... Многіе были безъ ружей...

И вдругъ произошло что то ужасное... Нѣкоторые изъ моей роты, еще нерѣшительно, медленно стали выползать изъ окопа, собираясь отходить назадъ... Я понялъ въ эту минуту, что еще немного — они всѣ побѣгутъ, какъ безпорядочное стадо барановъ. Эта мысль словно обожгла мозгъ и стала господствующей, оттѣснивъ всѣ другія, вмѣстѣ съ боязнью смерти на задній планъ. Мнѣ сдѣлалось гадко, противно до тошноты.

Я крикнулъ имъ, что только подлая дрянь мо-

жеть бѣжать сейчасъ и если даже они всѣ уйдутъ назадъ, я одинъ пойду навстрѣчу противнику, не желая пережить позора. Оскорбивъ ихъ сознательно, въ надеждѣ задѣть самолюбіе, я быстро выскочилъ изъ окопа впередъ, забывъ вынуть револьверъ и обнажить пашку. Черезъ минуту я услышалъ за собою топотъ сотни ногъ бѣгущихъ людей, ихъ хриплое, порывистое дыханіе и въ моей душѣ зашевелилось къ нимъ чувство любви и благодарности.

Мы устремились на окопъ, занятый японцами, перегоняя одинъ другого.

Чувствовалось, что эту толпу трудно теперь повернуть назадъ: что-то толкаетъ меня и ихъ все впередъ и впередъ, что для насъ въ данную минуту почти нѣтъ никакихъ преградъ: мы все смеемъ, все опрокинемъ, уничтожимъ на своемъ пути.

Вотъ и окопъ, гдѣ японцы добивали нашихъ раненыхъ, кто-то изъ нихъ крикнулъ и на этотъ крикъ отозвался другой, изъ нашей груди, дикій, беспощадный крикъ, въ которомъ слышалась злоба, жажда мести.

Началась рѣзня. Мы бессознательно дѣлали свое ужасное дѣло; передо мной, словно въ туманѣ, мелькнуло испуганное, растерянное, скуластое лицо, съ косо прорѣзанными глазами, которые молили о

пощадѣ, затѣмъ появилось другое, съ выраженіемъ ужаса, чей-то прикладъ раскололъ ему черепъ... мозги брызнули на меня... Все перемѣнилось между собою. Видѣлись барахтающіяся фигуры, которыя душили одна другую за горло, рвали зубами, не зная жалости и пощады. Слышались вопли, стоны, проклятiя... Это были дикіе звѣри, обезумѣвшіе отъ потоковъ крови...

Но вотъ противникъ дрогнулъ и безпорядочно побѣжалъ, опять-таки безсознательно, словно пьяные, мы бросились за нимъ, настигая и поражая японцевъ въ спину... которые падали лицомъ въ землю...

Вдругъ меня, словно нагайкою, ударило по животу... теплая, липкая кровь потекла по ногамъ... Но я продолжалъ бѣжать, несмотря на страшную, рѣжущую боль... Кругомъ никого... Въ глазахъ мелькнулъ клочекъ яркаго, голубого неба... и сразу стало темно. Я хотѣлъ крикнуть, но крикъ замеръ на губахъ... Неужели это смерть?... Что-то черное, непроницаемое, холодное охватило меня.

Мѣрно колышется носилки... Какъ удивительно тихо, спокойно на душѣ... боль въ животѣ замерла. Словно сквозь сонъ я слышалъ слова меня перевязывавшаго доктора: «Ну, этотъ даже до госпиталя не доживетъ».

Потомъ пріѣзжалъ генераль и поздравилъ съ Владиміромъ за атаку... Теперь я вспомнилъ все это. И страннымъ, дикимъ показалась мнѣ эта награда, причемъ она...

Они безконечно далеки отъ меня, они не хотятъ понять, что теперь совершилось нѣчто болѣе важное, чѣмъ этотъ крестикъ... Только сейчасъ, глядя въ голубое, прозрачное для меня небо, я увидѣлъ то, чего раньше никогда не видалъ... Всѣ вопросы, сомнѣнія, которые невыносимо волновали, мучили меня въ жизни, разрѣшились такъ просто, такъ ясно... словно пелена спала съ моихъ духовныхъ глазъ и я почувствовалъ близость другого міра... И бѣлыя тучки, словно раздвинулись передъ моимъ взглядомъ, разверзлось голубое небо и что то ослѣпительно чудное, прекрасное взглянуло на одно мгновеніе... и... вслѣдъ за тѣмъ мнѣ послышался голосъ, который говорилъ словно внутри меня:.. «Ты потерялъ меня и сталъ искать смыслъ жизни бросаясь во всѣ стороны, мучаясь, томясь, не находя его, забывая, что смыслъ всего этого Я—совершенная любовь. Люди созданы по моему образу, въ нихъ отражалось мое подобіе, но большинство, какъ и ты, утратили его. Вспомни, какъ послѣ этого ты метался, какъ страстно искалъ отвѣта на мучившій тебя вопросъ — смысла всего существу-

шаго, съ какимъ терпѣніемъ ты изучалъ науки, искусства, какъ горячо отдавался ты женской любви, какъ отъ нея ты перешелъ къ социализму—всеобщему равенству людей, сколько силъ, трудовъ было вложено тобою въ эти дѣла и какъ много горькихъ разочарованій пришлось испытать тебѣ. Ты страдалъ, страдалъ невыносимо и своими муками, отрицая меня, ты приближался ко мнѣ. Я далъ тебѣ свободную волю убѣдиться, въ чемъ состоитъ истинное счастье людей; ты пожалъ, что посѣялъ, не находя покоя. Жизнь человѣка только тогда явится осмысленной, если онъ будетъ подобенъ Мнѣ. Я есмь любовь, но для любви долженъ быть объектъ, таковымъ является Сынъ Мой возлюбленный, Онъ возлюбилъ погибающій въ грѣхѣхъ родъ человѣческій и принялъ на себя искушительную жертву. .

Я—совершенная любовь, но при совершенной любви нѣтъ мѣста эгоизму только двоихъ: любящаго и любимого, какъ это бываетъ въ земной любви, когда двое забываютъ весь міръ, эта любовь не совершенна, потому она и не могла удовлетворить тебя. Въ совершенной любви долженъ быть участникомъ третій — это Духъ Святой, Иже со Отцомъ и Сыномъ. Въ этомъ и смыслъ Единаго Бога въ трехъ лицахъ, таинство Св. Троицы, которое ты, не понявъ, отвергнулъ...

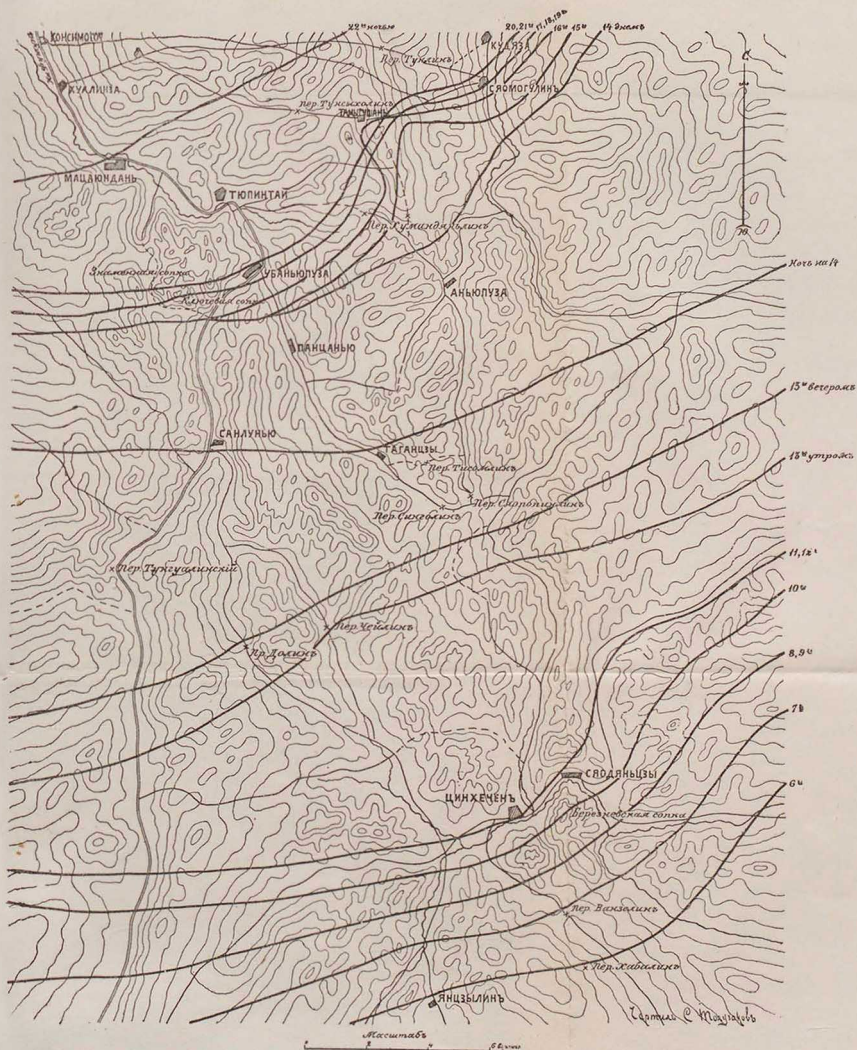
И долго говорилъ во мнѣ этотъ дивный голосъ...
Все яснѣе и яснѣе для меня становилось значеніе
бытія...

На душѣ было такъ безконечно легко и тихо.
Сердце едва-едва билось. Словно какой-то туманъ
обволакивалъ меня и, наконецъ, непроницаемая
мгла окружила со всѣхъ сторонъ...

Мѣрно колышались носилки...

Къ боямъ отряда генерала Ренненкамппа съ 14 по 22 февраля 1905 года.

Складъ В. А. Березовскаго. Спб., Колокольная, 14.

Дальній Востокъ. Воспоминанія и рассказы въ теченіе года, предшествовавшего войнѣ. *Козьминъ* (Стрѣлокъ). Сибургъ. 1904 г.

... 2 р.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Благодаря наблюдательности автора и его литературному таланту, корреспонденція эти, собранныя въ настоящей книгѣ, даютъ интересную живую картину своеобразнаго быта нашихъ войскъ въ томъ далекомъ краю, который является теперь ареной кровавой борьбы, жизни, нравовъ и обычаевъ коренныхъ обитателей этого края и ихъ отношеній къ намъ.

„Развѣдчикъ.“ № 741. А—ковъ.

Лихунчжанъ и политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Сочиненіе *Лянчицао*. Съ портр.

Лихунчжана (фототипія) и приложеніемъ таблицъ династій въ Китаѣ и біографій популярныхъ на родинѣ китайцевъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ. Перевели съ китайскаго языка *Чжанъ-Чинъ-Тунъ* (аташе Китайск. посол.) и *А. Н. Вознесенскій*. 2 р.

ЛЯНЧИЦАО одинъ изъ реформаторовъ Китая, стоящихъ во главѣ движенія. Въ 1898 году въ Пекинѣ произошли политическія перемѣны, и Лянчицао бѣжалъ въ Японію, — гдѣ находится и до сихъ поръ. — Въ его сочиненіи не только подробно изложены событія Китая за послѣднія сорокъ лѣтъ, но и дается краткій обзоръ постепенныхъ перемѣнъ государственной жизни Поднебесной Имперіи.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Русскій переводъ вноситъ въ русскую литературу о Дальнемъ Востокѣ цѣнный вкладъ, и несомнѣнно можетъ служить великолѣпной подготовкой для тѣхъ, кто пожелалъ бы основательно познакомиться съ Дальнимъ Востокомъ, его исторіей и настоящимъ. Книга читается съ интересомъ.

Ф. Курчичскій.

(Прилож. въ „Руси“ отъ 1 ноября 1905 г.).

Книга Лянчицао прекрасно переведена на русскій языкъ гг. А. Н. Вознесенскимъ и Чжанъ-Чинъ-Тунъ и снабжена хорошимъ портретомъ Лихунчжана. Издана она великолѣпно и, несомнѣнно встрѣтитъ сочувствіе въ нашей читающей публикѣ, интересующейся, вопросами Дальняго Востока.

„Приложенія Нивы“ за 1905 г. № 11.

х в
Маіоръ ИММАНУЭЛЬ
*причисленный къ генеральному штабу, преподаватель
военной академіи.*

Русско-Японская Война **ВЪ ВОЕННОМЪ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ** (Der russisch-japanische Krieg in militärischer und politischer Beziehung, dargestellt von Immanuel)

Переводъ К. АДРИДИ.

Сочиненіе г. Иммануэля на нѣмецкомъ языкѣ выходитъ выпусками, которыхъ предполагено 5 и изъ которыхъ четыре уже появились. Такъ какъ первый выпускъ не представляетъ цѣликомъ интереса для русскихъ читателей, то онъ не переведенъ, а замѣненъ особымъ введеніемъ, составленнымъ изъ выдержекъ наиболее важныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ у насъ будетъ:

ВЫПУСКЪ I. Отъ начала войны до сраженія у Кинчоу
(этотъ выпускъ уже вышелъ).

„ **II.** Бой при Вафангоу, битвы у Ляояна и на
Шахэ (Вышелъ).

„ **III.** Осада Портъ-Артура. Морской бой 28 іюля
(10 августа) 1904 г. (Печатается).

и выпускъ IV. Ко времени печатанія объявленія, еще не полученъ въ Россіи.

Цѣна по подпискѣ за всѣ четыре выпуска 4 р., съ перес. 5 р.
Каждый выпускъ отдѣльно по 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Выпуски будутъ высылаться по мѣрѣ выхода.

Авторъ пользовался всѣми, наиболее достоверными источниками, какъ нашими, такъ и иностранными. Не прибѣгая къ рѣзкой критикѣ, онъ даетъ болѣе или менѣе объективное освѣщеніе событій, а изложеніе его труда настолько популярно, что доступно читателямъ безъ спеціально-военной подготовки. Для русскихъ знакомство съ нѣмецкимъ сочиненіемъ о войнѣ представляетъ интересъ еще и въ томъ отношеніи, что знакомитъ со взглядами учителей нашихъ бывшихъ противниковъ, на причины успѣховъ своихъ воспримчивыхъ учениковъ.

ПОДПISКУ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО. Спб., Колокольная, 14.

PKT
PID.

2011096475